

«МЫ НАХОДИМСЯ В САМОМ НАЧАЛЕ ПУТИ»

«Средний Урал располагает колоссальным туристическим потенциалом» – уверяют авторы-разработчики новой целевой программы развития (2011-2016 годы) из Министерства культуры и туризма. Однако, этот потенциал, как говорят в Министерстве, используется не в полной мере. До 1991 года Свердловская область оставалась закрытой зоной для иностранных туристов. Пришло время перемен. На сегодняшний день, как известно, туризм является одной из ведущих отраслей экономики и способен принести внушительные суммы в государственный бюджет и тем самым, как сообщается в программе, повысить уровень жизни горожан области.

Согласно официальному сообщению Министерства культуры и туризма, программа развития с бюджетом около шести миллиардов рублей рассчитана на пять лет и включает многочисленные амбициозные проекты, среди которых «Верхотурье – Духовный центр Урала», «Каменные ворота» и «Старый Невьянский завод». Также в рамках целевой программы предусмотрена разработка группой профессионалов фирменного туристского стиля Свердловской области, с которым обещают познакомить общественность в 2011 году. Что подразумевается под фирменным стилем, пока не сообщается даже в общих чертах. Известно только, что в процессе работы над этим вопросом специалисты развернут широкую информационно-пропагандистскую кампанию в СМИ и снимут не менее двадцати художественных и научно-познавательных фильмов о природных и культурных богатствах области. Планируется изготовление и установка наружных средств сопровождения туристов на русском и английском языках. Данное обновление в городской

среде, на наш взгляд весьма уместно и необходимо. Ведь, скажем, иностранцам довольно трудно ориентироваться на местности, так как указателей на английском языке в городе не очень много. Тем более, если на некоторых из них встречаются грамматические ошибки в написании английских слов. Подобную картину можно наблюдать на остановке общественного транспорта на улице Свердлова. Рядом с названием остановки «Дом музыки» надпись дублируется на английском языке: «Music holl». Английский же аналог слова «холл» выглядит так – «hall».

Оценить эффективность программы сможет Правительство Свердловской области, куда Министерство культуры и туризма будет поэтапно сообщать о результатах реализации программы на каждой стадии.

«Несмотря на масштабность и широту проекта, мы пока находимся в самом начале пути. Необходимо в первую очередь «поднимать» туристскую инфраструктуру. Наша же область пока не готова достойно принимать большой поток туристов», – говорит Людмила Зорина, начальник отдела развития туризма, музейного дела и нематериального культурного наследия.

С новой программой развития разработчики связывают очень большие надежды. Елена Сеславина, исполнительный директор некоммерческого туристического партнерства по развитию туризма «Открытый Урал», является активным участником проектов «Путь Ермака», «Чусовая Россия», «Чайными дорогами Урала»:

«На мой взгляд, программа получилась весьма позитивная. Особенно радует, что она охватила почти все муниципальные образования, так как это значительно облегчает работу. Ведь при планировании, к примеру, какого-либо туристского маршрута, границы его могут проходить через различные муниципальные образования. Ранее это создавало ряд проблем,

которые теперь возникать не должны. Также хочу отметить, что программа версталась в весьма краткие сроки. Представляю, какой объем работы пришлось исполнить работникам министерства. Допускаю, что, может быть, в программе могут присутствовать какие-то недоработки. Но ведь, министерством неоднократно подчеркивалось, что документ может дорабатываться в процессе реализации. Предложения и идеи относительно развития программы активно принимаются и крайне желательны. Надеюсь, что программа выдвинет нашу область на новый уровень».

На сегодняшний день целевую программу развития уже пополнили некоторые предложения, поступившие от туристических фирм и клубов области. Речь идет о проекте строительства спортивно-туристского комплекса «Центр спортивного туризма на Ревуне». Идея создания комплекса принадлежит Спортивно-туристскому клубу Екатеринбурга. Директор клуба Татьяна Киселева рассказала о проекте более подробно: «Что касается участия в разработке новой программы по развитию туризма в Свердловской области на период с 2011 по 2016 годы, то мы подготовили свои предложения и передали их в Министерство по культуре и туризму. Одним из важных, на мой взгляд, было предложение о создании «Центра спортивного туризма на Ревуне», который должен быть расположен на реке Исеть в Каменском городском округе, в районе деревни Бекленищева. Место пользуется огромной популярностью у населения и туристов обла-

сти, а также является памятником природы областного значения. При наличии такого центра на Ревуне, территория будет под присмотром местных и областных властей. Кроме того, мы предложили включить в программу ряд традиционных массовых туристских мероприятий, таких, как слет туристов-лыжников на границе Европы и Азии, «Майская прогулка», «День туриста» и «Осенний марафон», а также семинары для председателей туристских клубов муниципальных образований Свердловской области и маршрутно-квалификационных комиссий, семинар волонтеров «Майской прогулки». По словам представителей Министерства культуры и туризма, эти мероприятия вошли в новую программу».

НАУЧИТЬСЯ РЕШАТЬ ПРОСТЫЕ ВОПРОСЫ

Одной из ключевых задач целевой программы развития является «определение (резервирование) земельных участков под проектирование и строительство объектов инфраструктуры». Согласно мнению Натальи Ларионовой, вице-президента Уральской ассоциации туризма, директора «Детское бюро путешествий», уже сейчас возникают определенные трудности, связанные с вопросом земли для строительства.

«Насколько мне известно, в новой программе развития акцент делается в первую очередь на активном туризме. На мой взгляд, нельзя забывать и культурно-образовательный туризм. Например, моя фирма уже три года тщательно пытается организовать в селе Косой Брод Полевского округа Свердловской области детский туристический комплекс, посвященный сказам П.П. Бажова. Знаменитый писатель посещал село в 30х годах XIX века и посвятил этому месту несколько своих произведений. Считаю, что необходимо постепенно отдаляться от кровавой темы убийства царской семьи на уральской земле и нести людям что-то светлое. Проблема, собственно, в том, что мы не можем найти общий язык с местной администрацией Полевского района. Никак не можем узнать, чья это земля. Мы не просим помощи в финансировании проекта, но не можем разобраться с элементарными муниципальными моментами. Получается, что на бумаге документа новой программы все прекрасно, а на практике мы сталкиваемся с, казалось бы, легко разрешимыми проблемами, но они тормозят весь процесс. Мне кажется, если такие простые вопросы пока достаточно трудно решить, то о каком последовательном и масштабном развитии туризма на Урале можно вообще говорить?»

КОГО ЗАБЫЛИ СПРОСИТЬ?

27 сентября 2010 года на заседании, посвященном Дню туризма, новая программа развития была представлена участникам турбизнеса для утверждения. В результате, у некоторых из профессионалов туризма возник вопрос – почему к процессу разработки столь крупного и значимого проекта не привлекли экспертов?

«Ту программу, о которой вы говорите, толком-то и не видел, – комментирует ситуацию Сергей Бузько, дирек-

тор одной из крупнейших на Урале турфирмы «Мир». – Трудно выражать мнение относительно того, чего не видел. Если бы ознакомиться с документом, то можно было бы поразмышлять. Презентация программы занимала довольно короткий промежуток времени, и разобрать нюансы было сложно: что надо делать, что предлагается, какие открываются перспективы – большинство вопросов так и осталось вопросами. Я считаю, что в процессе подготовки программы следовало выслушать мнение и профессионалов туризма, чтобы не только Министерство занималось этим делом. Ведь публичное обсуждение, мне кажется, никогда не мешало».

Согласно сообщению пресс-службы Министерства культуры и туризма, «программа версталась в кратчайшие сроки, по всем вопросам велись индивидуальные консультации с руководителями и специалистами предприятий туристической индустрии. Все это делалось для того, чтобы «вписаться» в бюджетный процесс 2011 года. Некоторые статьи расходов были представлены в Программе укрупненно, и более детальные планы с руководством Уральской ассоциации туризма были обсуждены позднее. Так что все мнения участников рынка мы учитывали, по мере возможности».

Само собой разумеется, что туризм – это достаточно широкая сфера деятельности, включающая

в себя многочисленные аспекты: транспорт, экология, культура, строительство. Согласно целевой программе развития, крупные капитальные вложения планируется произвести в подготовку природных парков «Оленьи ручьи», «Река Чусовая» и «Бажовские места». Необходимо подготовить парки к приему плотного потока туристов. Однако, как выяснилось, в Министерстве природных ресурсов области информацией о грядущих планах располагают не в полной мере.

«Дело напрямую связано с нашими природными парками, – говорит Александра Пономарёва, специалист в области экологической безопасности природных территорий и биологических ресурсов – Не могу прокомментировать, так как знаю, что сейчас в программу вносятся изменения, и, возможно, там будет предусмотрено 4,5 миллиона рублей на развитие дорожно-тропиночной сети природных парков. Однако, никакого официального подтверждения на этот счет в настоящее время мы не имеем. С последней редакцией программы мы не ознакомлены. Сейчас сложилась такая ситуация, что Министерство культуры и туризма предусматривает наше участие в программе, но торги должно проводить наше министерство. Нас никто пока не извещал, что нам передаются какие-

то средства в конкретных объемах для проведения торгов, связанных с какими-либо мероприятиями относительно охраняемых природных территорий».

Стоит отметить, что в программе развития туризма проговаривается так называемый экологический успех проекта. Ведь туризм, согласно тексту документа, «в отличие от многих других отраслей экономики, не приводит к истощению природных ресурсов». Возможно, если сравнивать туризм с добычей газа и нефти, то действительно, туристическая деятельность не наносит существенного ущерба природе. Однако, если подумать о тоннах мусора и прочих производственных отходах, являющихся следствием массового посещения того или иного объекта туристами, то, на наш взгляд, туризм все же оказывает определенную нагрузку природным ресурсам. Возможно, в скором времени этим вопросом займутся специалисты по охране природных объектов области.

ГДЕ ВЗЯТЬ ТУРИСТОВ?

Существует мнение, что даже при достаточно разветвленной инфраструктуре и природном богатстве уральской земли туризм как источник стабильного уверенного

дохода может и не развиваться. Какой смысл в масштабных проектах, если нет уверенности в том, что Урал, как туристический объект, интересен иностранным гостям и жителям других регионов нашей страны? Комментарии дает Людмила Варакина, президент общественной организации «Уральская туристическая гильдия»:

«Москвичи и другие россияне вряд ли сегодня захотят посетить Урал, чтобы посмотреть местные музеи или храмы. Дешевле съездить в разрекламированную Турцию или Египет, чем путешествовать по России. Тем более за рубежом налаженный сервис, комфорт, а в России высокие цены на транспорт, на гостиницы, даже благоустроенные туалеты есть не везде.

Что касается иностранцев, путешествующих по России, то им очень интересны храмы и церкви Екатеринбурга: такого рода объекты присутствуют и в других городах, к примеру, в Москве или Казани.

Мы все время слышим, что крупные туристические компании Екатеринбурга готовы обслуживать большой поток туристов, вопрос в том – где их, туристов, взять? Да, у нас

прекрасные музеи, разнообразная культурная жизнь, только кто об этом кроме нас с вами знает? Чем привлекательна Свердловская область, что у нас есть уникального, необычного? Считаю, что привлекать туристов на Урал можно через событийные мероприятия и другую правильно разработанную рекламу региона, учитывая историю нашего края, его уникальное местоположение и природу.

В начале мая общественная организация «Уральская Туристическая Гильдия» провела первый международный фестиваль-сплав «Большая Вода» на реке Чусовой, объединив в одном проекте несколько муниципальных образований, а в сентябре 2010 года под Нижним Тагилом прошел международный Уральский Охотничий Фестиваль.

Большинство иностранцев говорят, что Свердловская область – удивительно красивое место. Уголок земли с многообразием ландшафтов, где практически каждый камень, каждый населенный пункт имеет свою историю, свою легенду. У нас можно бороздить просторы на снегоходах и квадроциклах, летать на дельтапланах, покорять водное про-

странство на катерах, заниматься скалолазанием, охотиться и рыбачить. Однако, вдоволь накатавшись по бездорожью и получив свою порцию адреналина на охоте, иностранные туристы предпочитают все же ночевать в комфортабельной гостинице с душем и туалетом, а не абы где.

В основе процветания большинства современных туристических центров лежат доходы, получаемые за счет развитой инфраструктуры по обслуживанию туристических потоков. И это не только доходы от продажи мест в гостиницах и билетов в музеи. Дополнительные туристические сервисы: продажа сувениров, общественное питание, разнообразные театральные и музыкальные постановки, реконструкции исторического быта, развлекательный бизнес – все это приносит намного больше доходов. Именно за счет этой дополнительной инфраструктуры существует весь малый туристический бизнес. Инфраструктура кормит жителей этих городов и наполняет местные бюджеты. В Европе каждый среднестатистический турист оставляет в бюджете посещаемого им туристического города от 70 до 200 евро.

Областная власть может построить дороги и отели, отремонтировать храмы, но она не может создать предприятия малого бизнеса, которые будут обслуживать туристов. Они появятся сами в тот момент, когда поймут, что у них будут стабильные клиенты в лице туристов, но для этого нужна серьезная программа по продвижению региона. Не в деловом плане, а в туристическом».

«МНЕ ТРУДНО ПРЕДСТАВИТЬ ТЫСЯЧИ ТУРИСТОВ В ВЕРХОТУРЬЕ»

Интервью с Константином Брыляковым, заместителем министра по туризму 2005-2010 гг. до реорганизации Министерства физической культуры, спорта и туризма Свердловской области. В настоящее время Константин Брыляков является директором по развитию туристической фирмы «Екатеринбургский Центр Гидов».

Вы принимали участие в разработке предыдущей целевой программы развития. Но она была прервана и не доведена до конца. Как вы думаете, почему это произошло? Дело в неэффективности предыдущего проекта и поэтому министерство создало новый документ?

В качестве заместителя министра по туризму я отвечал за разработку и реализацию первой в истории Свердловской области государственной целевой программы развития туризма на 2007 год, а также аналогичной программы на 2008-й год.

Последняя программа, разработанная под моим началом, охватывала сроки с 2009-2011 годы. В ее разработке принимали участие лучшие эксперты в данной сфере, в рамках Совета по развитию туризма в Свердловской области. Однако она действительно не была реализована. В 2009 году программа не получила финансирования в связи с кризисом и дефицитом областного бюджета. А в 2010-м произошли изменения в политическом руководстве Свердловской области, в результате которых сменился губерна-

тор, появилось новое министерство культуры и туризма. Новая команда – новые установки, новые программы развития. Таким образом, приостановка действия предыдущей программы развития туризма связана с объективными причинами, а не с несовершенством проекта.

Какие условия, на Ваш взгляд, необходимо соблюсти в первую очередь для последовательного развития въездного туризма на Урале? Какие преодолеть трудности?

Для начала, необходимо определиться со стратегией развития отрасли. В свое время мы совместно с Уральским государственным университетом разработали проект «Концепции развития внутреннего и въездного туризма в Свердловской области», который получил одобрение как на уровне предыдущего Правительства Свердловской области, так и на уровне экспертов Совета по развитию туризма. В этом документе были определены прио-

ориентируется на этот документ. Недавно принятая новая программа развития туризма предусматривает реализацию основных туристских проектов в Невьянске, Березовском, в Полевском, в Алапаевском районе, в Каменске-Уральском, Нижнем Тагиле и многих других территориях области. Проекты очень интересные, а главное, во многом инициированы и поддержаны местными администрациями. Есть интерес и со стороны инвесторов. Хотя не обошлось и без перекосов. В рамках новых программ развития туризма (2011-2016) вписан масштабный и очень амбициозный проект «Верхотурье – Духовная столица Урала». Согласно принятому плану, к 2015 году Верхотурье, как туристический объект, будет принимать приблизительно триста тысяч гостей в год. На мой взгляд, это, мягко говоря, маловероятно.

Почему вы так считаете?

Верхотурье в качестве интересных для туриста объектов может предложить только памятники

ритетные зоны развития туризма на Среднем Урале, при этом не только исходя из имеющихся ресурсов, но и исходя из маркетингового анализа. Насколько мне известно, в настоящее время Министерство культуры и туризма в стратегических вопросах, связанных с туризмом в Свердловской области, во многом

Православия. Однако этого недостаточно для массового посещения этой территории коммерческими туристами. Необходимы и другие аттракционы, а также хорошо развитая система досуга, современная инфраструктура. К тому же не стоит забывать, что город расположен довольно далеко от Екатеринбурга

(306 км). Дорога до «духовного центра» займет более четырех часов езды. Туристам необходимо твердо и уверенно знать, за чем они едут и какое обслуживание получат на месте. Даже если будет отреставрирован Верхотурский Кремль, на ночь в Верхотурье вряд ли кто-то останется. Сегодня частыми посетителями религиозного центра Урала остаются паломники, а они, как можно предположить, основного дохода в казну не принесут. По этой причине на сегодняшний день мне сложно представить тысячи туристов, готовых оставить свои

ливалло нынешнее политическое руководство области. Именно из-за сжатых сроков у разработчиков не было возможности поэтапно согласовывать проект с профессионалами турбизнеса. В результате получился объемный свод различных мероприятий по развитию внутреннего туризма области, в котором разработчики старались учесть традиционные проекты в сфере развития внутреннего туризма, а также поддержать многочисленные новые инициативы и заявки от муниципальных образований обла-

привлечь к этой работе экспертов из числа профессионального туристского сообщества. Также, с моей точки зрения, на регулярной основе необходимо отчитываться о ходе реализации программы на заседаниях Совета по развитию туризма в Свердловской области.

«ВСЁ ЗАВИСИТ ОТ НАШЕГО ВНУТРЕННЕГО НАСТРОЯ»

На вопросы «Уральского следопыта», с благословения Викентия, архиепископа Екатеринбургского и Верхотурского, отвечает Борис Коссинский, руководитель пресс-службы Екатеринбургской епархии.

Проект «Духовный центр Урала» вписан в рамки целевой программы развития туризма на Урале, разработанной Министерством культуры и туризма Свердловской области. Одобрят ли Екатеринбургская епархия данный проект («Духовный центр Урала»)?

Проект программы создания туристско-рекреационной зоны «Духовный центр Урала» в известном смысле подводит итоги той совместной работы, которую вели Екатеринбургская епархия с одной стороны, и Губернатор и Правительство области – с другой стороны, на протяжении последних 20-ти лет, с 1990 года, когда Церкви был возвращен Свято-Николаевский Верхотурский мужской монастырь, а затем – в 1991 году – и Покровский женский монастырь. За эти десятилетия проведена большая работа по восстановлению храмов не только в Верхотурье, но и в связанных с ним населенных пунктах. Практически с нуля воссоздан комплекс храмов села Меркушино, места первого упокоения святого праведного Симеона. Одновременно с церковной совершенствовалась и структура приема гостей – и паломников, и туристов.

Сегодня на базе этого положительного опыта делается попытка перейти на новый уровень совместной работы. Предварительно разработанные предложения областных властей и епархии были представлены Святейшему

деньги на территории Верхотурья. А значит, не будет и инвесторов, хотя, возможно, благодаря усилиям Православной церкви появятся меценаты. Но это уже совсем другая история. Масштабные инвестиции из гос. бюджета, а речь идет о миллиардах рублей, правильнее было бы назвать субсидией в пользу города Верхотурья и Русской Православной Церкви.

Ваше мнение по поводу новой целевой программы развития (2011–2016 гг.)?

В первую очередь хочу отметить колоссальный объем работы, проделанный в кратчайшие сроки сотрудниками нового отдела министерства. Сроки устанав-

сти. Программа выглядит очень объемно, остается надеяться, что она будет профинансирована в полном объеме и все деньги будут качественно освоены. Если говорить о конструктивной критике данного документа, то я бы сказал, что в программе недостаточно проработаны механизмы поддержки реально действующих предпринимательских проектов в сфере внутреннего и въездного туризма, нет взаимосвязи с программами поддержки малого бизнеса. И все же, с учетом долготерпения действия программы, она может дорабатываться в процессе реализации. Поэтому я бы рекомендовал министерству

Патриарху Московскому и всея Руси Кириллу во время его Патриаршего визита в Екатеринбург в апреле 2010 года и получили его Первосвятительское благословение. Его Святейшество несколько лет назад, в 2005 году, посещал Верхотурье и Меркушино, он вполне информирован и о сделанном, и о нерешенных проблемах. Патриарх поддержал проект создания туристско-рекреационной зоны «Духовный центр Урала» во время своей встречи с Президентом Российской Федерации Д.А.Медведевым. Его Святейшество также согласился возглавить Попечительский совет программы «Духовный центр Урала». В рабочую группу по осуществлению данного проекта при Правительстве области входят архиепископ Екатеринбургский и Верхотурский Викентий и заместитель Свято-Николаевского мужского монастыря игумен Филипп.

Согласно упомянутой целевой программе развития, к 2015 году Верхотурье будет способно принимать около 300 тыс. туристов в год. Цифра грандиозная. На территории Верхотурья планируется создать разветвленный туристический комплекс. На ваш взгляд, став привлекательным туристическим объектом, Верхотурье не повредит своей репутации религиозного духовного центра?

Думаю, что эта цифра призвана определить именно способность новой инфраструктуры принять гостей Верхотурья. Совершенно правильно создать некий запас, задел на будущее, чтобы какое-то время можно было не возвращаться к во-

просам обеспечения проживания, питания, транспорта и так далее.

Что касается репутации Верхотурских монастырей, то здесь проблема заключается в правильной организации паломнических и туристских потоков. Надо четко представлять, что цели паломников и туристов различны. Паломник, в общем, уже имеет представление и о святыне, которую он хочет посетить, и об условиях, в которых он окажется, и об ограничениях, накладываемых монастырским и Богослужбным уставом. Часто для паломника важно исповедоваться, причаститься, получить конкретное духовное наставление. Туризм преследует в основном познавательные цели, знакомство с пока неизвестным и неизведанным. Поэтому, отправляясь в то или иное место, мы должны четко представлять, кем мы в этом случае являемся.

С другой стороны, и в монастыре должно присутствовать стремление и утолить духовную жажду паломника, и дать возможность туристу узнать что-то новое о Церкви, об истории своей Родины. В известной степени, работа с туристами для обители представляет миссионерское служение: многие, прибыв в то или иное известное место из простой любознательности, потом вновь и вновь возвращаются туда уже как паломники.

Там, где существует понимание этих проблем, никаких сложных вопросов не возникает. Например, Спасо-Преображенский Валаамский мужской монастырь с мая по ноябрь посещает ежегодно свыше 5 тысяч паломников и около 80 тысяч туристов (Дело в том, что массовое посещение этого архипелага

А, в конечном счете, все зависит от нашего внутреннего настроя. Кто-то в самом прекрасном месте находит поводы для недовольства, а кто-то и подлинными трудностями, неприятностями, неудачи переносит со смирением, стремясь найти доброе в каждой ситуации и оправдание всякому, с кем сталкивает его жизненный путь. «Ибо от избытка сердца говорят уста. Добрый человек из доброго сокровища выносит доброе, а злой человек из злого сокровища выносит злое». (Мф.12, 34-35).

Необходимо отметить, что в списке мероприятий целевой программы, подготовленной Министерством на 2011-2016 годы, проект «Духовный центр Урала» стоит на первом месте. Масштабные планы по восстановлению Верхотурья не ограничиваются реставрацией памятников православия. Для создания туристического кластера и духовного паломнического центра на территории Верхотурья требуется по меньшей мере 3,7 миллиарда рублей, так как параллельно с задачами программы будут решаться вопросы с канализацией, энергетикой, теплоснабжением и газификацией города Верхотурье. Для этого задействуют федеральные, областные, муниципальные и частные источники финансирования.

В результате, учитывая высказанные выше экспертные мнения, можно подчеркнуть что несмотря на масштабность и амбициозность проекта новой областной целевой программы, перспективы развития уральского туризма открываются недостаточно четко. Довольно много подводных камней остались скрытыми от глаз разработчиков и специалистов сферы туризма. Даже если проект той или иной турфирмы вписан в рамки программы, он не имеет полных гарантий на реализацию из-за возникающих на месте элементарных муниципальных вопросов, решение которых новоиспеченная программа, разумеется, не затрагивает, так как это в ее задачи не входит. Однако на первое место разработчики выносят развитие туристической инфраструктуры. Но даже при отреставрированных памятниках культуры, достаточном количестве отелей и приемлемом качестве дорог туризм как вид устойчивой и главное – доходной экономической деятельности может и не сложиться, так как для этого требуются отлаженная работа предприятий малого бизнеса в нашем крае, пока, к сожалению, весьма немногочисленных. В целом, остается надеяться, что программа, рассчитанная на столь длительный срок, претерпит немало изменений, которые позволят решать насущные проблемы в реальном времени.

P.S. Событийные проекты, традиционно проводимые журналом «Уральский следопыт»: ЛЕДОВЫЙ ШТУРМ, МАЙСКИЙ ЭКСТРИМ, ОСЕННИЙ МАРАФОН, Министерством культуры и туризма Свердловской области не были включены в Областную целевую программу «Развитие туризма в Свердловской области» на 2011-2016 годы (с документом можно ознакомиться на сайте журнала <http://www.uralstalker.com>)

возможно только во время летней навигации. Но на данный момент естественным ограничением численности посетителей является пропускная способность причалов острова). Так вот, на Валааме паломники проживают непосредственно в монастырских гостиницах, посещают Богослужения, несут трудовые послушания, питаются в особой трапезной по монастырскому уставу. А туристы размещаются на тех речных судах, которыми они прибыли, там питаются, а в монастырь прибывают только на несколько часов в середине дня, когда утренние Богослужения уже завершились, а вечерние еще не начались – они так же посещают храмы и монастырский музей, слушают рассказ о святынях и об истории и современной жизни обители. В монастыре для этого есть свои специально подготовленные экскурсоводы, у них такое монастырское послушание – работать с туристами.

Аналогичная ситуация в Троице-Сергиевой лавре и других монастырях, которые посещают и паломники, и туристы. В Свято-Николаевском Верхотурском мужском монастыре, в монастыре во имя Святых Царственных Страстотерпцев в урочище Ганина Яма под Екатеринбургом тоже есть подобный опыт, ведь эти обители уже посещают десятки тысяч гостей со всех концов нашей страны и из-за рубежа.

февраль 2011

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

veter@uralstalker.com

Публицистика

Д. ДАШКОВА

Ставим на хромую лошадь? Перспективы развития въездного туризма на Урале .. 1 пол. обл.

Версия

Д. ТИУНОВ

Нужна ли нам истина 10

Камни Урала

В. АВДОНИН

Их имена звучат в названиях уральских минералов..... 20

АЭЛИТА

aelita@uralstalker.com

Координаты чудес

О. АЛИФАНОВ

Тот, кто уже жил..... 28

Законы Вселенной

Е. ХАЛЬ

И. ХАЛЬ

Правильные слова..... 35

Повод для улыбки

М. БОЧКАРЕВ

Чайный гриб 40

РЕКА ВРЕМЕНИ

reka@uralstalker.com

Версия

В. КОЛОСОВ

Аран Джучи-хана 49

Письма памяти

Б. КАРТАШОВ

Возвращение в детство..... 54

На страже Родины

Ю. ГОРБУНОВ

«На орудийный с улицы не брали»..... 58

Портреты

Н. ЗАПОРОЖЦЕВА

Сарапульские фиалки 66

Человек и Природа

С. КУЛИКОВ

Весенние сказки Первущина 72

Тропой поиска

А. ШЛЕМОВ

Нижнетуринские якоря 74

Главный редактор – М. Ю. Фирсов.

Редакторы разделов – Ю.А. Горбунов, Б.А. Долинго

Литературный консультант – В. Абоян.

Худ. редактор, верстка – С.И. Кормильцев.

Набор – В.М. Кадочникова.

Корректор – Л.В. Юсупова.

Рекламная служба –

com@uralstalker.com

Интернет – Е. Марков.

Фото 1 полосы обложки – из архива редакции

Учредитель – ООО «Уральский следопыт».

Редакция, издатель – общественная организация «Трудовой коллектив редакции журнала «Уральский следопыт»

Редакционный совет –

Владислав Крапивин, Сергей Казанцев, Борис Стругацкий, Геннадий Прашкевич, Олег Поскребышев, Юрий Казарин, Вадим Осипов, Сергей Лукьяненко, Василий Головачев.

Наблюдательный совет –

- Евгений Виноградский, м.с.м.к., «Снежный Барс»,
- Евгений Савенко, чл. Союза фотохудожников России,
- Семен Спектор, заслуженный врач России,
- Дмитрий Бугров, ректор УрГУ,
- Виктор Байдуков.

© ООО «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ».

Адрес учредителя: г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.

Почтовый адрес редакции, издателя:

620014, г. Екатеринбург, а/я 479

тел. (343)295-61-27, (343) 295-61-28

E-mail: uralstalker@mail.ru www.uralstalker.com

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по РФ

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-37218, выдано 18.08.2009 г.

ООО «Уральский следопыт» обладает исключительным правом на логотип и название журнала. Рукописи принимаются отпечатанными не менее 12 пт, по 60 знаков в строке, 28–30 строк на странице. Каждая страница рукописи должна быть подписана автором. Обязательно прилагать информацию об авторе; указывать согласие на публикацию в журнале, на сайте журнала, корректорскую и редакторскую правки. В первую очередь рассматриваются рукописи, дополненные электронной версией (E-mail, CD, DVD). Автор несет ответственность за предоставление материалов и иллюстраций, обремененных правами третьих лиц.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. При отправлении электронных сообщений обязательно заполнять поле ТЕМА. Любое использование материалов журнала допускается только с письменного согласия ООО «Уральский следопыт». Ссылка на журнал «Уральский следопыт» обязательна.

Материалы рубрики «Добрые попутчики «Уральского следопыта» и отмеченные знаком публикуются на правах рекламы.

Уважаемые читатели, оформить подписку на журнал «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ uralstalker.com» вы можете через:

– Почтовые отделения Свердловской области, каталог МАП, подписной индекс 31646

– Почтовые отделения России, каталог Агентства «Роспечать», индекс 73413

– Агентство «УРАЛ-ПРЕСС» в Уральском регионе

– Агентство «МК-ПЕРИОДИКА» в России

– Агентство альтернативной подписки ООО «ИНТЕР-ПОЧТА» в России, странах ближнего и дальнего зарубежья

Лидер
Уральского
Турбизнеса
2007

Дмитрий ТИУНОВ

Нужна ли нам истина?

Дмитрий Владимирович Тиунов – мастер спорта международного класса по туризму, капитан спортивной команды «Север» (г. Екатеринбург), председатель маршрутно-квалификационной комиссии Свердловской области.

Казалось бы, вопрос о гибели группы туристов УПИ под руководством Игоря Дятлова всегда интересовал очень многих. И действительно, существует множество не просто разнообразных, но даже и самых фантастических гипотез, посвященных событиям, произошедшим на склонах горы Холат-Чахль более полувека тому назад. Тем не менее, следует честно признать, что и сегодня мы так же далеки от понимания истинных причин трагедии, как и в том, уже очень далеком 1959-ом. Так, может быть, эта истина нам самим вовсе и не нужна?

Подобный вопрос отнюдь далеко не праздный. Ведь практически все авторы разнообразнейших гипотез трагедии до сих пор считают себя вправе ограничиваться какими-то крайне голословными высказываниями, после которых гордо именуют «версиями» свои сугубо частные фантастические предположения. Причем практически никто из подобных фантазеров даже и не пытается продолжать детальную проработку своих гипотез, ничуть не обременяя себя поиском каких-то дополнительных сведений и фактов.

Но ведь мало же высказать какое-то свое личное мнение о трагедии, его же все-таки, наконец, следует хоть чем-то подтвердить!

Именно в этом и заключается наиболее любопытный момент подавляющего большинства «исследований», результаты которых поневоле хочется взять в самые жирные кавычки. В итоге же каждый из авторов разнообразных частных фантазий не только не делает абсолютно ничего для подтверждения своей собственной гипотезы, но и максимально старательно упрекает всех остальных «чужих фантазеров» в полном отсутствии у них достоверного фактического материала.

При этом справедливо спросить каждого из подобных «фантазеров»:

– А у Вас-то подобный материал есть?

– Ах, оказывается, тоже нет. Ну, тогда, как говорится, извините...

Следует признать, что в настоящее время приятное, но, к сожалению, почти единственное исключение из огромного списка всех этих возможных фантазий и гипотез составляет лишь лавинная версия трагедии, фактический автор которой, Евгений Буянов из Санкт-Петербурга, проделал поистине гигантскую работу.

Конечно, о возможном снежном обвале, или небольшой локальной лавине, говорил еще Моисей Аксельрод, но только Евгений Буянов превратил эти частные высказывания в самую полноценную версию. Причем он не ограничился своими собственными рассуждениями и измышлениями, а привлек к разработке своей версии еще и множество весьма серьезных тематических специалистов: профессиональных

метеорологов, исследователей лавин, медиков, ракетчиков, опытных спасателей, туристско-спортсменов и так далее.

Честь ему и хвала.

Именно в таком систематическом подходе авторам всех остальных гипотез и фантазий можно только поучиться...

Так хотим ли мы с Вами хотя бы немного приблизиться к истине?

Что же все-таки нужно для того, чтобы любая фантазия могла бы превратиться сначала в гипотезу, а затем и в полноценную версию?

Самое странное заключается в том, что практически все авторы любых «персональных» гипотез трагедии, как правило, борются не столько «за» защиту своей собственной личной версии, сколько «против» всех остальных подобных же «гипотезеров». Правда, у большинства таких «авторов» своей гипотезы нет даже и в помине – есть лишь какие-то абстрактные фантазии и предположения.

Неужели в этом опять-таки скрывается какая-то наша с вами общая национальная черта?

С учетом сказанного готов еще раз повторить ту мысль, которую уже неоднократно озвучивал ранее в своих предыдущих публикациях: сегодня абсолютно любой сценарий трагических событий 1959-го года имеет какое-то право на существование, пускай даже с самой микроскопической вероятностью. Только не надо при этом громогласно призывать неизвестно кого «открыть секретные архивы», «предоставить народу информацию» и так далее. Опять же, учитесь у Евгения Буянова. Поймите же, наконец, что это наше с вами личное дело и никто, вместо нас с вами, его никогда делать не будет. Лучше всего давайте просто будем считать, что никаких «секретных архивов» просто нет в природе – так нам самим будет намного проще.

Кстати сказать, а помним ли мы, что в действительности представляет собой само понятие «доказательства»?

Ведь даже если в наши дни кто-нибудь из исследователей-практиков обнаружит на склонах горы Холат-Чахль следы свежих лавин или отработанную ступень ракеты-носителя «Союз», то эти факты вовсе не станут неоспоримыми доказательствами истинных причин трагедии полувековой давности.

Можно будет лишь предполагать, что в феврале 1959 года подобные события также могли иметь место. И не более того.

Именно поэтому я призываю всех тех, кто действительно заинтересован в установлении истинных причин трагедии, к следующему:

1. Давайте будем сами максимально доброжелательны друг к другу, ведь все мы, в конце концов, делаем одно общее дело.

2. Давайте перестанем бороться «против» чьего-то персонального личного мнения, даже если оно нас совершенно не устраивает. Лучше будем помогать друг другу, чтобы в итоге любая «чужая» гипотеза могла только выиграть и либо приобрести максимально достойный вид, либо умереть сама собой.

3. Давайте, вместо того, чтобы бороться «против чужого», начнем все-таки бороться «за что-то свое». Ведь только при таком подходе возможен хоть какой-то ощутимый прогресс.

4. Давайте в этой борьбе «за что-то свое», прежде всего, будем максимально требовательно относиться к самим себе и перестанем высказывать совершенно голословные суждения типа «в этом вопросе я – не специалист, хотя мне очень сильно кажется». Начнем же все-таки консультироваться именно у настоящих специалистов, а не у каких-то «случайных геологов» или охотников. Другими словами – опять же, призываю всех учиться у Евгения Буянова.

5. И, наконец, давайте перестанем взывать в безмолвное пространство о том, что «кто-то должен что-то рассекретить» или «что-то нам предоставить».

Поймите: такого никогда не будет. Или – мы сами, или – никто другой.

Готов принять любые упреки в свой собственный адрес: вот, мол, легко другим советовать, а сам-то ты чего же?

Да ведь и действительно: что же это я сам-то?

Вот именно поэтому я и предлагаю всем читателям вместе со мной попытаться понять, что же требуется для того, чтобы любая отдельно взятая частная фантазия могла превратиться вначале в нормальную гипотезу, а потом и в самую полноценную версию. Лично мне было удобнее всего сделать это на примере ракетной темы, которой, проработав в серьезной оборонной «фирме» два десятка лет, я действительно неплохо владею. Тем более, должен честно признаться, что именно этой версии событий я и сам активно придерживался на протяжении многих лет.

Конечно, примерно с тем же успехом я мог бы поговорить и о пресловутых «секретных испытаниях», в которых тоже очень много чего понимаю, но ракеты мне все-таки как-то ближе.

Правда, сегодня я являюсь принципиальным противником как ракетного сценария произошедших событий, так и версии секретных испытаний. Но, может быть, это даже и к лучшему. Ведь только так я могу сравнительно беспристрастно высказывать свое собственное мнение о достоинствах и недостатках подобных гипотез трагедии.

Если же все-таки кто-то хочет действительно всерьез обсуждать принципиальную возмож-

ность проведения на горе Холат-Чахль каких-нибудь секретных испытаний, то лично я всегда готов принять в этом самое активное участие. Другими словами: приглашаю к сотрудничеству...

И вот теперь пришла пора вспомнить: в чем же все-таки заключается смысл ракетной версии трагедии?

Примерная суть гипотезы такова: в ночь на второе февраля 1959 года в СССР мог проводиться очередной секретный испытательный запуск какой-то мощной космической или баллистической ракеты. Полет этой ракеты мог закончиться аварией, в результате которой «что-то опасное» могло обрушиться на склоны горы Холат-Чахль, где как раз в это время и находилась группа Игоря Дятлова. Именно спасаясь от этого «чего-то», туристы могли в крайней спешке покинуть свою палатку, хотя в итоге это их все же не спасло, и они замерзли на границе леса в верховьях долины Лозьвы, возможно еще и пострадав от каких-либо поражающих факторов аварийного ракетного запуска.

Это, так сказать, в самых общих чертах.

Специально обращаю внимание читателей на то, что в подобном виде ракетная «версия» является всего лишь чьими-то фантастическими предположениями типа «могло быть» и не более того. Ведь, с тем же самым успехом, на какую-то «случайную ракету» можно спокойно списать любые случаи исчезновения морских судов, прогулочных речных яхт, всех бесследно пропавших самолетов и вертолетов, в том числе даже всех непонятных ДТП, произошедших на любых достаточно безлюдных участках автодорог нашей огромной страны.

И так далее...

А уж об исчезнувших в тайге, горах или тундре туристах, метеорологах, охотниках-рыболовах, геологах и нефтяниках говорить даже не приходится...

Именно поэтому я и предлагаю всем читателям задуматься над тем, что же нужно для того, чтобы любые частные бредовые фантазии могли перейти хотя бы в разряд средних гипотез.

Для этого давайте попробуем ответить на несколько вопросов, которые смогли бы пролить хотя бы какой-то слабый свет на трагедию 1959 года.

Естественно, для случая уже упомянутого ракетного сценария событий.

ВОПРОС ПЕРВЫЙ: Проводился ли в СССР в ночь на второе февраля 1959 года запуск хоть какой-нибудь серьезной космической или баллистической ракеты-носителя (РН)?

ВОПРОС ВТОРОЙ: Если такой запуск проводился, то в какое конкретное время и по какой конкретной траектории? Ведь эта траектория

должна была иметь совершенно четкие параметры и вполне реальные точки как разделения ступеней РН, так и отделения от «носителя» либо боеголовки (точнее, ее габаритно-массового макета), либо «полезной нагрузки» – «гражданского» космического аппарата (КА).

ВОПРОС ТРЕТИЙ: Какое конкретное воздействие на человеческий организм могли бы получить случайные свидетели падения обломков РН либо при прямом контакте с этими самыми обломками, либо находясь в зоне воздействия каких-то вредных факторов ракетного запуска?

ИТАК, ВОПРОС ПЕРВЫЙ: БЫЛ ЛИ ВООБЩЕ ЗАПУСК ХОТЬ КАКОЙ-ТО РАКЕТЫ?

В принципе, вполне детальный ответ на этот вопрос уже дал Евгений Буянов, ссылаясь на данные специалиста РК «Энергия» доцента А.Б.Железнякова, которого Евгений привлек к работе над своей версией трагедии. Собственно говоря, именно на основе материалов Буянова, слегка дополненных информацией от ветеранов «байконурцев», хронология запусков различных модификаций наиболее известных всему миру ракет Р-7 с полигона «Тюра-Там» (Байконур) за период 1957-1959 годов предусматривает «всего лишь» 37 ракетных запусков. Причем календарные даты и время пусков всем нам достоверно известны (Читайте предыдущие публикации «Уральского Следопыта»).

Согласитесь сами – это более чем серьезные сведения. Должен сказать, что данная информация приводится по материалам все того же Евгения Буянова (evgeniy_buyanov@mail.ru), а также по книге Олега Ахметова «Самый близкий к космосу аул» (Печатный Дом «ПАПИРУС», Байконур, 2009 г.)

Можно их только поблагодарить.

Тем не менее, я вовсе не собираюсь утверждать, что за указанный период в СССР не проводилось никаких других ракетных запусков. Я лишь перечисляю те пуски с космодрома Байконур (Тюра-Там), о факте проведения которых сегодня всем достоверно известно. Сторонники ракетной версии вполне могут попытаться дополнить данный перечень, но только не своими абстрактными предположениями типа «могли быть еще какие-то ракеты», а лишь вполне конкретной надежной информацией. Лично я иного просто не приемлю.

Другими словами, необходимо искать достоверные данные о таком ракетном запуске в ночь на второе февраля 1959 года, расчетная траектория которого проходила примерно через район горы Холат-Чахль. Нет никаких сомнений в том, что если такой пуск проводился, то материалы о нем вполне реально найти, было бы только желание. Просто их действительно надо се-

рьезно искать, а не ждать, когда «добрый дядя» принесет их кому-то из нас «на блюдечке».

А уж если таких данных нет, то значит, что не было и никакой «случайной» ракеты. Не знаю, как других, но меня устраивает только такой строгий и предельно корректный подход к проблеме.

Между прочим, именно в этой связи лично меня всегда удивляло: почему активные сторонники ракетной гипотезы (в основном, правда, из разряда тех, кто «в этом вопросе – не специалист») буквально зациклились на трагической версии ракетного запуска с Байконура в сторону «боевого поля» Кура на Северной Камчатке? Вообще-то в нашей стране было принято стрелять и по другим районам, некоторые из которых, правда, я и теперь готов обозначить вслух лишь в весьма расплывчатых формулировках типа «где-то на Таймыре», «на самом севере Урала» или «в водах Тихого океана». Вполне возможно, что в интересующий нас период в СССР существовали и другие подобные «боевые поля», которые были совсем не сельскохозяйственными.

Кроме того, примерно в это же время уже начал действовать космодром «Плесецк», который и до сих пор находится лишь в персональном ведении РВСН и о пусках с которого лично у меня никаких данных просто нет. Дополнительно очень серьезные запуски проводили и моряки, которые испытывали свои ракеты класса «подводная лодка – вероятный противник». Поскольку в открытой печати никаких материалов о таких морских запусках я никогда не встречал, то пока могу только сказать, что эти пуски проводились «примерно со стороны Белого или Баренцева моря» в сторону нашей же территории СССР.

Но ведь тогда же разрабатывались и всевозможные оперативно-тактические ракетные комплексы, и серьезные зенитные варианты, и ракеты хорошего класса «воздух – воздух», и, наверное, даже какие-то прототипы нынешних крылатых ракет. А ведь все эти виды ракетной техники тоже должны были откуда-то взлетать и перемещаться в небесах по каким-то своим траекториям.

Почему же никто из фанатов ракетной темы всерьез этим даже не пытается интересоваться?

Прошу понять меня правильно: я вовсе не призываю кого-то раскрывать наши российские стратегические секреты. Тем не менее, напоминаю всем, что устаревшая военная техника полувековой давности уже ни для кого в мире не представляет никакой государственной тайны. И нет никаких проблем в поиске реальных технических специалистов тех лет, которые уже давным-давно не связаны всевозможными «подписками» о неразглашении. Просто этой

работой действительно надо всерьез заниматься, не ограничиваясь лишь озвучиванием своих очередных сугубо частных «фантазий».

НЕМНОГО О ЛИЧНЫХ ВПЕЧАТЛЕНИЯХ

Поздним вечером 17 сентября 2009 года с космодрома Байконур был проведен успешный запуск РН «СОЮЗ-2», о чем сообщалось во многих СМИ и были сделаны живописные телерепортажи практически по всем ТВ программам.

Находясь в это время в Екатеринбурге, за этим запуском очень активно следил и я, правда, не по телевизору, а с ближайшего от дома детского стадиона. Дело в том, что траектория полета этой ракеты была весьма специфической, и проходила она буквально над нашими с вами головами. Более того, разделение ступеней ракеты-носителя было запланировано всего лишь в нескольких десятках километров от «столицы Урала», хотя и происходило это исключительно высоко, как минимум, в сотнях километров от поверхности планеты.

Во всяком случае, постепенно снижаясь, останки уже отработавшей второй ступени должны были упасть где-то на самом севере нашей области, но нашли службы МЧС эти обломки или их так и не обнаружили – я просто не знаю.

По крайней мере, в СМИ никто из руководителей МЧС подобным фактом не хвастался. О возможных аналогиях с историей 1959 года пускай каждый из читателей составляет свое собственное мнение.

Тем не менее, мне очень хочется поделиться с читателями некоторыми своими личными впечатлениями, полученными «в кустах детского стадиона».

Они были следующими:

1. Зная точное время запуска (об этом, кстати, сообщалось и в СМИ), я очень активно всматривался в южный сектор небосвода, рассчитывая увидеть там «звездочку» от ракеты, летящей в нашу сторону прямо с Байконура.

Естественно, ничего там я так и не увидел, ведь «факел» от работающего ракетного двигателя всегда направлен только строго назад и становится виден наземному наблюдателю лишь «сзади» – т.е. после того, как РН пройдет мимо и начнет от него уже удаляться.

Честно говоря, в тот момент я об этом как-то просто позабыл.

Так и получилось. Совершенно неожиданно прямо надо мной (буквально над головой) проявилась какая-то светлая туманность, которая почти мгновенно превратилась в мощное огненное пятно, которое лично я оценил бы примерно в 1/4 или 1/5 лунного диаметра. Появившись практически в зените, этот «факел» прошел надо

мой почти строго на север (точно в соответствии с запланированной траекторией) и максимум через 20-25 секунд исчез за городскими домами.

А ведь я, с учетом известной мне траектории полета, специально выбирал точку наиболее благоприятного обзора и честно надеялся, что «угол затенения» от ближайших ко мне домов по направлению движения ракеты никак не мог превышать десяти градусов над горизонтом.

2. Вначале я очень удивился, а потом вспомнил, что, действительно, на всех многих ранее виденных мной запусках ракет подобный пуск выглядел со стороны лишь как полет обычного реактивного самолета без всякой дополнительной «подсветки». И только при значительном удалении от уже улетающей от меня РН в небе возникала либо постоянно горящая «звездочка» от «факела» нормально работающего ракетного двигателя, либо периодические яркие вспышки, означавшие, что РН перешла в режим неуправляемого полета и начала «кувыркаться». При этом яркие вспышки говорили только о том, что именно в эти конкретные моменты двигатель аварийной ракеты поворачивался ко мне (наземному наблюдателю) своим огненным «факелом».

3. В момент моих вечерних наблюдений 17.09.2009 небосвод был еще весьма светлым, благодаря чему мне очень быстро стало понятно, что видел я совсем не саму РН «СОЮЗ-2» (которая в это время уже находилась в «ближнем космосе»), а лишь ее вторую ступень, уже отделившуюся от основной РН и вырабатывавшую остатки сохранившихся в ее баках и трубопроводах компонентов ракетного топлива в режиме простого баллистического падения в верхних слоях атмосферы.

Эта ступень РН, кстати, и должна была упасть где-то на Северном Урале, но в момент моих наблюдений она летела еще очень высоко. По крайней мере, ее инверсионный след в верхних слоях атмосферы я сам прекрасно видел.

Тем не менее, за линией «городского горизонта» она исчезла очень быстро.

А ведь свидетели событий 1959 года наблюдали пресловутые «огненные шары» в течение целых 15-20 минут.

Тут было над чем задуматься...

ОТКУДА ЖЕ ЛЕТАЮТ РАКЕТЫ?

Заранее вынужден сделать принципиальную оговорку: в своих рассуждениях я могу говорить лишь о пусках достаточно мощных баллистических ракет примерно такого же класса, как и легендарная Р-7. О зенитных, авиационных, крылатых и прочих других типах ракет я, в основном, могу лишь рассуждать на основе

аналогий, поэтому предлагаю наиболее активным сторонникам ракетной гипотезы обратиться еще и к другим серьезным источникам.

Что же касается запусков мощных баллистических ракет, хочу обратить внимание читателей на следующие чисто технические моменты:

1. Во второй половине 1950-х годов советская ракетная техника фактически делала лишь самые первые шаги. Шла разработка надежного мощного «носителя» и совершенствовались его характеристики, для чего приходилось пользоваться всевозможными техническими ухищрениями и уловками.

Например, запустить на большую дальность тяжелую боеголовку или вывести в космос очередную спутник было действительно очень трудно. Вот тогда и решили обратиться за помощью... к самой планете. Точнее – к попутному направлению вращения Земли. Поэтому с тех пор практически все ракеты у нас именно так и запускают – приблизительно на восток. А вращающаяся планета их как бы слегка подталкивает, облегчая вывод полезной нагрузки в космос.

Из этого вообще-то следует, что на самой начальной стадии испытаний (конкретно в 1959 году) запуск ракеты с Байконура в сторону горы Холат-Чахль (почти строго на север) был не только весьма сложным, но и едва ли кому-то интересным. Необходимость в подобных запусках возникла значительно позже, уже в эпоху выведения на орбиты спутников разведки, космической связи и навигации, которые должны были работать в самых высоких широтах Земли.

2. Организация «боевого поля» на Северной Камчатке, скорее всего, была определена не только «восточным» направлением пусков, но еще и исходя из соображений максимальной возможной безопасности обычных граждан страны. Ведь именно в этом случае, при любых авариях в полете, остатки ракеты Р-7 или ее отработанные ступени должны были падать в стороне от наиболее населенных районов. При этом характерно, что ракета, летящая с Байконура на Кам-

чатку по баллистической траектории, должна была подниматься в апогее очень высоко – как минимум, на несколько сотен километров. Напоминаю: апогей орбиты «гагаринского» полета превышал 500 км! Именно поэтому такая ракета действительно могла быть прекрасно видна в ясную ночь с Северного Урала, даже находясь на расстоянии более тысячи километров от наблюдавших ее людей.

Читайте об этом все у того же Евгения Буянова.

Да ведь и очевидцы «летающих шаров» свидетельствовали о том, что их полет был ориентирован с юга на восток-северо-восток, при продолжительности наблюдения порядка 15-20 минут. Но при огромной «ракетной» скорости (которая, кстати сказать, измеряется не в километрах в час, а в километрах в секунду!) это означает огромное удаление от наземного наблюдателя (буквально – сотни километров), а при линии превышения над горизонтом «всего» в 20-30 градусов – такую же громадную дальность – никак не меньше тысячи километров.

Причем, как прекрасно показал в своей статье все тот же Евгений Буянов («Уральский Следопыт» за январь

2009 года), все эти наблюдения и по времени, и по направлению весьма хорошо согласуются именно с известными нам запусками ракет Р-7 с Байконура на Северную Камчатку.

3. И теперь, наверное, самое главное.

Кто-нибудь из фанатов ракетной темы вообще задумывался о том, что означает пресловутый «летающий шар» или знакомая многим из нас «звездочка» в небе?

Ведь при работающем ракетном двигателе любая яркая небесная «звездочка» однозначно говорит только о том, что от наземного наблюдателя «объект» уже начал удаляться. Другими словами, все «летающие шары со звездочкой» от запущенной с Байконура ракеты могли быть видны с Земли лишь тогда, когда РН от зрителя «уже улетала». Только в этом случае «факел» от ее двигателя становился виден наземным наблюдателям. То есть все очевидцы «летающих шаров» могли видеть данный феномен лишь тогда, когда смотрели на него уже сзади!

О чем же это нам говорит?

Правильно: «огненные шары», уже улетающие от наземных зрителей, находившихся в момент наблюдения на огромном удалении от «шара», в принципе не могли нанести им хоть какого-то ощутимого вреда, кроме чисто психологического эффекта!

Таким образом, все легенды и домыслы об опасном влиянии на погибших туристов каких-то никому непонятных «огненных шаров» – чистейший миф, который технически вообще ничем не обоснован!

4. Хорошо, пускай «шары» с Байконура тут действительно ни при чем.

Но давайте задумаемся: разве, хотя бы чисто теоретически, туристы не могли пострадать из-за какой-то совсем другой ракеты, траектория полета которой проходила не где-то бесконечно далеко, а именно над районом горы Холат-Чахль? Ведь вполне возможно, что на этапе подлета, когда «факел» от работающего двигателя был еще никому не виден, туристы просто не могли заметить подобную ракету, которая летела прямо на них, пускай даже и очень высоко.

Откуда же тогда могла взяться такая ракета? Давайте еще раз вспомним про традиционный принцип ракетных запусков «с запада на восток» и внимательно посмотрим на карту нашей страны.

Что же интересного мы увидим к западу от района горы Холат-Чахль? Посмотрели? Нашли? Правильно – примерно там и находится и город Мирный (полигон РВСН «Плесецк»), и те же самые районы Белого и Баренцева моря, о которых я упоминал ранее. Соответственно, с технической точки зрения, поиск «ракетных» корней трагедии 1959 года следовало бы начинать именно с этих стратегических направлений.

Правда, вначале придется опять-таки искать достоверные ответы на те же самые вопросы, которые уже были поставлены ранее автором этих строк:

а) когда вообще были созданы эти полигоны и когда с них начали проводить самые первые запуски ракет?

б) проводился ли с них пуск какой-нибудь ракеты в восточном направлении в ночь на второе февраля 1959 года в интересующее нас время?

Лично у меня никаких конкретных данных по этому поводу просто нет.

Правда, есть множество косвенной информации для размышлений.

Например, прекрасно известно, что не далее, как в 2007 году космодром «Плесецк» отмечал свое 50-летие. Во всяком случае, именно тогда в городе Мирном было выпущено множество сувениров со следующими праздничными девизами-слоганами: «Город Мирный – космодром Плесецк. Пятьдесят звездных лет. 1957 – 2007».

Подобные вещицы во множестве лежат в моей домашней коллекции.

По этому поводу лично я не берусь ничего утверждать о начале проведения ракетных запусков именно с полигона РВСН «Плесецк». Вполне возможно, что в 1957 году там заложили только пресловутый «первый камень». Тем не менее, свой полувековой юбилей в Плесецке отмечали на два года раньше, с чем все мы встречались по поводу 50-летия известной нам трагедии.

Это заставляет задуматься...

Также весь мир знает, что самый первый запуск баллистической ракеты с подводной лодки был проведен именно в СССР, и произошло это знаменательное событие 16 сентября 1955 года. Правда, в тот легендарный день подводная лодка находилась в надводном положении, но находилась-то она не где-нибудь бесконечно далеко от Урала, а именно в Белом море, о котором автор этих строк уже говорил!

Конечно, испытывавшаяся тогда ракета Р-11ФМ была всего лишь «морским» вариантом оперативно-тактической ракеты Р-11 (позднее Р-11М), приспособленной к запускам с подводных лодок и имевшей, по современным понятиям, поистине смехотворную дальность в 150 км. Тем не менее, уже в 1959 году этот самый ракет-

ный комплекс (Д-1) был принят на вооружение ВМФ СССР, и пять подводных лодок типа «Пикша» именно тогда были вооружены этими «всего лишь тактическими» ракетами Р-11ФМ.

Следует отметить, что, согласно официальным данным, разработка ракетного комплекса Д-1 проводилась в период 1954-1959 гг., комплекса Д-2 – в 1956-1960 годах, а комплекса Д-4 – в 1959-1963 годах. А ведь это была уже весьма впечатляющая по тем временам дальность до 1420 км, которой, кстати, вполне хватало для того, чтобы долететь от Белого моря до северной оконечности Свердловской области. И не просто «хватало». Это было конкретно «тик в тик» от Белого моря до района горы Отортен!

Это опять-таки настораживает, потому что перед запусками с подводных лодок всегда было традиционно принято испытывать те же самые ракеты (например, Д-2 и Д-4) с сухопутного основания на так называемом «этапе наземного стенда». И находился этот самый «наземный стенд», опять-таки, практически в том же самом районе Архангельской области – именно на побережье Белого моря, где лично я бывал неоднократно.

Должен отметить, что подобная практика испытаний (этап «наземного стенда» и этап «подводной лодки») успешно существует до сих пор.

А КАК ЖЕ ОНИ ЛЕТАЮТ?

Вот теперь и пришла пора хотя бы в самых общих чертах поговорить о том, что же происходило с типовой ракетой «Р-7» эпохи 1959 года во время ее полета по баллистической траектории от точки запуска до точки прицеливания. Вопросы предстартовой подготовки оставим в стороне, ведь это совершенно отдельная техническая проблема.

По данному поводу, кстати сказать, настоятельно рекомендую всем читателям еще раз вспомнить кадры из эпохального советского фильма «Укрощение огня».

Помните команды: «Протяжка один», «Протяжка два» и, наконец, знаменитое гагаринское «Поехали!»?

Специально обращаю внимание всех потенциальных зрителей: во время создания того самого фильма никакой компьютерной графикой еще и не пахло. Соответственно, все «технические» кадры ракетных запусков являются не «фанерой», а подлинной съемкой. Конечно, скорее всего, эти кадры сняты вовсе не при тех самых пусках, о которых идет речь в фильме, но, тем не менее, это все-таки самая настоящая натура...

Однако вернемся все же к нашей ракете Р-7, на которой в это время уже запускались двигатели первой ступени. В итоге ракета отрывалась от стартового стола (срабатывал «контакт подъема») и носитель устремлялся в открытое небо. Разгон РН обеспечивали мощнейшие маршевые двигатели, а небольшую корректировку траектории – весьма скромные рулевые двигатели. Далее, после выработки компонентов топлива I-ой ступени, происходило ее отделение от основной РН и запускались двигатели следующей ступени. И так далее.

Между прочим, этапы разделения ступеней РН до сих пор являются наиболее проблематичными стадиями всего полета. Именно в этот момент обычно и происходят всевозможные «неувязки», технический смысл которых не имеет

никакого отношения к содержанию

данной статьи.

Итак? в результате последовательной работы всех ступеней ракеты ее «полезная нагрузка» с максимальной возможной точностью выводилась на заданную траекторию. На этом активная часть полетной программы заканчивалась и начинался пассивный участок полета. Теперь головная часть продолжала двигаться к точке прицеливания как самый обычный артиллерийский снаряд – по тривиальной баллистической траектории. В итоге, если все системы ракеты работали нормально, габаритно-массовый макет боеголовки прилетал на боевое поле и попадал в цель (например, на «боевое поле» Кура, расположенное на Северной Камчатке) с самыми минимальными отклонениями.

В подобной ситуации Члены Государственной Комиссии были в восторге.

Правда, все это – в идеале.

А что же происходило с ракетой в случае каких-либо отклонений от расчетной программы полета?

В принципе, все было продумано до самых незначительных мелочей: специальная автоматика системы управления ракетой на протяжении всего полета оценивала состояние основных систем и реальные параметры ее движения в сравнении с рассчитанной заранее траекторией полета. При необходимости реальная траектория в определенных пределах могла корректироваться при помощи рулевых двигателей («движков» – в национально-ракетной терминологии). Если же на ракете возникала какая-то аварийная ситуация или ее отклонение от заданной траектории начинало превышать допустимые параметры, то система управления формировала команду на прекращение полета или, попросту говоря, на аварийный подрыв ракеты. При этом где-то очень высоко (фактически в открытом космосе) происходил мощный взрыв, в результате которого аварийная ракета превращалась в кучу сравнительно небольших обломков. Затем весь этот «ракетный мусор» на огромной скорости входил в плотные слои атмосферы и постепенно сгорал, хотя какие-то наиболее крупные детали вполне могли достигать и земной поверхности.

Представляете: собираешь в лесу ягоды или грибы, а тебе на голову падают детали ракетного двигателя? Жутковатая картина. Именно поэтому все траектории ракетных запусков рассчитывались и рассчитываются до сих пор таким образом, чтобы сравнительно населенные места оставались от них максимально в стороне.

Тем не менее, в этом плане с 50-х годов прошлого века ничего не изменилось, и всевозможный космический металлолом регулярно падает буквально на наши головы. Просто нам с вами об этом никто ничего не говорит, а мы сами об этом как-то даже и не задумываемся.

Правда, если на кого-то из нас рухнет из дикого поднебесья сопло от ракетного двигателя, то никто этого даже не почувствует. Раз – и все.

Такой момент едва ли может кого-то сильно успокоить, зато вполне объясняет, что к трагедии 1959-го года аварийная ракета не могла иметь ни малейшего

отношения. Ведь если бы какая-нибудь настоящая космическая «железяка» упала бы сверху на палатку дятловцев на настоящей космической скорости, то туристов бы просто «размазало». Либо всех, либо, как минимум, кого-то одного. Причем «размазало» в самом буквальном смысле этого слова, ведь подобные железки при своем падении зачастую уходят в толщу земного грунта на глубину нескольких метров.

Но тела всех погибших были все-таки практически целыми...

Ну а что, если никакой аварии не было, и полет ракеты проходил совершенно нормально? Что, если около палатки туристов УПИ упала не какая-то отдельная ракетная железка, а вполне конкретная ступень ракеты-носителя, после того, как она полностью отработала свою полетную программу?

Ведь если ступень РН уже выполнила свои задачи, то взрывать там было уже практически нечего – таков стандартный алгоритм самоуничтожения наших отечественных тяжелых жидкостных баллистических ракет.

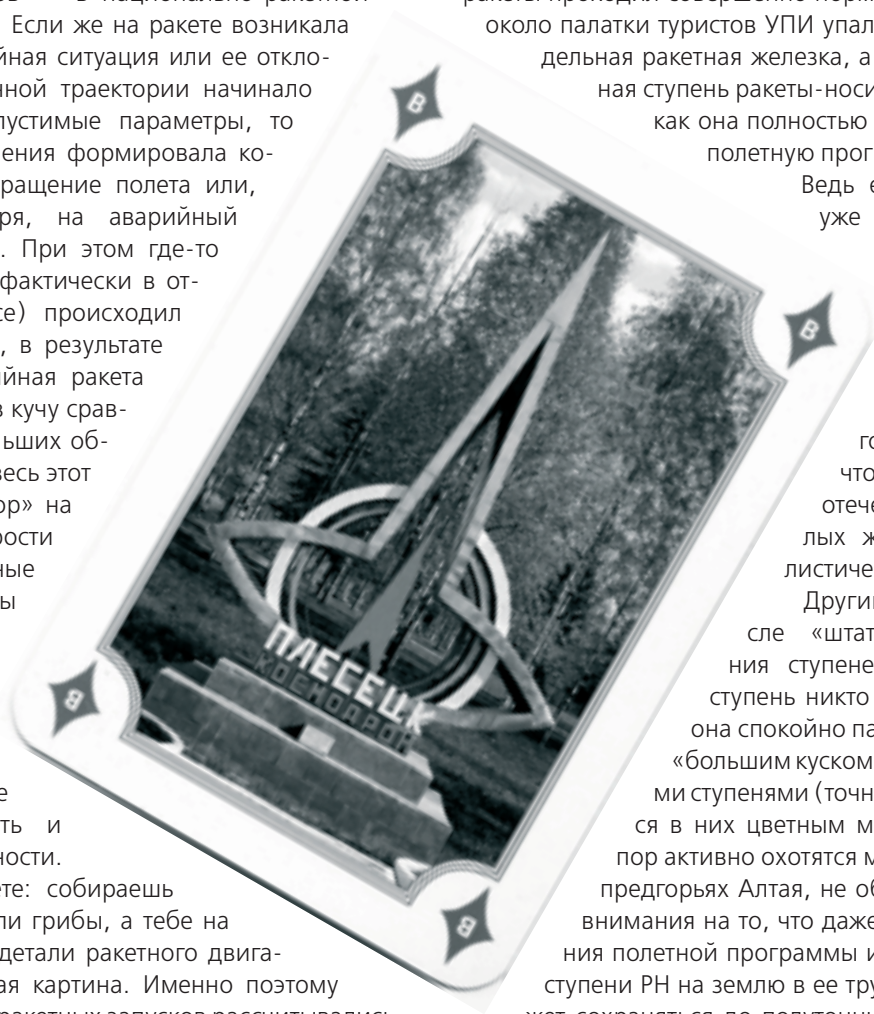
Другими словами, после «штатного» разделения ступеней отработанную ступень никто не подрывает, и она спокойно падает вниз одним «большим куском». Именно за этими ступенями (точнее, за имеющимся в них цветным металлом) до сих пор активно охотятся местные жители в предгорьях Алтая, не обращая никакого внимания на то, что даже после завершения полетной программы и падения любой ступени РН на землю в ее трубопроводах может сохраняться до полутонны исключительно токсичных компонентов ракетного топлива.

А ведь достаточно только пару раз вдохнуть пары такого топлива, как через несколько часов любому «очевидцу» будет гарантирован летальный исход от обширнейшего отека легких. Это – без всяких дурацких шуток.

Так, может быть, «дятловцы» пострадали именно от «компонентов»?

ПОРА ПОГОВОРИТЬ О ТРАВМАХ

Вот тут-то и пришла пора вспомнить о многих неофициальных свидетельствах по поводу «желтовато-красноватой кожи» пострадавших туристов.

Может быть, это и были следы воздействия паров пресловутого «гептила»?

Значит, опять-таки ракеты?

Таким образом, возникает еще одна серьезная задача: необходимо тщательное посмертное медицинское освидетельствование пострадавших – хотя бы «заочно», по тем данным, которые имеются как в уголовном деле полувековой давности, так и в памяти немногих реальных свидетелей событий полувековой давности.

В этой связи лично меня всегда удивляло однозначное мнение многих моих знакомых «ракетчиков», типа того, что «я сам видел таких же несчастных, насмерть обожженных парами гептила».

А как же насчет других, вполне возможных вариантов?

Ведь, например, московский спасатель Владимир Борзенков демонстрировал на одной из встреч в УПИ весьма любопытные слайды со спасательных работ начала 1970-х, когда у всех туристов, тривиально замерзших зимой в горах Кольского полуострова, была зафиксирована поверхность кожи исключительно яркого оранжевого цвета. И на основе своего многолетнего опыта Борзенков считал этот факт совершенно типичным явлением.

Настырно обращаюсь ко всем скептикам: а у вас есть опыт Борзенкова?

Тогда при чем же здесь знаменитый «гептил»? Соответственно, в этой ситуации и мнение любых медиков должно быть максимально объективным, а отнюдь не предвзятым.

Конечно, я с огромным уважением отношусь к исследованиям Евгения Буянова и полностью согласен с ним в том, что погибшие туристы вполне могли получить свои травмы в результате сдвигания снежной лавиной.

Но разве это абсолютно единственный из всех возможных вариантов?

Другими словами, говоря о привлечении к данной проблеме медицинских специалистов, я имею в виду не какой-то частный тенденциозный подход, а действительно независимое обращение, как минимум, к следующим серьезным профессионалам:

- а) к опытным «городским» травматологам,
- б) к спортивным медикам,
- в) к экспертам судебной криминалистической медицины,
- г) к медикам МЧС – профессиональным поисковикам,
- д) к военным химикам – специалистам по воздействию на человеческий организм всевозможной «военной гадости», в том числе и паров пресловутого гептила.

Ну, и так далее...

Конечно, лично я вовсе не претендую на какое-то свое профессиональное мнение, хотя, к сожалению, за свою жизнь и сумел повидать огромное множество самых различных трупов. Причем всех цветовых оттенков: от самых белых или бледно-

желтых до иссиня-черных, буквально, как старый телефонный аппарат.

Говоря иначе, в этой области я являюсь именно тем псевдоспециалистом, который почти ничего не знает, но которому «очень сильно кажется».

Соответственно, я и боюсь-то вовсе не того, что все упомянутые выше медики в один голос заявят о том, что пострадавшие туристы не имеют к области их деятельности ни малейшего отношения.

Я опасаясь совсем другого: всерьез задумавшись, каждый из медицинских профессионалов вполне спокойно скажет что-нибудь типа того, что «весьма вероятно, что это были именно наши клиенты». Тут ведь все сильно зависит именно от постановки вопроса.

Например, у городских травматологов можно было бы спросить о том, чему примерно соответствуют наиболее серьезные травмы туристов-дятловцев: падению на асфальт с 3-его этажа или наезду на пешехода легковой автомашины, двигавшейся на скорости 90 км/час.

Профессиональные спортивные медики могли бы квалифицированно сказать, возможны ли подобные травмы при каком-либо виде контактных восточных единоборств или в ходе каких-то «боев без правил».

У криминалистов можно было бы конкретно поинтересоваться насчет того, могли ли пострадавшие получить подобные переломы без явного повреждения мягких тканей, если бы их избивали через какую-то толстую мягкую одежду типа ватников, меховых шапок или даже тривиальных матрасов и подушек.

Ну, и так далее...

Причем лично меня интересовало бы вовсе не персональное мнение какого-то одного исключительно высокого медицинского светила. Мне был бы интересен тот разброс потенциальных диагнозов, который могли бы поставить серьезные медицинские профессионалы вне какой-либо зависимости друг от друга.

Ну, например, при привлечении к обсуждению данной проблемы не менее трех-пяти специалистов по каждой из перечисленных выше узких медицинских областей – чисто для максимальной объективности...

А ведь, насколько мне известно, никакого серьезного медицинского анализа результатов трагедии 1959 года за прошедшие полвека пока никто еще так и не проводил.

Значит, и в этой области всем нам есть еще над чем поработать...

Соответственно, очень хочется надеяться, что в грядущие пять десятилетий хотя бы кто-то всерьез задумается над настоящим детальным изучением трагедии 1959 года, не высказывая при этом каких-то своих персональных «безумных фантазий», которые на деле оказываются ничем не подкреплены и ни на чем не основаны.

Так где же Вы – настоящие исследователи?

Рубрику представляет Уральский геологический музей

Владимир АВДОНИН

Фотографии предоставлены автором

Их имена звучат в названиях уральских минералов

Наша удивительная минералого-геохимическая провинция – Урал, ее геологическая универсальность наложила неизгладимое влияние на развитие минералогической науки в России.

С конца XVIII столетия и особенно с 20-х годов XIX столетия Урал стал приобретать известность как один из важнейших регионов мира, которому природой дарованы превосходные месторождения железа, меди, золота, платины, драгоценных и поделочных камней.

Первая половина XIX в. – это было время, богатое событиями, это было золотым веком уральской минералогии. В эти годы был сделан существенный вклад в минеральное разнообразие Урала.

1814 г. штейгер Л. Брусницын открывает россыпные месторождения золота, несколько лет спустя открываются богатейшие месторождения платины Нижнетагильского дунит-перидотитового массива. Только за несколько лет Демидовы намыли здесь около 30 т платины и в придачу 10 т золота.

1831 г. – уральская природа подарила человеку уникальное месторождение изумрудов – Малышевское.

На Урале и вообще на русской земле крепостной мальчик Попов снимает с вашгерда первый русский алмаз. Благодарные потомки не забыли этого и один из вновь найденных в Якутии уникальных кристаллов алмаза назвали именем первооткрывателя русских алмазов.

К этому добавим: современный промышленный Урал в буквальном смысле создан горным делом и им взращен, тогда как в других районах России горное дело является придатком к известному самостоятельному укладу жизни края.

В то время единственным местом для развития металлургии в средней и восточной России являлся Урал. Урал, богатый рудами, нерудными полезными ископаемыми, декоративными камнями и другими

видами сырья, с древнейших времен привлекал внимание человека.

На торжественном собрании Ученого комитета по горной и соляной части (г.ж. 1829 г.) Председатель подвел некоторые итоги:

«Науки и искусство, относящиеся к Горному промыслу, никогда не имели такого движения, как в последние 50 лет. Никогда стремление к розысканиям не вознаграждено было столь полезными и славными последствиями. Благоденствие народа, берущее начало свое в науках, производящих промышленность, имеет самое твердое основание».

Знания об уральских минералах значительно расширились в XIX в.

С этого времени, богатого событиями в русском естествознании, необычайную популярность приобрела молодая наука о камнях – минералогия.

С древнейших времен до настоящего времени камень сопровождает человека. Одни из них, по образному выражению А.Е.Ферсмана, являются пассивными соучастниками человеческой жизни, другие пробуждают мысли и чувства.

Камни, обладающие большими естественными качествами, стали тщательно собираться и коллекционироваться. Богатство и разнообразие уральских минералов привлекло к себе внимание широких кругов общественности, горных инженеров, государственных деятелей. Наряду с крупными государственными собраниями создаются прекрасные частные коллекции. Такие, как знаменитые минеральные собрания П.А.Кочубея – председателя Императорского Технического общества, Л.А.Перовского, доктора Е.И.Рауха, горного инженера полковника П.Е.Ахматова, герцога М.А.Лейхтенбергского и др. Все эти коллекции представляли большую художественную и научную ценность. Особенно интересовались минералогией П.А.Кочубей, и его коллекция минералов была лучшей из имеющихся в России. Богатейшие собрания образцов кристаллов из коллекции П.А.Кочубея были использованы акад. Н.И.Кокшаровым для исследования и познания гео-

Владимир Авдонин – старший научный сотрудник Уральского геологического музея, кандидат геолого-минералогических наук.

метрических форм главнейших групп, главным образом, уральских минералов.

В 1913 г. по ходатайству Ф.Н.Чернышева и В.И.Вернадского за 16000 руб. приобретает у наследников за границей коллекция П.А. Кочубея, и она возвращается на Родину.

Освежим в памяти некоторые страницы минералогии, и в частности уральской.

Итак, к началу первого десятилетия XXI в. минеральная копилка земной коры насчитывала 4863 минеральных вида (Н.И.Краснова, Т.Г.Петров, В.Г.Кривовичев, 2008,2010).

Довольно щедрый вклад сделала уральская природа – 104 минеральных вида, но на это ушло почти четверть тысячелетия, первый минерал – крокоит – был найден в 1766 г.

«Каждый век, приобретая новые идеи, приобретает и новые глаза». Это особенно ярко проявилось в динамике новых открытий.

Особенно интересными открытиями была богата первая половина XIX в.; это было время триумфа уральской минералогии. Наши знаменитые исследователи: Р.Герман, А.Т.Купфер, Н.И.Кокшаров, Г.Розе, А.Б.Кеммерер, А.Ф.Фольборт, Г.И. Гесс, Я.В.Коковин и др. – в этот золотой век минералогии дали 26 новых удивительных минералов. С конца XVIII и начала XIX в. почетное место в русской минералогии занимали минералог проф. Д.И.Соколов и прекрасные химики: акад. Т.Е.Ловиц, граф А.А.Мусин-Пушкин, герцог Н.Лейхтенбергский, подполковник П.Евреинов, которые своими исследованиями уральских минералов внесли существенный вклад в науку о минералах.

Существует очень древнее правило: тот, кто открыл новый минерал, может дать ему любое название. Это привело к поразительной пестроте, разношерстности в названиях (В. Смирнов, 1977).

Название – имя минерала – есть памятник языка, истории минералогии и культуры. Название минерала может многое рассказать о самом минерале, о людях, которые его открыли и впервые добыли, о месторождении, в котором он встречается. Часть новых минералов, открытых на Урале, в научный обиход вошли с именами русских ученых или государственных деятелей, оставивших свой след в памяти народной. Их прославленные имена будут жить в памяти благодарных потомков.

*Прав был И.В.Гете, задушевно сказавший:
Кто достаточно сделал
Для лучших своего времени,
Тот жил для всех времен.*

Также нас волнует, чтобы вечность не поглотила имена авторов минералогических открытий и не предала их имена забвению и в истории о них остался след. Обратимся к следующим страницам.

ИМПЕРАТОР АЛЕКСАНДР II

АЛЕКСАНДРИТ $\text{Be}_2[\text{SiO}_4]$

Александрит – благородная разновидность хризоберилла. Хризоберилл известен с 1790 г. как новый минерал, он определен немецким минералогом А.Г.Вернером.

Пора нам вспомнить, как был открыт уральский хризоберилл.

С 1831 по 1835 гг. Я.В.Коковин проводит разведку и добычу изумруда на одном из приисков (Сретенском) изумрудных копей. Во время этих работ и был найден хризоберилл с необычными свойствами. Вот как это событие отражено в рапорте Исправляющего должность командира Екатеринбургской гранильной фабрики и Горнощитного мраморного завода Я.В. Коковина гофмейстеру Николаю Сергеевичу Гагарину:

«...в исполнение предписания Вашего сиятельства от 29 числа минувшего мая месяца за №2407 при сем имею честь представить весь состоящий у меня по добыче неизвестный зеленый камень, оставшийся за отправлением господину вице-президенту Департамента уделов. На предмет испытания как нового ископаемого с донесением, это маленький кристаллик, признак сего минерала, найден в прошлом году в копиях изумрудных. Новый сей минерал по кристаллизации, сильному металлическому блеску, тяжести, твердости и перемене цветов заслуживает особое уважение и усиленных разысканий, и ежели будет находиться, прозрачен и чист, то ценностью он может равняться алмазу.

Твердость сего ископаемого при огранке равна твердости сапфиру; легко чертит все известные камни, и что совершенно новое и весьма значительное: при дневном свете ограненный и в натуральном виде зеленого цвета, а при огненном – розовый или малиновый...».

Из приведенного представления, без сомнения, следует: Коквин вскрыл, как говорили в то время, слюдитовую жилу, содержащую необыкновенный и пока еще не известный минерал.

Минерал обладал сильным трихроизмом, и поэтому вполне правомочно такая впервые найденная благородная разновидность хризоберилла получила название «александрит». Много позднее, в 1862 г., Н.И.Кокшаров восстановил исторические моменты того времени:

«В те дни (1834 г., 17 апреля. – А.В.), когда вся Россия праздновала совершеннолетие наследника престола, ныне благополучно царствующего императора Александра II, нашли на Урале хризоберилл, совершенно отличный от всех прочих цветных разновидностей хризоберилла. По своим превосходным качествам новый минерал занял вскоре одно из первых мест между самыми дорогими ископаемыми. Этот драгоценный камень по случаю достопамятного дня, назван в честь Его Императорского Величества нашего величайшего монарха александритом, по предложению известного минералог Н.Г. Норденшельда».

ЛЕЙХТЕНБЕРГИТ

Начало 40-х годов XIX столетия увенчалось открытием еще одного минерала из группы хлоритов. В 1842 г. майор Корпуса Горных инженеров П.И.Евреинов получил несколько образцов минералов с Урала, среди которых была и великолепная друза почти бесцветных кристаллов. С помощью паяльной трубки ему удалось выявить некоторые особенности, отличающие этот минерал от уже известных хлоритов.

И «...на основании этих изысканий П.И.Евреинов предложил этот минерал называть лейхтенбергитом, в честь высокого покровителя и любителя естественных наук Его Императорского Высочества Герцога Максимилиана Лейхтенбергского».

Прекрасными коллекционными экземплярами в начале прошлого века славилась Ахматовская и другие минеральные копи в Шишимских горах. В 1810 г. их разрабатывал «гиттерфервальтер» Мор, а позднее профессор Горного института Барбот де Марии, но ранняя смерть на 46-м году в 1887 г. оборвала его весьма полезную деятельность. В Ахматовской копии друзы великолепных по внешнему виду и богатству кристаллографических форм лейхтенбергита

*Герцог Максимилиан
Лейхтенбергский*

встречались вместе с эпидотом, диопсидом, везувианом, гранатом, кальцитом и титанитом.

Одно из лучших исследований лейхтенбергита было опубликовано в 1866 г.: в нем герцог Николай Максимилианович Лейхтенбергский изложил результаты обширных исследований минерала, носящего имя его Августейшего родителя. Мы последуем примеру Н.И. Кокшарова и приведем часть этой статьи:

«Несмотря на то, что лейхтенбергит уже давно известен и встречается на Урале в довольно значительном количестве, мнения ученых о месте, занимаемом им в ряду прочих минералов, довольно разногласны. Одни из минералогов, основываясь преимущественно на оптических свойствах, рассматривают лейхтенбергит как особую разновидность пеннина или клинохлора, наконец, некоторые авторы склонны принимать лейхтенбергит за самостоятельный минеральный вид».

Название «Лейхтенберг» относится к развалинам старинного замка в Верхнем Пфальце. Максимилиан стал 3-м герцогом Лейхтенбергским после безвременной кончины Евгения – 2-го герцога Лейхтенбергского (1835). 2 июля 1839 г. в Санкт-Петербурге, в церкви Зимнего Дворца, состоялось бракосочетание его с великой княжной Марией Николаевной, старшей дочерью Николая I. Максимилиан активно интересовался естественными науками, особенно науками о Земле. У него была большая коллекция минералов и окаменелостей.

ЧЕВКИНИТ (Ca₂Ce₂) Fe₂ Ti₃(Si₂O₇)₂ O₈

В 1839 г. майор Лисенко Иван Романович – управитель Оружейной фабрики в Златоусте – доставил Густаву Розе кусочек неизвестного минерала.

Что было потом, об этом рассказывает Г.Розе: «Минерал получен мною, вместе со многими другими миасскими и златоустовскими минералами, от майора Лисенко, при проезде его прошедшим летом через Берлин. У него был почти сплошной кусок этого ископаемого, от которого он позволил мне отбить сколько нужно для испытания». Минерал имеет большое сходство с ортитом, гадолинитом, торитом. Русские горные офицеры подготовили почву для многих открытий Густава Розе. Минерал из Ильмен, несомненно, привлек внимание Г. Розе, он определил и дал ему название «чевкинит» в честь генерала, горного и государственного деятеля, почетного академика Константина Владимировича Чевкина (1802-1875).

Сам Г. Розе по поводу названия минерала выражается следующим образом, в несколько извинительном тоне: «Я полагаю, что г. Лисенко будет совершенно согласен со мною, если я предложу новый минерал назвать чевкинитом, по имени начальника штаба Императорского корпуса горных инженеров в Санкт-Петербурге генерала Чевкина, ученым сведениям и просвещенному вниманию которого я и сам был как нельзя более обязан во время моих работ».

Горного инженера Лисенко Ивана Романовича – выпускника Петербургского горного корпуса, мы можем считать одним из первооткрывателей интересного уральского минерала. Читателю ин-

*Чевкин Константин Владимирович
(1802-1875)*

тересно знать некоторые моменты из его биографии. Горный инженер, геолог, металлург, он начал службу на Златоустовских горных заводах в 1827 г., а вскоре стал и управителем Златоустовского завода, а в 1839 г. определен управителем Оружейной фабрики. Отсюда был направлен в заграничную командировку, во время которой он посетил Густава Розе в Берлине и передал ему для исследования образец ильменского минерала. И как мы уже знаем, он оказался новым. Мы никогда не узнаем, как попал этот ильменский минерал к майору Лисенко, но он проявил к нему живейший интерес и передал его для исследования крупнейшему минералогу Европы.

В 1841 году Лисенко занимается опытами по кричному производству, а в сентябре этого года назначен управляющим Кушвинского горного завода. Лисенко причастен к открытию еще двух минералов на Урале: ксантофиллита и гидраргиллита.

**ЧЕВКИН КОНСТАНТИН
ВЛАДИМИРОВИЧ (1802–1875).**

В 1834 г. при Министерстве финансов образован Корпус Горных инженеров, в который переданы Горный институт (б. Горный Кадетский Корпус), Горный совет и Ученый комитет. Эта весьма важная реформа в высшей горной администрации была проведена при самом деятельном участии императора Николая I.

Первым Начальником штаба, которому представлялась весьма значительная роль в горной администрации, был назначен, по личному выбору императора Николая I, Свиты его Величества, Генерал-майор Константин Владимирович Чевкин, бывший главным сотрудником Государя при произведенном преобразовании.

В должности Начальника штаба К.В.Чевкин пробыл 11 лет и в течение этого времени принес весьма много пользы горному делу в России. Так как Начальник штаба, на основании закона и данной ему инструкции, должен был заботиться о положении заводов и вообще стараться об улучшении горной части, то К.В.Чевкин несколько раз объезжал горные округа в России и в Сибири и при этих объездах вникал во все подробности техники и заводского хозяйства, причем обращал особенное внимание на устройство школ в заводских округах.

«К.В.Чевкин генерал-лейтенант от инфантерии, генерал-адъютант, почетный член минералогического общества имел постоянно в виду пользу и величие России» (Кокшаров Н.И., 1875).

КАНКРИНИТ Na₆ Ca₂ (AlSiO₄)₆ (CO₃)₂ • 3H₂O

Название дано в честь графа Канкрин Егора Францевича – российского государственного деятеля, министра финансов в 1823-1844 гг. Он успешно провел финансовую реформу, ввел в качестве основы

*Канкрин Егор Францевич
(1774-1845)*

денежного обращения серебряный рубль, установил обязательный курс ассигнации. При графе Канкрине в обращение были выпущены монеты достоинством 3, 6 и 12 рублей из уральской платины. Канкрин укрепил финансы России, добился бездефицитности государственного бюджета.

Впервые под этим именем Александр Богданович Кеммерер (1789-1858) описал минерал синего цвета, найденного в Ильменских горах в 1826 г. Но произошла ошибка – минерал оказался содалитом, известным минералогам с 1811 г.

Новые минералогические наблюдения, выполненные Г.Розе, показали, что в миаскитах – самой интересной горной породе Ильменских гор, находится еще один безымянный минерал. Он встречается в крупных зернах и обладает резко выраженной спайностью по трем направлениям под углом 120°.

При специальном испытании найдено много CO₂ (6,38 %).

Чтобы закончить с историей открытия нового минерала в Ильменах, сошлемся на Н.И. Кокшарова (Г.ж. 1853, ч. III, кн. VII. – С.1 -64):

«Прежде канкринитом называли минерал синего цвета из Ильменских гор, который впоследствии был признан за содалит. Густав Розе, желая удержать в науке имя знаменитого государственного человека, покойного министра финансов графа Егора Францевича Канкринина, оказавшего столько услуг горному делу и минералогии, предложил перенести название «канкринит» к описываемому теперь минералу».

Ныне канкринит известен в ряде мест России и за рубежом в генетической связи, главным образом,

с нефелиновыми сиенитами. В Хибинском массиве канкринит – один из характерных минералов постмагматической стадии минералообразования.

ПЕРОВСКИТ CaTiO₃

В 1839 году А.Б.Кеммерер – обер-бергмейстер, берг-лекарь, минералог и учредитель Минералогического общества в Петербурге, проездом через Берлин посетил Густава Розе и доставил ему образец хлоритового сланца с октаэдрическими кристаллами магнетита и кубическими кристаллами тогда еще неизвестного минерала. Величина кристаллов была различная: некоторые из них имели ребра от 3 до 8 мм. Все они вместе с красивыми кристаллами хлорита и октаэдрическими кристаллами магнетита покрывали трещины в хлоритовом сланце.

Физические свойства, кристаллографические особенности, а также результаты первых исследований химического состава однозначно показывали, что на Урале установлен новый минерал. Густав Розе дал ему имя «перовскит»; взятое от имени ревностного любителя минералогии Российского Императорского двора Гофмейстера и сенатора Льва Алексеевича Перовского.

Г. Розе установил принадлежность кристаллов перовскита к правильной системе (так в то время называли кубическую сингонию). Химическими исследованиями в минерале обнаружены только кальций и титан. В середине XIX столетия перовскит находили только на Урале в Няземских горах в известной Ахматовской минеральной копи. И тогда были известны кристаллы перовскита только кубической формы.

*Перовский Лев Алексеевич
(1792-1856)*

В настоящее время уникальная коллекция перовскита из копей Южного Урала хранится в собрании Горного музея Санкт-Петербургского горного института. Согласно каталогу Л.Э.Купфера (1911 г.), в ней был представлен 51 экземпляр, и только два из них не южноуральские.

Хорошо представлены образцы перовскита, из которых следует выделить кубические кристаллы черного цвета в хлоритовом сланце из Ахматовской копи в Няземских горах; кубические кристаллы в кальците голубого цвета с форстеритом из Николае-Максимилиановской копи в Няземских горах, сростки больших кубических кристаллов черного цвета с кальцитом из Чувашской степи и кубические кристаллы с фигурами вытравления с серпентинитом – оттуда же. Ахматовская копь по количеству и разнообразию минералов считается самой богатой копью Западного Урала. Заложена в 1811 г. по указанию П.Е.Ахматова – управителя Кушвинского завода.

У нас в России перовскит, как и повсюду в мире, минерал мало-распространенный; и лишь его уральские месторождения в Златоустовском округе являются классическими месторождениями, которые давали и продолжают давать превосходные образцы этого минерала. Наибольшие скопления перовскита наблюдались в копиях Няземских, Чувашских и Шшимских гор (в районе Златоуста). В Няземских горах три копи: Ахматовская, Еремеевская и Николаево-Максимилиановская.

ВОЛКОНСКОИТ **CaO3(Cr,Mg,Fe)2(Si,Al)4O10** **(OH)2•4H2O**

Высокохромистый листовый структуры силикат из группы монтмориллонита встречается в татарском и частично казанском ярусах верхнепермских пестроцветных отложений.

Волконскоит найден в июле-месяце 1830 г. в Оханском уезде Пермской губернии, в удельных

Волконский Петр Михайлович (1776 – 1852)

дачах Частинского приказа. Название «волконскоит» дано минералу главным горным аптекарем Александром Богдановичем Кеммерером (1789-1858) в честь участника Отечественной войны 1812 г., фельдмаршала, светлейшего князя Петра Михайловича Волконского (1776-1852).

Кеммерер сообщает некоторые данные об этом ископаемом: «Волконскоит найден ... в горе Ефимятской, которая состоит из глины, песку, песчаника и галечника, перемежающихся неправильными пластинами и лежащих на твердой глине».

Кеммерер пишет, что волконскоит «не составляет в г. Ефимятской правильного месторождения, но находится, так сказать, вкрапленным в прослойках песка ... гнездоватыми прожилками, толщиной от

1 до 4 вершков и длиною от 1/4 и более 3/4 аршина; сии гнездовые прожилки, извиваясь и расширяясь в своей объятности, или вовсе исчезают, или снова показываются. Поиск гнезд волконскоита любопытен и вместе с тем приятен...

Добыча волконскоита, по рыхлости пород, заключающих в себе оный, весьма незатруднительна, а частое последование одного гнезда за другим удостоверяет в возможности значительного приобретения оного при небольших рабочих средствах.

Цвет его травяной, к луковозеленому приближающийся».

Прошло 170 лет со дня первой находки волконскоита. И поныне Западное Приуралье и, в частности, территории Пермской, Кировской областей и Удмуртской Республики являются уникальным местом, где в

толще пестроцветных отложений татарского и частично казанского ярусов пермской системы встречается этот загадочный высокохромистый минерал из группы монтмориллонита.

В настоящее время находки волконскоита известны на площади в 2500 кв. км; на востоке их присутствие установлено до р. Камы у г. Оханска (с. Галево), на западе – до с. Ухтым Кировской области, на севере – до ст. Глазов и Верещагино, на юге – до г. Воткинска (Удмуртия).

На данной площади насчитывается до 70 месторождений, большинство из них тяготеет к правобережью Камы.

Продуктивными являются среднезернистые косослоистые граувакковые песчаники и конгломераты, которые рассматриваются как отложения древнего руслового потока. Форма волконскоитовых тел довольно однообразна: это удлиненные, столбовидные образования. Длина их от нескольких сантиметров до 15-17 м.

Как оценил свое открытие первооткрыватель волконскоита? «Известная польза в открытии волконскоита заключается в обогащении сведений науки новым ископаемым, доселе неизвестным, в технике же можно употребить оный с выгодой, или в использовании зеленого цвета его на краску ... или же извлекать из него химически дорого же ценимую оранжевую краску хром».

ВОЛКОНСКИЙ ПЕТР МИХАЙЛОВИЧ (1776-1852)

Светлейший князь, генерал-фельдмаршал, происходил из русского княжеского рода, родоначальником которого был князь Михаил Всеволодович Черниговский (умер в 1246 г.), внук которого Иван Юрьевич, владелец городка Волконы, был первым князем Волконским.

Петр Михайлович – потомок в шестом колене окольного Владимира Ивановича – в 1834 г. был пожалован титулом светлости и стал родоначальником особой ветви светлейших князей Волконских. Участвовал в сражении при Аустерлице. Участник войны 1812 г. После Тильзитского мира изучал во Франции организацию генерального штаба и по возвращении в 1810 г. был назначен генерал-квартирмейстером. Учредил училище колонновожатых, послужившее основанием нашему генеральному штабу. В день коронации императора Николая I Волконский был назначен министром императорского двора и уделов.

ФОЛЬБОРТИТ $Cu_3(VO_4)_2 \cdot 3H_2O$

Минерал с удивительной судьбой, открыт в пермских медистых песчаниках. Это первый собственно ванадиевый минерал, встреченный в природе.

Но расскажем все по порядку. В 1830 г. норвежский химик Нильс Габриель Севстрем (1787-1845), изучая железо необычной ковкости, полученное из руд месторождения Таборг, обнаружил в них новый химический элемент. По совету Берцелиуса, Севстрем назвал новый элемент ванадием в честь легендарной Ванадис – бо-

Фольборт Александр Федорович (1800-1870)

гини красоты древних скандинавов. К этому открытию был близок и Велер.

Как гласит легенда: «В давние-давние времена на далеком севере жила Ванадис, прекрасная и любимая всеми богиня. Однажды кто-то постучался в ее дверь. Богиня удобно сидела в кресле и подумала: «Пусть он постучит еще раз». Но стук прекратился, и кто-то отошел от дверей. Богиня заинтересовалась, кто же этот скромный и неуверенный посетитель, она открыла окно и посмотрела на улицу. Это был некто Велер, который поспешно уходил от ее дворца.

Через несколько дней вновь слышала она, как кто-то стучится к ней, но на этот раз стук настойчиво продолжался до тех пор, пока она не встала и не открыла дверь. Перед ней стоял молодой красавец Нильс Севстрем – преподаватель в Горной школе в Фалуне. Очень скоро они полюбили друг друга, и у них появился сын, получивший имя Ванадия. Это и есть имя того нового металла, который открыт был в 1830 г. шведским физиком и химиком Н. Севстремом».

Однако минералы, богатые ванадием, встречаются редко – один из них фольбортит.

Честь открытия и первого научного исследования этого столь интересного минерала принадлежит Александру Федоровичу Фольборту.

Акад. Г.И.Гесс представил Императорской Санкт-Петербургской Академии наук результаты исследова-

ний А.Ф.Фольборта и предложил новый минерал в честь его открывателя назвать фольбортитом. В этом представлении Г.И.Гесс отметил: «Это слабая дань за интересное открытие, тем более надеюсь я, что она будет утверждена без противоречия».

ФОЛЬБОРТ АЛЕКСАНДР ФЕДОРОВИЧ (1800–1870)

Родился в Могилеве, был единственным сыном пастора, доктора Фридриха Фольборта и Евдокии Курганской, дочери русского священника в Могилеве.

Окончив Петропавловское училище в С.-Петербурге, Александр Федорович поступил в Тюбингенский университет на медицинский факультет, посещал затем хирургический и медицинский факультеты в Эдинбурге, Лондоне, Париже и Берлине. В 1825 г. по окончании курса в Берлине, получив звание доктора медицины и хирургии, он вернулся в Петербург.

Александр Фольборт постоянно с любовью относился к естественным наукам, но в 30-х годах стал особенно страстно заниматься минералогией, составил себе большую коллекцию минералов. Большое увлечение минералогией имело счастливый итог: в 1838 г. Александр Федорович открыл природную ванадиево-кислую медь, которой академик Г.И.Гесс присвоил название «фольбортит».

«...Окаменелости являются медалями в памяти истории Земли – притом несравненно более важными и незаменимыми, чем настоящие медали; так как нет других писанных или дошедших до нас источников этой истории и где еще точное определение имеет большее значение, как не в палеонтологии, являющейся главнейшим ключом познания истории Земли».

УВАРОВИТ $\text{Ca}_3\text{Cr}_2[\text{SiO}_4]_3$

Красивый и редкий минерал. *Omnia praeclara rara. Cicerone.* «Все прекрасное редко», – Цицерон (106-43 гг. до н.э.).

В 1832 г. экстраординарный академик С.-Петербургской Академии наук Г.И.Гесс испытывает минерал, находящийся в собрании Минералогического общества. Г.И.Гесс нашел, что испытываемый минерал отличается от всех известных, и предложил назвать его уваровитом в честь управляющего Министерством народного просвещения, президента Императорской Академии наук и Почетного члена Минералогического общества Сергея Семеновича Уварова (1786-1855).

История открытия уваровита весьма романтична, так как первоначально он был принят за диоптаз, «с давнего времени хранящийся образец минерала в кабинете Минералогического общества весьма любопытен был. Кристаллы его имеют чистый изумрудный цвет и окристалли-

зованы додекаэдрами и ромбоидальными плоскостями, подобно Венисе. Сими признаками он сходствует с диоптазом или ашаритом, который заключается в известняке и привозится из киргизской степи. Кристаллы минерала из кабинета Минералогического общества, при сходстве их по цвету и виду с диоптазом, заключаются на хромовокислом железе» (хромите).

Месторождение уваровита не было известно до 1829 г., когда тридцатипятилетний профессор Берлинского университета Густав Розе, сопутствующий знаменитому натуралисту барону Александру Гумбольдту, по прибытии их из Берлина в С.-Петербурге, увидев в кабинете общества в числе прочих редко встречающихся в России минералов, показанных ему, по желанию его, решительно считал сей минерал за диоптаз. Немного позднее, при посещении Бисерского чугуноплавильного и железоделательного завода, принадлежащего графине Полье, Розе, получив несколько образцов этого минерала, вновь принял его за диоптаз.

Члены Минералогического общества предложили испытать мнимый диоптаз, находящийся в кабинете Общества, Г.И.Гессу. О своем примечательном исследовании Гесс сообщал: «Судя по реакции перед паяльной трубкой, уваровит представляет те же отношения, как гранат; с этим же последним он имеет большую твердость и труднее плавится. Тоненький осколок минерала, будучи зачищен в платиновые щипчики, при самом сильном нагревании несколько не плавится и не изменяет ни своего цвета, ни степени своей прозрачности».

Сергей Семенович Уваров (1786 – 1855)

Тот, кто уже жил

Бывает, тот, кто уже жил, случайно скажет, допустим:

– Да знаю я про него все. И умер он в восемьдесят девятом году.

А идет, на минуточку, только восемьдесят пятый.

Такое со мной случилось.

Шел как раз восемьдесят пятый. Друзья (нам было по семнадцать-восемнадцать) рассматривали альбом Дали. Витало что-то вроде фурора. Миллион «ух-ты». Димка единственный, кого это не шибко возбуждало. Он говорил, что Дали – это коммерция, это даже не сюр, это все Галя, это поп-искусство. Ему твердили: нет, это сюрреализм, это запрещено в Союзе, а вот от этого – гляди же, гляди, – веет предчувствием гражданской войны, а войны тогда еще не... что Дали – гений; а что же Димка?

А Димка, откинувшись вальяжно на последнем ряду, вытянув ноги и торча растопыренными локтями за голову рук, говорил, немного раздраженный, что надо этим переболеть, чтобы понять, что это такое же искусство, как «Пепси-кола», что Авидадолларс – фалангист с «мягкой композицией с вареными бобами», что он умер в восемьдесят девятом.

Мало кто обратил на это внимание, кое-кто посчитал за шутку не в меру разошедшегося эрудита. Дима вообще вел себя чуть надменно, возможно от того, что умел нравиться девицам. Умел общаться. Брал галантностью, а не нахрапистостью. Его за это не очень любили, ревновали, завидовали, но охотно терпели, кто скрепя сердце, а кто и скрипя зубами, потому что он был нужен, полезен, он много всего знал и хорошо учился. Вот никто и не обратил внимания, посчитали, что Димка ошибся в дате, как ошибается и в оценке творчества гениального, талантливого и выдаю-

щегося. Мол, ты, Дим, тоже слегка талантливый, но гениям завидовать неча.

Один только я заметил, как он прикусил язык.

Слушал эту тираду вполуха, а потом так вскинулся на него и – на тебе! Опали руки-локти.

А больше никто не видел, потому что глазели во все глаза в шикарный дефицитный залистанный супермегаальбом.

И я с того момента наблюдал неприметно за Димкой, потому что и раньше подозревал его в чем-то таком. Художник меня не интересовал, ему в самом деле оставалось четыре года. И сделал он уже все. А Димка очень интересовал. Хотя, на первый взгляд, не сделал ничего. Впрочем, это как посмотреть.

Дело в том, что я тоже уже жил.

Тому, кто уже жил, больше нельзя. Но я живу. Я, например, вернулся в свои семнадцать. За два месяца до Димкиного ляпа. Ощущения странные. Возможностей у меня стало хоть отбавляй, ведь я знал все, что случится. Это легче легкого: брать возможность и использовать ее. Как семечки щелкать. Ощущение полета непередаваемое. Вот бы и разгуляться.

Но не тут-то было. Почти как у Кафки: проснулся один коммерсант, глядь, а он – жук. И философствует и рассуждает, а родичи думают, как его сжить. Каким дихлофосом. Я тоже проснулся и долго не мог понять, где именно. То есть я не сомневался в том – кто я, но долго соображал – где. Пока родители не забренчали на кухне. Я спокойный человек, но у меня волосы дыбом встали. Я подумал, что тоже умер. А что мне оставалось? Они молодые и – живые, завтракая, буднично переругивались. В раю, подумал я, возможно, завтракают. В аду – выясняют отношения. Боже, где я?

Зеркало решило многое. Но не все.

Олег Алифанов (Олег Владимирович Баранов) родился в 1967 году в Москве, где проживает и ныне. Окончил Московский Инженерно-Физический Институт. В настоящее время занимается архитектурой и дизайном. Увлечения – литература XX века.

Всего я и теперь не знаю.

И момент, откуда меня сдернуло обратно, тоже как трудный сон вспоминается. Помню только, что поехал по делам в Питер. Один...

Сутки проторчал дома, сказавшись больным. Да это и вправду. Глаза у меня выкатились так, что покатай-покатай – и вновь закати.

На другой день собрался с мыслями, уточнил календарь, пролистал документы и записные книжки. Смехота. Пухлые, от руки исписанные. Послушал забытые «трр-прр», покрутив диск телефона. Друзья вернули к жизни. Никто меня не путал. Все воспринимали мое тело как обычное, восемьдесят пятого года разлива.

Да только я точно знал, что будет.

Ну и что же, что знал? Чернобыль не предотвратишь, разве что в тюрьму или психушку запрут. Куда семнадцатилетнему парню без должности со всеми этими знаниями деваться? На советской-то родине? До начала хромой частной инициативы еще годика три требовалось прохилать.

Вот я и решил просто тихо существовать. Дожить до бизнеса, до акций – и дунуть в гору. А пока плотно сесть на шею к родителям, обхватить покрепче ногами и не свалиться. И поучиться спокойно, и девок попортить. Хотя почему портить? Улучшать!

Попер я, одним словом, в институт. К третьей паре. Утром восемьдесят пятого года встал, почистил зубы и...

Почему к третьей, раз мне никакие не нужны? К первой ходят ботаны плюс додики, а к третьей начинается... социализация.

Одежда, конечно, та еще.

Обувь – молчу. А ведь я считался модником. А не чмошником.

Ну и сразу по бабам, конечно. Галантность – она старичкам нужна вместо члена, а если у тебя все еще спереди да плюс она – это бутерброд на убой. Просто сносит такая атомная бомба, снапами валит на постель весь филфак.

Я, конечно, когда-то и тензоры рубил, и теорию групп, но сейчас-то только названия и помнил. То есть в общем – все знал. Но на коллоквиумах спрашивают частности. Вторую теорему Коши, например. Единственное следствие, которое я из нее мог вывести, – это то, что существует еще и Первая. Подумал, а не перевестись ли в Плешку часом? Скоро она войдет-влетит в моду. Да и девиц там с попами и ногами – по горло. Не то, что у нас. Не девки – застегнутые чемоданы. Хлопнешь такую по заду – ойкнет, словно регентшу на концерте Оззи застучали. И это при том, что мне фактически почти полтинник. То есть когда любая гидра моложе тридцати цапой видится.

Впрочем, я перескочил в свою юность с восторгом, освоился в теле и... знаете, тело какую-то химию в

башку вставляет, что молодеешь мозгами и чувствами довольно резко.

Я всех помнил. Друзей, знакомых. Однокурсников туда-сюда. Только его, Димку-подлеца, нет. Конечно, минуло с тех пор лет тридцать. И не в моей группе он, а так, с потока. Но остальные как-то всплыли в памяти. Поначалу это меня не коробило, но привкус у этой темы остался странный.

Я-то Димку знал, а он меня нет. Потому что знал я его заочно. Он к концу века выбился в какие-то вторые-третьи ряды и метил в первые. Чье могущество опустошительно. Как все они: сколотил состояние, так ничего и не сделал. О нем немного писали, его чуток показывали. Потом вроде громко посадили. За другое, но по делу. Потом вроде тихо выпустили. Потом я перескочил обратно. Типа, где мои семнадцать лет? Так что его я знал как фонового персонажа из прошлой, в смысле, будущей жизни, что верно, то верно. Но зная, не помнил, что мы, оказывается, одногодки, там, в настоящем. Из одного вуза. Да что там. С потока.

Так что я его сразу срисовал, как увидел. Помолодел он, конечно, за тридцать-то годков.

Забавно так топтать ногами по полу и смотреть на человека из глаз (Я именно так себя ощущал временами, будто не я, а кто-то еще ходит и смотрит мною наружу). Вроде он – туз, а ты пахарь. А ведь вон как все может перевернуться. Впрочем, сказать, что я сразу положительно им заинтересовался, – нет. Так, косил. А заинтересовался я всерьез Машей. И Таней. И Томой, хоть ей стукнуло целых двадцать. О как!

Я чувствовал к нему жалость. Но что ему скажешь: ты, Димастый, не тузи, особенно не рви жэ, возьмишь прикуп, скинь лишнее, а то сядешь лет на... ну, десятку-то он отсидел, кажется. Потом, писали, сдвинулся. Совсем случился какой-то сюр. Но точно не Дали.

Жалость жалостью, но Машу я у него оттянул. Не хлопай ушами, Время-не-Ждет.

А еще я ощущал к нему гадливость. И даже подумывал, а не украсть ли мне, Димка, твою жизнь? Обставить на пороге. Уйти в забег раньше, чем ты свой коронный фальстарт исполнишь. Хапнуть все и вовремя соскочить, ведь я знаю, как и когда что надо делать. И главное – чего не делать. Ведь ты был, то есть будешь, говоря по правде, крупной сволочью. Так-то, Димон. Некоторые метят и попадают в десятку, как ты вот, друг ситный. А я – в семнадцать. Не целясь.

Гордость какая-то во мне встрепенулась.

Через день решил: нет. Тут не знания. Тут сволочизм первичен. Не потому он выбился в партер, что нечто особенное ведал, а просто в какой-то момент записался в сволочи. А я туда не хотел. Хотя свои добродетели всегда оцениваешь, отталкиваясь от Гитлера.

Так прошел месяц. Учился я так себе. Скучно. А он хорошо. Превосходно. Рюхал.

Деньги понадобились как-то вдруг. Девки ненасытные требовали югославских чулок. Подумал, есть ведь подпольные тотализаторы? Не может не быть, чтобы в угар социализма такой дряни не завелось. Я не фанат, но кое-что в памяти воскрешу. Вот грядет чемпионат мира. Так матчей десять я вспомню. Братец у меня старший, двоюродный, чем только не промышлял. Я – к нему. Трудно вообще-то ходить по покойникам. Не знаешь толком, о чем с ними трещать. Вроде бы что ни взболтни – чушь какая-то выходит.

Он налил мне со всей душой, а я ему сразу, глядя по касательной в окно: выкладывай, что знаешь. Брат мяться не стал, поперли мы к какому-то Вагану-посреднику. Тот рисовался, играя крутого деятеля. Это передо мной-то! Не Бог весть, но уж заработавшем в тысячу раз больше. Чем он, извивающийся в своем 85-м, называющийся, меняющий чешские носки на болгарские туфли блевотного оттенка, фасона и запаха. Я заставил себя досчитать до ста рублей копейками. Кузен мой плюнул вбок и уехал вдаль, а я ждал колик в мозгу от смеха и повторял как молитву: ну, придурок, ну, придурок, ну...

Включил он меня в обойму. Ставку принял. Ну, типа, личное пари мы с ним заключили. Ну, проиграл я ее для затравки. Следовало продуть раз пять, чтобы потом сравняться по полной. Подкрадывались там еврокубки, на которые я когда-то под курткой пронесил флаг родной державы. Той, что уж давно нет, но которая каким-то чудом опять зацепилась тройным крючком своих С за мою жизнь.

Не вышло. Когда через две недели слил я малобогатому Вагану очередной червонец (а выиграл трояк), от подъезда отделился молодой чувачок и двинул следом. Я шел, морда клином, без страха, но гадая: вагановские ли сверяют дебет с кредитом или гэбуха сечет свой учет.

На остановке резко обернулся, чтобы сбить его с толку, а он стоит рожей впритык, никуда бежать не собирается, сверлит глазами и говорит в упор, точно стреляет:

– От армии косить собираешься? Деньги нужны?

«Эх, милай», как писал Распутин царю-никудышнику. Знал бы ты, что мне деньги нужны девкам бритвы для одного места купить в «Березке». То самое «о как», сказанное про Тому, отпущено и в том еще смысле, что в те застойные годы барышни брились мало. Считалось, что особенно нечего им. Что сойдет.

И сходило. Этот всеобщий гигиенический факт сразу слепил мое раздвоенное сознание с годом номер 85. Тут точка возврата. Лезешь, ползешь

по ноге выше, выше. «Упс!» Тома встрепенется: «Что?» М-да, промашка, слово «упс» еще не проходили. Скажем, «о как!» Но не больше.

Парень, смекаю, явно из гэбэ. Схватил мотивацию. Имелась у меня такая. Но и времени оставался еще год. Ходил я в армию после второго курса. В той жизни. Перестройка началась с того, что бронь на три года повсеместно отменили. Мне еще потом время от времени снилось, что будто бы меня вторично забирают (чуть не сказал: забривают, – о, покойся с миром, старичина Фрейд!). Вот, еще думал, попав обратно, к чему тот гребаный вещий сон. Ничего такого страшного и второй раз сходить нет, но глупо дважды служить той стране, от которой только Ничего такого страшного и второй раз сходить нет, но глупо дважды служить той стране, от которой до моего времени донеслись только раскаты грома победы человека над разумом. Особенно глупо торчать на точке с боеголовками, которые разберут на атомы урана через пять лет, пропади они пропадом, и разложат по ядерным помойкам.

Но – молчу. Презрительно хочу смотреть на его глупые глазки, мол, чего бы ты знал-то, – а не получается. А он рубит хлестко:

– Ты как сюда попал? А, гражданин День Сурка?

Я, конечно, и раньше размышлял, а что, если я не один возвращенец в подлунном мире? Что, если нас таких много? Эта линия неизменно приводила к гигантскому дереву возможностей. И вопросов. Прежде всего: где вы, счастливчики? На каких сияющих вершинах вас найти? Впрочем, сразу же: а какой везунчик станет орать об этом во всю мочь? И зачем искать? Дело это, по рассуждению, может оказаться небезопасным. Живи, радуйся, извлекай выгоды, дольше проживешь. И жил. Меня никто не видит – я никого не высматриваю. Тань, тебе восемнадцать или семьдесят? Да шучу я, просто ты как неживая...

А если серьезно, мне становилось не по себе временами. Ведь к тому моменту Димка уже про Дали взболтнул. Подсек я его взглядом. Но, кажется, и он меня полоснул в ответ. Это словно хочешь кого-то издали рассмотреть в бинокль. Только навел, а он поднимает свой на тебя и кукиш скукоживает. Оторопеешь тут.

Я ведь и ставки криво делал не потому, что подпольных букмекеров опасался, им мои выгрыши – семечки. Я ощущал себя резидентом-нелегалом в тылу врага. Ну, не должен человек второй раз жить – хоть тресни, и каким-то седьмым чутьем я это знал. Нигде не сказано, чтобы это было законно, если говорить о каких-нибудь вселенских правилах. В баобаб там выродиться или воскреснуть в мире ином – это можно, а как я

– нет. То есть не мог решиться использовать свои знания о будущем. Даже по мелочи. А вдруг и в самом деле нечто такое замкнется и произойдет черт-те что. Откладывал решительный шаг. Казалось – только присвою выигрыш – а мир возьми да и рухни. И потратить не успеешь. Теория устойчивости Ляпунова про эти дела молчала. А раз теория молчала, а закон я невольно нарушал, то, возможно, существует некто, кто его блюдет. Так-то. И стоит ли спешить с ним сталкиваться, если у меня в разработке Верочка, Милка, Ксюша и еще одна Таня?

А Люде отказал. Надо бы ей лифчик поменять, чтобы сиськи не так висели. Потерпи, мон амур, лет пять, все подправим. Впрочем, ей мои штаны тоже должны бы не очень. Пардон, конечно, но из «Пионерского» у вас тут только красные галстуки.

И все пытался выудить из тумана, в какой момент произошел тот скачок обратно. Как брел по комнате, завешенной тюлем слоев в сто.

За Димкой я начал пригляд. Шутейно. Он на кафедру низких температур подвизался – бесплатным ассистентом. А понаблюдал с недельку-другую, и стало мне не до шуток. Озноб прошиб. Как-то раз, улучив момент, написал на доске мелом $YBaCuO$. Показать такой козырь риск был велик, но зато и награда того стоила. Больше, чем любая премия, – я жаждал понять: один я такой или...

Спрятался я поглазеть на его реакцию. Жду, мысли тасую. Коли нас так много, что с иными приходится в трамвае толкаться, то что это за подарок такой? Что за подарок, я спрашиваю, если таких же полно у кого ни попадя. И что это за секрет Полишинеля, нахрен? Все все знают, а я один, дурак, возрадовался об исключительности?

Метания Димки и вой сквозь скрип его зубов вернули меня в чувство. Попадись я ему, носить бы мне вместо головы сосуд Дьюара...

Ну, поиграл я на чувачка желваками. Тут мой будущий жизненный опыт меня сильно подвел. Себя-то я снова ощутил матерым мужчиной, а тут какой-то сопляк со мной в столеточные шашки вздумал играть. Послал его. Резко. Чуть не врезал. Из шашечных игр я признаю «в Чапаева».

Отвернулся и пошел прочь, злой как черт. И тут же ножом вонзилось, так что охолодило: а сколько же ему лет на самом деле?! Ведь это только вид у него безусый, а... Ой, е, ну и дела.

А чувачк вдогонку отчетливо зашвырнул:

Тебе скоро нанесут визит. Другие. Через неделю – я здесь же.

Да ты-то кто такой, – чуть не вырвалось, – что возомнил о себе?!

Трое суток бродил сам не свой, пропустил выигрышную ставку, плюнул на свиданку с Томкой.

– У нас же любовь! – запротестовала она в трубку. – Или?..

– У нас любовь, – пробурчал. – Такая. Мы оба любим тебя.

Зыркал и на Димку, подозревая во всех кознях, на четвертый день не выдержал. На встречах сдвинулся, толкнул плечом:

– Как дела, Дим? – небрежно так, как ни в чем не бывало.

– Вчера четыре сотни снял, – подмигнул он. – Экспрессом. А ты?

Не знаю, влево или вправо меня перекосило от его тюремной гримасы. Вот гад, думаю. Мало того, что ты и в прошлый раз всю жизнь хитрил да извивался, так ты вторично каким-то образом назад пролез, чтобы еще гуще пенок наснимать.

Вспомнил про Большой Каретный, прошелся. В чебуречной там между пластами дыма пиво наливали, чтобы быстрее проглатывалось главное блюдо. Потом она пельменным рестораном станет.

Взял два поджаристых конверта, разменяв четвертак, отложенный для решающей игры, надорвал, выпустив на тарелку супчик с жирком. Залил для заправки полбутылки горького «Ячменного колоса», горлышко вспухло давно забытой горкой ломаных пузырей, раздробив на блики осеннее солнце.

Жевал, думал. Вспоминал.

И, надо сказать, кое-что начало у меня складываться.

Субтильный мужичок, смутно кого-то напоминая, отвлек от окончательных выводов, выплыл из-за спины, разомкнув завесу. На лице какие-то слесарные мастерские нарисованы. Поизносился в совке, стоптался. Не то что юный здоровяк с задором на челе – напротив.

Да не всех, с кем в пивной соловел, память воскрешает.

– Занято, – буркнул. Не объяснишь ему, как достали уже дежа вю.

Он со скорбной фамильярностью попросил не выбрасывать бутылочку. Тем сразу и спалился. В восемьдесят пятом бутылки не жертвовали – сдавали; студенты называли – взять производную. Бывало, брали и вторую.

– Выкладывай, – намекаю невинно, притянув за ворот, – чего надо. Коллега хренов.

Он преобразился. Долго снизу на меня глазел надрывно, уписывая мой свесившийся у него изо рта чебурек плохими зубами. Не по себе мне стало. От такого всего можно ожидать. Попал я куда-то, где свои законы, в милицию на него за приставание не подашь.

А «Колоса» вонючего ему не досталось, только подсохшие пузыри слизал.

Начал он вещать. С придыханием, прерывисто. Для начала прошипел под нос о том, какой я, мол, догадливый.

– Что ты, – вслух, – затеял? Какие игры играть вздумал?

– Закончил уж, – отвечаю, опровергая свою догадливость. – Профукал полста.

Он агакнул, косясь на мою вторую бутылку. Я назло ему ударил пробкой о щербатый край столика, не отрывая губ, вылакал все до дна. Стукнул ему под нос. В том смысле, чтобы забирал он свои пустые бутылочки и нес их вон. Да только гляжу, а он и сам какое-то пиво пьет. Да не из горла, а из кружки, которых тут отродясь не водилось. А мятым ногтем другой руки мерседесовскую звездочку царапает. Подкупить решил?

«Да что ты за...» – чуть не крикнул, открыв уже рот.

– Ч-ч-ч! – закончил он, приложив палец к губам. – Чего разорался? Разве тебе важно, кто я? Или важнее все-таки – кто ты?

– Важнее, – отвечаю через ком. – Но узнать сперва хочу.

Он и возвращает без запинки, что, дескать, из таких краев, что сейчас тут со мной пиво хлещет, а как допьет, пойдет в ресторан... например, «Астория», по водочке пройтись. Я, дрожа фибрами, еле выдавливаю, мол, с кем? Хотя знаю. Вспомнил как раз перед ним.

– Да с тобой же. Обед ты заказал славный, одному не осилить, так я подсоблю.

Закусывал я в свое время в «Астории», легкой тоской балуясь, редко я один куда-то уезжал. Тогда меня и спихнуло в мои семнадцать. Но этого типчика там не сидело. Впрочем, тот день не весь прорисовался, а что-то важное еще – я не вытащил.

Молчу, скулами играю. А он, зевнув так, что изо рта у него пар выпал, продолжил:

– По семье-то не больно скучаешь, – то ли спросил, то ли утвердил, отвратно чмокнув.

Тонко он. С пониманием подцепил. Ведь это единственное, что меня беспокоило. Тревожно я себя ощущал. А больше – тоскливо.

– Время есть, – парирую. – Дети – чай не младенцы уж. А жена младенец еще. Лет через десять и познакомимся. Своего не упустим.

– А-а-а, ну-ну-у, – тянет и тоже двусмысленно так: – Со временем начинаешь разбираться... Ты, мил чел, бабами увлекаешься? Ну и давай себе. Беды в том нет.

«Глупый ты ишак, – думаю. – Не понимаешь, что это я взаправду сказал, без капли цинизма. Но пока время есть, почему и не порезвиться напра-нале?»

А он свое, недоумок:

– Играть по мелочи тоже можно. Мир от того не пошатнется. А захочешь по-крупному, зайди ко мне. Посоветуйся.

– Куда зайти? – тупо вопрошаю на автомате, а сам от презрения кулаки стиснул.

– Сюда зайди, – пожал он плечами. – Или в «Асторию»...

Да уж, чего я спрашиваю...

– При чем здесь я? – киваю на стол.

– Вот именно, коллега хренов, – обрадовался он, – что ты тут ни при чем.

– Тот, – глазами показываю на знак иттрия, который распознал, наконец, в трехлучевой звездочке, – давно к тебе ходит советоваться? Или, – сглотнув и набравшись смелости, – торговаться?

– Так я вас оставляю, – поспешил сказать мужичонка, уклоняясь.

Ты под конец на вы перешел! Никогда не доводилось мне ловить такой презрительной жути из чужих глаз, как после моего предложения ему забрать пустые бутылочки.

В памяти – только один его вопрос. Нахлынуло. То ли прошлое тереблю, то ли о будущем мечтаю.

Сидели мы в пиццерии. Что-то она вдохновенно вещала. Глазки горели. А я вопросы гладко подбрасывал, чтобы пауз не возникло. Отлучилась она на пару минут. А какие-то две девчонки из-за соседнего столика сразу раскусили, что это первое свидание. Я и не думал, что мы их заведем: «Давай, давай! Мы за тебя болеем! Улыбайся, не молчи, у тебя получится!» Смешно. Потом косили друг на друга, они губки складывали бантиком. Вот как бывает. Или нет – будет!

– Надо же, как бывает! – и Димка ставит на стол кружку. Таковую же.

Постояли мы насупотив. Перебрали молча все «я знаю, что ты знаешь». Поболтали о Танькиных, пообещал он ее отбить к концу семестра. Подумаешь, уязвил. Только и дел мне, что ее пасти.

– А твой... куратор... – ногтем по его кружке, – не возражает? Или по таким мелочам...

Поднял он глаза, потянул носом. Я хотел развернуться на выход, да он прибавляет:

– Убил бы я тебя, – медленно так, нараспев. – Мне это легко. Верь. Только это может нарушить мои планы. Никогда не знаешь, куда попадешь после важного выбора. А вдруг: ты там снова? – резко приблизился, так что дохнул, шипя: – Ты знаешь, какой он, ад?.. Впрочем, может, и знаешь...

– Где холоднее, – подначиваю, отстраняясь, но сам настороже. – В аду или на кафедре низких температур?

Вижу, он еле сдерживается, чтобы меня не огреть. Губы дрожат.

– Я этот мир себе заработал. Мне его продали. Я слишком много вложил.

– «Себе, мне, я», – передразнил. – У этого шулера взял на прикупе? А прожитый мир забыл сбросить, мало ли – пригодится! Знаешь, в пре-

ферансе как: если прикуп не снес, то и козырной туз может не сыграть. У остальных карты кончатся, сиди с ним, кусай локти.

– Сечешь. Вот я и зашел сразу с туза, – обрадовался он.

– В этой игре их много. Твой приятель их достаёт и рассовывает всем под стол. Но ставка твоя бита. Как и раньше. Тьфу! Позже. Ты там, помнится, сел с государством перекинуться. Пока сам пять тузов доставал – молчал, а когда тебя канделябром огрели – закричал: народ, спасите, тут нечисто играют.

Он аж завибрировал. Повернулся я, пошел прочь.

– Слушай! – догнал он меня на улице, развернул за куртку. – Давай на пару. Согласен, у тебя тоже право есть. Ты прав, к черту лантан. Сразу: иттрий-барий-купрум-о. Понятно, с завкафедрой придется поделиться. Премия ведь на троих дают. Я бы сразу опубликовал, я формулы и с цифрами помню, но эксперимент нужен, иначе корифей статью не подпишет, а юнцу кто поверит? Вся жизнь впереди. Не придется в дерьме купаться. Все тебе будут в рот смотреть. Все исправишь.

– Мне корректировать особенно нечего, – отвечаю, – а ты что собрался исправлять? Не пойдешь, например, прижимать чужую собственность?

– Ничью, – сморщился он. – Не я, так другой.

– К играм мировых мерзавцев главное не примкнуть. Не возглавлять сволочь.

– Хватит. Думаешь, я не хотел все исправить? Чувствовал, что расплата будет жестокой. За каждую поганку придется ответ держать. Сидел как-то в тоске, думал, сколько лет жизни бы дал, Димка, за то, чтобы вернуться в свои шестнадцать? Но не просто, а с багажом всех знаний, умений, навыков, сноровки? А тут – он. Предложил: шестнадцать за шестнадцать, лучше, говорит, здесь, чем там, – и пальцем вниз тычет. Расплатись, говорит, и назад, а потом все с чистого листа, да как! Тридцать два года форы. Кем угодно можешь заделаться! Я ведь терпеть не мог бизнеса. Деньги презирал. Хотел ученым стать, звездочки изучать. А вон как все вышло. Нет, думаю, второй раз – уж дудки!..

– Ты всегда был... будешь большим хитрецом. Чужое открытие из будущего захотел перетащить себе в карман. А с корешем посоветовался? Беды не случится?

– Посоветовался, – отвечает он серьезно. – Высокотемпературные сверхпроводники открыты в две тысячи восьмом, премия – в десятом, а использовать начнут после разработки лазерной индукции двенадцатого года. Без этого ничего не сдвинется. Повиснет на четверть века без применения. За полгода сварим эту чертову керамику – и в дамки.

– Быстро размениваются тузы, – говорю, сплевывая под ноги.

Вслед мне Димка рычал что-то о своем дружке и плохих тормозах. О том, что и мне найдется что починить...

Еще два дня я думал, совсем есть перестал. Одиссей, что – тоже возвращался? Стояли они, положим, под Троей пятнадцать лет, пока кто-то не сообразил коня. Махнул он обратно на пять годков, сколотил лошадь, а потом еще десять лет мотало его в отместку по морю, прежде чем вернулся он к еще более постаревшей жене. Интересно, в какой момент он это понял?

И интересно, а я сам это уже понял? Побрел я на встречу с тем чувачком, что меня у Вагана подловил. Простоял на остановке полдня. Догадывался, что испытывают меня.

Прорывалось из мглы грядущего что-то грозное. Позвонил я тогда жене, мол, бросайте все. Грузитесь в машину, приезжайте в Питер. Погода что надо. Покатаемся, мелким фонтаны покажу...

Снег пошел и закончился. Плеснул, сбрызнутый светом, серп Луны. Объявился мой чувачок, оставляя четкие мокрые следы.

Сели мы на спинку лавки, ногами на сиденье.

– Что я здесь делаю?

– Выбор, – отвечает.

– Глупостей только высокопарных не болтай? Выбор я свой сделал, – сообщаю, – мне бы только адресок этого Мюллера. Да, как его зовут? Получат старики свою законную премию на двадцать лет раньше.

– Карл, – отвечает и протягивает бумажку с двумя именами. – Шли обоим.

Заготовил! Неужели, думаю, все так легко просчитывается, что никакой свободы вовсе нету? Как там: «...жребии человечески не случайны суть, а в деснице Его выну содержатся...» – всплыло, как до этого формула сверхпроводника.

Надоела мне неопределенность, чувствую – устаю. Это как подбивать к Тане, которую мысленно прозвал Та, которая Не. Спрашивая, как его зовут, ожидал чего угодно: «ангел-хранитель», «рано-тебе-знать», «пошел-ты», но он назвался Петром. Даже не святым и не великим. Поинтересовался, за кем из нас, остолопов, он следил, или сразу за обоими? Подтвердилось, о чем я и сам догадывался: словить возвращенца у букмекера проще всего. В Москве их не лом. Меня он вычислил сам, а уж потом и до Димки дотянулся. Похвалил меня еще, мол, я сообразительный, раз сам допер. Не стал ему говорить, что недавно меня уже чествовали за догадливость.

– Кто мы? Слабаки или сволочи?

– Как сам захочешь. Можешь усугубить, а можешь тормознуть себя. И других.

– А я полагаю, слабаки. Скрылись от настоящего в прошлом. Где все известно, все легко. Куда

ты меня вербуешь? Люди в черном? МІВ? – вижу, не дошло. Значит, в самом деле – не святой. – Ты попал сюда года из девяносто пятого плюс минус пара лет. И по второму кругу идешь пока недолго. Иначе тот фильм ты бы тоже знал.

Он подумал, возможно, следуя мысленно моей цепочке рассуждений, кивнул.

– Кого от кого спасаем, товарищ? – продолжаю.

– Себя. Вылезает из петли. Петли времени или удавки жизни, в которую себя подвесили... Отбываем наказание за своего рода самоубийство. Ты еще не все вспомнил? Счастливчик. Скоро вспомнишь – и живи с этим как сумеешь... Самые опасные люди – те, кто, полагая себя проигрывающим, удваивает ставку. Они делают это потому, что хотят отдалить момент расплаты, который пугает их больше всего. Хотя осознают, что расплата может быть еще горше.

– Но ведь некоторым удается отыграться, – возразил.

– Это иллюзия, – покачал он головой. – Платить придется – здесь ли – там! Но не стоит усугублять. Все мы когда-то попросили второй попытки.

– У этого типа? То-то он показался мне знакомым. Как мне попасть обратно? – я уплотнил упертый в него взгляд. – Понимаешь, обратно – в себя в «Астории»?

Отлично он понимал, отвечая, когда я еще не окончил вопроса, что надо просто дожить.

– Ладно, – отодвинулся. – Что Димка там болтал про тормоза, про то-се?..

– Он из более позднего времени, – пожал плечами Петр. – Мог знать, что произошло в тот день, когда ты попросился назад.

– Не складывается, – отвечаю, посчитав.

– Сложится, – жестко так. – Если знать, что он попросил третьей попытки.

Ах, вон оно что. Тут только меня окатило. Он помолчал и вздохнул, развел руками. Я поднялся. Браво помахал адреском. Пообещал, что отправлю письмецо, но чтобы потом он меня не искал. Смешно. Будто в нем дело.

– Наверное, ты прав, что мешаешь мне жить, – сказал Димка, когда я через три дня приплелся на главпочтамт. – Я уверен, что он так и задумал. Что ты только часть плана этого паразита, торговца временем, который живет за счет таких идиотов, как мы. Но вдвоем...

– Э-э, стоп, – пресекаю. – Давай начистоту: ты которую по счету петлю наматываешь?

Он оскалился. Снова услышал я тот лютый скрежет.

– Третью, – процедил, следя, как эта его по счету судьба исчезает в обезличивающих недрах сортировочных сот. – Агитатор приходил?

– Слышал, Бог направляет каждого по наилучшему пути, а все попытки вильнуть в сторону лишь сталкивают с рельс поезд нашей жизни, – говорю. – Твой третий опыт это подтверждает?

– О-о! Значит, приходил, – шипит. – Вы – слабаки и отступники. Недостойны дара. Предали уникальный шанс. Вам дали, а вы его в унитаз. И меня с собой под крышку. Бойтесь выйти из своей мелкой роли статистов наружу, схватить то, что вам не предназначено, что дадено каким-то уродам. Предпочитаете тупо отыграть чей-то сценарий. Воля ваша. Нет, безволие... Да, он обманул меня. Торговец. Я думал, отщипнет он себе от моей жизни шестнадцать лет, а он подстроил шестнадцать лет тюрьмы. А когда он в этот раз тебя подослал, тут я все понял. Но я хотя бы сделал попытку. Я не жалею. И стыдиться мне нечего. Это мое право.

– Хочешь, расскажу, как все было? – отвечаю. – Жил ты себе банальным пижоном, а от зависти, что другие хуже, но богаче желчь тебя разъедала. Попросился ты обратно – деньги мыть. Казалось – легко, да нарвался на каких-то тех, кто тоже уже жил. И в тюрьму в тот раз тебя отправила та самая влиятельная мразь, что мотает свой срок кругу, скажем, по пятому. Захотелось тебе избежать этого в третий раз, переделаться в ученые. Чисто, слава, почет. Чтобы без особого труда – и сразу из студентов в академики. Но мозгов хватило только на то, чтобы формулу сверхпроводящей керамики запомнить, потому как прочие открытия слишком большого ума и труда требуют. А тут откуда ни возьмись – я. Хотел ты играть с болванами, зная прикуп, а к тебе за стол всякий раз садится игрок... с равными шансами. Так что, живя по удвоенной ставке, каждый только проходит свой ад дважды.

Верил ли я в то, что говорил? Нет, конечно. Кому же захочется осознать себя всего лишь кувалдой в чьих-то руках? Тем, кто призван только для вразумления кого-то? И после кто-нибудь станет бичом для тебя. Если ангелы – всего лишь вестники, безропотно исполняющие начертания, то тяжела доля ангела.

Посмотрел Димка с долгим прищуром.

– Тяжко! – вырвалось у него сдавленно. – Как представляю, что мне по моим рельсам катить всю жизнь – тошно становится. Ничто не спасет. А еще гаже мне от того, что ты своей пытки не знаешь! И спокойно так ходишь и радуешься.

Шел я к метро и долго ожидал удара в спину.

Но с чего он решил, что я радуюсь? Визгу неисправных тормозов встречного самосвала? Знал бы он, что не сплю я, думая, что мне делать. Исправить или смириться? И какова цена? Всплыло во мне вчера все, что случилось, когда мне сообщили о машине всмятку. Вспомнил, как с трепетом ждал звонка из больницы, когда сел ко мне этот торговец временем и предложил свои услуги. И когда раздался резкий сигнал телефона, я выключил его и ответил:

– Хочу.

Правильные слова

Улыбку номер пять Антон отрепетировал еще в лифте, перед большим зеркалом. Клиентка была шумной, энергичной, нагловатой, поэтому действовать нужно от обратного: подпустить чуть смущения, капельку наивности и непременно прикрыть рот ладонью, усилив эффект застенчивости. Антон так и застыл с этой улыбкой, прижав к груди кейс с каталогом продукции. Лифт остановился на последнем этаже, Антон шагнул на лестничную клетку и немедленно пожалел об этом. Хозяйка роскошной квартиры с пентхаусом, занимавшей целый этаж, в буквальном смысле спускала с лестницы его менее удачливого коллегу.

– Щенок! – звонкий, молодежавый голос женщины совершенно не вязался с грузным телосложением. Таких с раннего возраста называют тетками. Капитолина Ивановна Барякина была женщиной крупной, словно сошедшей с картин Кустодиева, с воинственно торчащей огромной грудью, сильными мужскими руками, которыми она ловко ухватила за шиворот маленького, невзрачного торгового агента.

– Я тебе покажу копипастер! Насканировался, паразит? – она встряхнула агента, как нашкодившего котенка, и он едва не выскользнул из куртки. – Ты кого пытался обдурить? У меня весь дом и вся дача завалены никому не нужным дорожным барахлом, которое у вас там годами на складах пылится! Но я молчала! Черт с вами, с гадами, думала я! Раздам бедным, им всегда все нужно. А ты решил, что, если я молчу, значит, дура неумытая, клуша деревенская, ничего не понимаю? Копипастером меня сканировал! Ненавижу, когда меня пытаются на мякине про-

вести! Да я этот чертов девайс первой купила, когда ты еще о нем и не слышал!

«Вот здесь, тетя, я тебе верю», – подумал Антон.

Хорошему торговому агенту совершенно невозможно обойтись без своего человека в банке. Знакомая служащая Лера исправно сливала Антону информацию о покупках через кредитные карточки, делая особый упор на тех клиентах, которые активно пользовались услугами торговых агентов, телеканалами покупок и многочисленными каталогами.

Кредитная карточка Капитолины Ивановны работала, как раб на галерах. Хозяйка неограниченного кредита без устали скупала все новинки рынка. Спектр был широк: от гаджетов последних моделей до пуховых подушек и расписных сервизов. Юркие посыльные без конца доставляли, распаковывали, собирали и тестировали.

Капитолина Ивановна была золотой мечтой продавцов и маркетологов. Ее бывший муж Барякин, юркий деревенский мужичок, начинал свой бизнес, продавая по селам удобрения. Следуя мудрым советам Капитолины Ивановны, которую природа одарила чутьем на деньги, он, оказавшись в нужном месте в нужное время, подсутился, выгодно вложил сбитый к тому времени капитал и в результате стал олигархом. Бывшие односельчане метко окрестили его «говенным королем», намекая на те самые удобрения, с которых он начинал. Но деньги, как известно, не пахнут. Барякин переехал в Москву и вместе с машиной и домом прибрел заодно новых длинноногих спутниц жизни. Жену Барякин без денег не оставил, памятью, как

Евгения Владимировна Халь (Хале Янина Евгения Владимировна) родилась в Киеве в 1973 году. Училась в Киевской консерватории по классу скрипки, но вынуждена была оставить музыку из-за травмы руки. В 1993 году выехала в Израиль, где и живет до сих пор. В данный момент занимается медициной. Писать начала после тридцати, и немедленно увлекла этим Илью.

Илья Семенович Халь (Хале Пинхас бен Салем) родился в Израиле в 1954 году. Профессиональный военный, служил в спецназе, в бригаде «Голани». Участник Войны Судного Дня (1973). После отставки в 1999 году закончил бизнес-курс при Открытом Университете Израиля, занялся частным предпринимательством.

И Евгения, и Илья всегда любили слушать интересные истории, а потом поняли, что можно рассказывать их другим.

вместе тянули на одну нищенскую зарплату. Он назначил ей щедрое содержание, купил роскошную квартиру в престижном районе Москвы. И Капитолина Ивановна, женщина не старая, но очень одинокая, принялась изливать нерастратенное женское тепло, скупая все подряд.

Незадачливый торговый агент скатился по лестнице, судорожно цепляясь за перила. Коричневый кейс полетел следом. Капитолина Ивановна обратила, наконец, внимание на Антона.

– А ты кто такой? – грозно спросила Барякина, возвышаясь над немаленьким Антоном как минимум на полторы головы.

– У меня для вас есть потрясающее предложение! – Антон сменил улыбку номер пять на улыбку номер один: широкую и бесхитростную.

– Покажи затылок! – с угрозой произнесла Барякина.

– Пожалуйста! – Антон спокойно повернулся спиной, снял шапку, демонстрируя пустой слот на затылке. Волноваться было не о чем.

«Как все-таки вовремя я сменил провайдера!» – подумал он.

Увидев пустой слот, Барякина немедленно сменила гнев на милость:

– Заходи! Горячим тебя напою, так и быть! На улице холод собачий, а ты небось по морозу да пешком. Знаю я вашего брата: волка ноги кормят, на транспорте экономите, где бегом, где ползком. Ресницы вон и те заиндевели. Но покупать ничего не буду, так и знай! Отогреешься и катись на все четыре стороны.

Антон прошел в роскошную квартиру.

– Что пить будешь?

«Чай», – шепнул электронный голос в скрытом наушнике.

– Чай, если можно, – послушно произнес Антон, хотя ему хотелось кофе.

Барякина ушла на кухню. Он быстро прошелся по гостиной, давая возможность наносканам обследовать квартиру. Видеокамеры, напыленные на сетчатку, тщательно снимали обстановку, не упуская ни одну деталь, и посылали изображение на центральный компьютер провайдера. Компьютер обрабатывал запрос в течение нескольких долей секунды, сопоставлял личность клиентки, находил в сети ее сообщения, аккаунты в блогах, любые электронные следы, оценивал вкусы, пристрастия, наиболее часто употребляемые речевые конструкции, и возвращался назад, принося Антону необходимую информацию.

Система была совершенно новой и проходила бета-тестинг. Антону стоило немалых трудов попасть в группу тестировщиков. Это давало ему фору. Можно было заработать неплохие деньги, пока никто еще не разобрался, что к чему. Хватило бы и на операцию матери, и учебу младшей сестренки, и на свой отпуск. Антона не тянуло в теплые края. Ему хотелось домой, в тихий маленький городок, подальше от шумной Москвы. Закрыться в мастерской и писать полгода, не выходя. Антон был художником. Жестокая профессия, в которой ты или Кандинский, или никто. Но чтобы стать Кандинским, кроме таланта, нужны деньги. Талант у Антона был, а вот писать ему приходилось больше ручкой на бумаге, чем красками на холсте.

«Досье на клиентку готово», – прошлептел в ухе безликий электронный голос.

«К приему информации готов», – мысленно произнес Антон.

Барякина вернулась с подносом, уставленным аляповатыми чашками и вазочками с печеньем.

«Теперь главное не переиграть. Она тетка умная», – подумал Антон.

Он грустно посмотрел на антикварный буфет, полки которого ломились от старинной посуды, потер переносицу, отвернулся.

– Эй, ты чего? Заболел никак? – Капитолина Ивановна села на диван рядом с ним.

– Извините меня, – прошептал Антон, – я сейчас... я...

Барякина проследила за взглядом Антона.

– Это ты из-за посуды моей так разволновался? Понимаю, посуда у меня знатная. Хорошей невесте без приданого никак нельзя, – она колыхнула необъятной грудью, засмеявшись, – мужика вот только приличного никак не найти, чтобы, значит, к приданому подходил. У вас там в каталоге женихи случайно не завалились?

– Самовар, – прошептал Антон.

«Не переигрывай», – строго напомнил он самому себе.

– У моей бабушки в деревне был такой же, – продолжил он тихо.

«Я тогда совсем маленьким был, ничего почти не помню, только бабушкины руки...» – старательно нашептывал электронный голос в ухе Антона, цитируя очередную исповедь анонимного блоггера из набора текстов на сайтах, которые Капитолина Ивановна посещала чаще всего.

...– бабушкины руки, которые чай из самовара наливали, – послушно повторял за голосом Антон, отродясь не бывавший в настоящей деревне. Самовар он тоже впервые видел

вблизи. За первой чашкой чая последовала вторая, третья. Барякина засыпала его вопросами, а потом заинтересовалась каталогом товаров, которые он продавал.

Когда Антон вышел из ее квартиры, держа в руках кулечек с конфетами и печеньем на дорожку, его электронный счет в банке пополнился на значительную сумму.

– Ты забегай с новинками, – подмигнула Капитолина Ивановна, – а то и просто на чаек.

– Спасибо! Обязательно!

На улице Антон вдохнул морозный воздух, набрал в ладонь снега и обтер лицо. На душе было гадко и противно. Барякина, в сущности, была неплохой женщиной, хоть и шумной. А он, Антон, ее обманул.

В кармане зазвонил мобильник.

– Ну, ты даешь! – уважительно сказала Лера. – Я сейчас видела поступление комиссионных на твой счет. Раскрутил ты эту тетку по полной. С тебя подарок.

– Угу, – пробурчал Антон, – ты там сама сними свой процент и моим половину переведи.

Лицо горело от снега, но легче не становилось. Он набрал маму.

– Антошенька, как ты?

– Mam, я вам денег сейчас еще перевел, проверь счет.

– Антошенька, ты ведь только позавчера переводил! Нам столько не нужно! Мы экономим, все на счету сохраняем. Только вот Дашеньке шубку купили новую, старая совсем распозлзлась. Даша!» – закричала она. – Брат звонит!

– Mam, я с врачом договорился насчет операции, через две недели приезжай в Москву, я тебя ждать буду. А Дашке скажи, чтобы за учебниками сидела, а не за мальчиками бегала. Деньги ей на учебу я уже отложил, математику пусть подтянет.

Антон положил трубку. На душе немного полегчало.

«Оправдание – лучший отбеливатель пятен подлости», – подумал он, доставая из кармана упаковку обезболивающего. В висках стучали кирками неутомимые гномы. Антон сжевал сразу две таблетки. Головная боль была основным минусом нового копипастера...

...Система «копипаст» появилась в тридцатых годах двадцать первого столетия. Один из заядлых блоггеров вовремя обратил внимание на то, что многие завсегда и интернетом все чаще пользуются готовыми речевыми конструкциями. Это было удобно и быстро. Можно выразить свое мнение по поводу происходящего, используя всего

две строчки из меню: «копи» и «паст». Жизнь стала настолько стремительной, что у многих просто не хватало времени на то, чтобы самостоятельно сформулировать свои мысли, да и необходимость в этом отпала. Едва напишешь строчку, а ее уже кто-то написал до тебя, лучше, глубже и мудрее. Скопировал – вставил в блог, сайт, форум, твиттер.

Блоггер Мудрый Эдд первым сообразил, что на этом можно заработать не только на хлеб с маслом для себя самого, но и на частный самолет и яхту для внуков. Восемнадцатилетний гений объединился с провайдером сотовой связи и разработал копипастер. В затылочной части сверлили отверстие, в него вставляли специальный слот, соединенный с мозговыми нейронами. На ухо устанавливалась гарнитура, оснащенная мини-камерой и микрофоном. Дальше все происходило по следующей схеме: мини-камера передавала изображение в слот, начиненный микроэлектроникой, которая послушно кодировала изображение и передавала его на центральный компьютер провайдера. Компьютер за несколько секунд оценивал личность собеседника, находил его аккаунты в сети, производил десятки тестов и сравнений, и выдавал информацию о привычках, вкусах, наиболее часто произносимых словах. Эту информацию компьютер копировал и передавал в наушник гарнитуры. Получалось, что владелец устройства копировал информацию из сети и вставлял ее в разговор. Копипаст. Зная слабости и предпочтения собеседника или клиента, можно было продать снег эскимосам и песок арабам.

Первыми изобретение оценили полицейские и военная разведка. К ним радостно присоединились врачи, психологи, журналисты. Когда подошла очередь студентов, домохозяек и торговых агентов, изобретение уже успело причинить больше вреда, чем пользы.

Мошенники и аферисты всех мастей едва не вызвали еще один финансовый кризис, продавая и покупая все подряд. И тогда были установлены жесткие правила использования копипастера. Он был категорически запрещен в учебных учреждениях и на деловых встречах. А на свиданиях девушки и кавалеры снимали гарнитуру и клали ее перед собой на стол, демонстрируя чистоту намерений.

Провайдеры терпели миллионные убытки. И тогда технические гении изобрели усовершенствованный копипастер, незаметный для окружающих. Микроэлектронику заменили наноэлектроникой, которая вживлялась прямо в нейроны мозга. Прием информации

ускорялся, но главное, со стороны ничего не было заметно. Систему пока тестировали на добровольцах. Антон узнал о ней от своего друга, который занимался разработкой. И пока никто ничего не понял, надеялся сколотить на этом неплохой капитал...

«...Напоминание: встреча с Льдинкой через пятнадцать минут», – прошелестел электронный голос в ухе. Антон побежал в кафе «Модильяни». Он приходил сюда каждый день, ровно в два часа. Иногда даже не заходил внутрь, а смотрел на Льдинку через стеклянную витрину. Она его не замечала, поглощенная чтением.

Антон разузнал, что ее звали Мариной. Светлые волосы, серые, стального оттенка глаза, надменно изогнутые брови – она не подпускала к себе никого, поэтому Антон мысленно прозвал ее Льдинкой. Каждый день, в одно и то же время, она выходила из банка, расположенного через дорогу от кафе, и садилась в углу, открывая книгу. Настоящие бумажные книги стоили так дорого, что Антон понимал: девушка не из бедной семьи. Обложку она обычно оборачивала бумагой. Сначала Антон думал, что девушка бережет книги, что неудивительно, учитывая их стоимость. Но, посидев несколько дней с чашкой кофе напротив нее, он понял: дело не в бережливости и аккуратности. Просто все мужчины, которые пытались завязать с ней знакомство, а таких было немало, использовали книгу как предлог для начала разговора. Причем многие из них даже не снимали гарнитуру копипастера. Льдинка отвечала им только одним взглядом. Антон давно предполагал, что именно так Снежная Королева смотрела на Кая.

Сегодня ему повезло: все столики в кафе были заняты, свободным оставалось только одно место – возле Льдинки.

– Вы позволите? – спросил он девушку. – Не хочу мешать, но свободных мест нет.

– Да, пожалуйста, – ответила она.

Антон заказал кофе, достал из кейса заранее купленное электронное устройство для чтения и положил его на стол. Такие устройства стали редкостью после изобретения копипастера, хотя и не такой, как бумажные книги. Льдинка мельком посмотрела на ухо Антона – гарнитуры там не было.

– Официант, – Антон нарочито повернулся спиной к девушке, демонстрируя пустой слот на затылке, – пожалуйста, апельсинового сока и еще кофе.

Нанокamеры, напыленные на сетчатку, передали снимок книжной страницы на компьютер провайдера.

«Роберт Бернс, шотландский поэт восемнадцатого столетия, стихотворение «Пробираясь до калитки»», – прошелестел электронный голос.

Антон прокрутил список книжных закладок, нашел нужную и якобы случайно нажал на клавишу «прочитать вслух»:

Если звал кого–то кто–то

Сквозь густую рожь

И кого–то обнял кто–то,

Что с него возьмешь?

– Простите, – смутился он. – Не хотел вам мешать.

– Вы читаете Бернса? – недоверчиво спросила девушка, в голосе хрустнул расколотый лед.

– Да, – спокойно ответил Антон, – это один из моих любимых поэтов.

– Если это трюк, то очень топорный и неловкий.

– Что вы имеете в виду?

Девушка молча сняла бумагу с книги и показала обложку. «Роберт Бернс», – было написано золотом на черном фоне.

– Я бы назвал это совпадением, – улыбнулся Антон, – как видите, у меня нет копипастера. И я только что пришел, так что никак не мог видеть, что вы читаете.

Льдинка задумчиво рассматривала его несколько минут, потом улыбнулась. У нее оказалась замечательная, теплая улыбка.

– Я не верю в совпадения.

Они выпили несколько чашек кофе, и мечта Антона сбылась: Льдинка дала ему номер телефона. Они договорились встретиться вечером. Ликующий Антон галантно подал ей пальто, и вдруг произошло непонятное. Наружный микрофон копипастера – крошечная точка бежевого цвета, спрятанная за мочкой уха, сработал сам собой.

Разработчики очень гордились этой придумкой – наружным микрофоном. Если с владельцем что–то случалось: сердечный приступ или ДТП, копипастер самостоятельно дозванивался до скорой помощи и милиции.

Из Антона, как из радиоприемника, слышался шелестящий электронный голос:

– Каталог товаров, номинация пять, клиентка Барякина. Напоминание: через пятнадцать минут встреча с Льдинкой, кафе «Модильяни».

Дальше голос принялся выдавать какую–то чушь: цифры, бессвязные звуки. Антон почувствовал жуткую головную боль, во рту пересохло, к горлу подкатил ком, перед глазами поплыли цветные пятна, и он потерял сознание.

Антон пришел в себя в больнице. У кровати сидел на стуле незнакомый мужчина.

– Я – представитель вашего провайдера, – представился он, – мы очень сожалеем о случившемся. Система дала сбой из-за вируса.

– Вы не предупреждали, что такое может случиться, – перебил его Антон.

– Мы предупреждали, – мужчина торопливо заговорил, словно привык, что его все время перебивают, – и вы даже подписывали, что в случае вируса у вас не будет претензий. Это было написано внизу маленькими буквами, но мы, конечно, все оплатим: лечение, больницу, витамины.

– Вон! – устало произнес Антон.

Повторять дважды не потребовалось. Мужчина выбежал из палаты, пискнув на прощание, что вернется завтра с необходимыми документами.

– А я говорю, что все равно пройду! – раздался в коридоре зычный голос Барякиной. Антон застонал, закрыв лицо подушкой.

– Туда нельзя, – маленькая хрупкая медсестра самоотверженно попыталась загородить дорогу мощной Капитолине Ивановне. – Пациенту категорически запрещено волноваться!

– А никто и не будет волноваться, – Капитолина Ивановна протиснулась в палату, сминая медсестру, – я его тихо придушу без всякого волнения! Ты смотри: он уже и подушечку на лицо натянул, подготовился, значит! Ай, молодец!

Антон сбросил подушку на пол и молча посмотрел на Барякину. Ему было все равно.

– Я вам все верну, – равнодушно сказал он.

– Ага, сейчас только золотую рыбку поймать и вернуть.

– Я верну, – прошептал Антон, закрывая глаза.

Такого Барякина не ожидала. Она жаждала скандала, предвкушая, как агент будет юлить, краснеть и бледнеть, а может быть, и умолять. Капитолина Ивановна примчалась в больницу на тачанке, с шашкой наголо, в предвкушении хорошей драки с ушлым противником, но тот почему-то не принял вызов. Похоже, ему было все равно.

– А чего он такой отмороженный? – спросила она у медсестры громогласным шепотом, который слышно было даже в коридоре.

– Его какая-то девушка привезла к нам, осталась узнать диагноз, а он как в себя пришел, так сразу извиняться начал. Она на него разозлилась, велела никогда больше к ней не приближаться и уехала, – шепнула медсестра.

– Примите лекарство, пожалуйста, – она протянула Антону таблетки.

– Не хочу, – Антон отвернулся к стене.

– Так, – протянула Барякина, беря стул и садясь рядом с кроватью, – я тебя придушить хотела за все то барахло, что ты мне продал. Посыльные как начали это все свозить – так хоть плачь, хоть караул кричи. А ты сам тут помираешь, без меня. Глаз пустой, как у покойника, прости господи! Что случилось?

– Какая вам разница?

– Ты мне не хаами! – рявкнула Барякина. – Спрашиваю – отвечай! И таблетки прими, а то прямо в горло вложу! На, запей, – она протянула Антону стакан воды.

Антон послушно выпил таблетки.

– Слышь, сынок, – Барякина придвинулась к нему поближе, – если ты так из-за денег убиваешься, то наплюй. Я же не из-за денег тебя душить хотела, а из принципа. Потому что не люблю, когда меня дурят.

– Не из-за денег.

– Из-за девушки?

– Да. Она меня никогда не простит.

– А ты мне расскажи, что да как! Может, я чего присоветую?

...Сумерки тихими птицами залетели в палату, а Антон все говорил. Капитолина Ивановна оказалась замечательной слушательницей. Она охала, смелась, иногда всхлипывала. А потом неожиданно легко для человека с таким мощным телосложением вскочила со стула и взволнованно заходила по палате.

– Обмельчал нынешний мужик! – возмущенно выкрикнула она. – Вы скоро без девайсов с гаджетами штаны не снимите! Ничего-то вы про нас, про женщин, не понимаете! Для нас самое главное – не машины, не шмотки и кабаки дорожные! Для нас самое главное – найти правильные слова. Такие, чтобы от сердца шли! А вы, мужики, – она гневно ткнула пальцем в медбрата, не вовремя заглянувшего в палату, – накрутили копипастеров, намудрили с электроникой, до космоса скоро доберетесь, а верного, доброго слова сказать не можете.

Барякина достала из сумочки мобильник, протянула Антону.

– Звони ей!

– Я не могу, – испуганно выдохнул он, – она меня слушать не станет. И вообще, что я ей скажу?

– То же, что и мне сейчас рассказал. Честно и без вранья с хитрецой.

Антон взял телефон, глубоко вздохнул и вдруг успокоился. Барякина права: больше не нужно лгать и выкручиваться. Нужно только прислушаться к своему сердцу. И тогда они сами придут, правильные слова.

Чайный гриб

Гиндесбург Фурзякин открыл дверь своей квартиры и увидел в прихожей жену. Жена мыла пол, выгнувшись дугой. Ее внушительных размеров таз был наполнен мутной и грязной водой, в которой плавала шелуха от семечек, скомканные комочки кошачьей шерсти и фантики от конфет. Фурзякин брезгливо наморщился.

– Чего нос воротить, пистон пробитый? – сказала она, с силой кинув тряпку на пол.

– Запах какой-то странный, – оправдался он.

На самом деле он испытывал отвращение не к запаху. Вид его жены был тому виной. Жена убивала двух зайцев разом. Делала уборку в квартире и сохраняла молодость лица, измазав его сметаной, поверх которой были наклеены круги огурца. Она напоминала печенную под овощами молочную свинью, поданную в прошлом году к столу в ресторане «Зульфия» на пятидесятилетие Гиндесбурга.

– Ишь ты! Запах ему негож! Сымай калоши и копыта мой! – заявила жена, сверкнув из-под сметаны огнем блеклых очей.

Фурзякин немедленно повинился. Нырнув за дверь ванной комнаты, он поспешно стянул с себя рабочий костюм и облачился в домашний халат. Ноги он ополоснул теплой водой и сунул в тапочки.

– Мне бы поужинать, – жалобно попросил он, приоткрыв дверь.

Жена в ответ фыркнула что-то нечленораздельное, похожее на внезапно выплывший из болотной жижи пузырь зловонного газа, что означало – ужин на плите, гнилоносный кобель!

Ужином оказались котлеты на пару, с привкусом хозяйственного мыла, и холодные, как забытые на зимней рыбалке черви, макароны. Наскоро поев, Фурзякин заварил себе чаю и просочился в гостиную, где уборка уже была закончена. Там он включил телевизор и стал смотреть новости. В новостях сообщили, что премьер-министр снова посетил финансовый форум в Гаа-

ге, что на летних Олимпийских играх российские спортсмены завоевали восемь золотых и четырнадцать серебряных медалей, а также принесли бронзу в соревнованиях по синхронному плаванию и гребле на каноэ. Также узнал Фурзякин, что со следующего квартала текущего года плата за электричество возрастет и что кактусы подсемейства опунциевых отличаются особым типом шипов – глохидиями, крайне жесткими и ядовитыми, попадание которых в пасть животных вызывает мучительные боли и судороги, влекущие за собой смерть.

Гиндесбург с наслаждением закрыл глаза и представил себе свою жену, съевшую такой кактус. Мечущаяся в агонии супруга с иссиня-черным лицом и глазами, готовыми вышвырнуться из орбит, подарила сознанию Фурзякина успокоение и негу. Но его прекрасное видение было безжалостно разрушено ворвавшейся в комнату женой.

– Твой поганый гриб разросся, как тварь! Или ты эту дрянь изничтожишь, или я тебя, собаку паршивую, ночью порублю и ему скормлю!

– Да что ты, Ларочка, успокойся, – примирительно проблеял Фурзякин. – Раз он разросся, я его разделю и Федору отдам половину. Он давно просил.

– Отдам?! – возмутилась супруга так, словно ей предложили съехать из комфортабельной квартиры в грязный сарай. – Я его ращу, пою чаем с сахаром! А ты этому иждивенцу алкоголезному за так? Ну, нет! Вот ему, а не половину! – и показала супругу огромный розовый кукиш с жирным и уродливым большим пальцем.

– Да ведь...

– Иди сейчас же в унитаз смой! Я эту дрянь видеть не хочу, не то что трогать! – и хлопнула дверью так, что у Гиндесбурга екнуло в груди.

Он, зная, на что способна супруга в моменты, когда приказы ее игнорируют, отправился на кух-

Михаил Александрович Бочкарев родился в 1977 году в Москве. Окончил среднюю школу, поступил в ВПУ (высшее профессиональное училище), обучаться профессии радиомонтажника. Окончив, год работал продавцом музыкальных инструментов. В 2001 поступил в МГПУ (Московский Городской Педагогический Университет). Работал охранником, копирайтером, продавал компьютеры, рекламу. С 1998 г. является бессменным лидером рок-группы «ЯДЫ». Рассказы Михаила Бочкарева публиковались в журналах «Веси» и «Уральский Следопыт».

ню, где в трехлитровой банке рос столь любимый им чайный гриб. Выбрасывать его было до жути жаль. Фурзякин знал, что гриб полезен и для желудка, и тонизирует лучше всякой минеральной воды. А уж как средству борьбы с похмельем – равных ему нет! Но жена! Перечить ей было делом столь же бесполезным, как воевать с торнадо при помощи пылесоса.

Взяв банку, Гиндесбург понес ее в туалет. Встав над очком отхожего места, он горестно вздохнул и накренил банку, но вдруг увидел, что со дна ее поднялся крупный пузырь газа и медленно поплыл кверху. Когда он всплыл, гриб слегка приподнялся в центре и по его поверхности прошла странная вибрация. Боковые слои гриба чуть раздвинулись, и Фурзякин услышал:

– Не делай этого!

Он резко обернулся и понял, что дверь за ним заперта.

– Кто это сказал? – прошептал он.

– Я, – ответил гриб.

– Но ведь... Так не бывает. Ты же гриб. Ты не живой!

– Что за глупости? – возмутился гриб, завибрировав краями. – Конечно же, я живой.

– Да, но...

– Хочешь сказать, что если я гриб, то и живым быть не могу? – усмехнулся тот. – У меня даже есть имя.

– Имя? – удивлению Фурзякина не было предела.

– Имя мое Гао-Цзу. Но ты можешь называть меня проще, вторым моим именем Цзы. Должен предупредить: я отношусь к очень древнему и знатному роду. Я – первый император китайской династии Хань.

Фурзякин нервно сглотнул, подумав про себя, не подсыпала ли жена ему какой-нибудь отравы в ужин. Он где-то читал, что у отравленных перед смертью часто бывают галлюцинации. Фурзякин мотнул головой и снова накренил банку с твердым намерением слить гриб в унитаз.

– Эй, эй! – вскрикнул водоплавающий гриб. – Спокойнее! Я могу доказать, что я и вправду живой!

– Как?

– Очень просто! Я знаю, где твоя Ларочка прячет деньги, – заявил гриб, придав голосу таинственную интонацию. – На кухне, в правом шкафчике над плитой, прямо в банке с гречкой. Там что-то около ста тысяч.

– Хм... – рассудил Гиндесбург, – если ты моя галлюцинация, то это окажется ложью. А если нет, то...

– Видишь, как просто. Стоит только проверить, – приободрил хитрый гриб Цзы.

– Ладно. Побудь пока тут.

– Нет! Не оставляй меня, а то эта мигера меня выльет!

– И то верно, – согласился Фурзякин.

– Что ты там бормочешь, идиотина? – раздался вопль жены за дверью.

Ручка в туалет в тот же миг спазматически задергалась, и Фурзякин от испуга чуть не выронил банку. Гриб тревожно булькнул.

– Скверная жена у тебя, Гиндесбург, – сказал он тихо.

– И не говори.

Гиндесбург осторожно отодвинул задвижку, и тут же дверь распахнула его супруга. Ее злоешие глаза принялись шарить по крохотному пространству туалета.

– Что ты там прячешь, рухлядь нафталиновая?

Фурзякин, держа банку за спиной, не нашелся, что ответить, а только безвыходно покраснел.

– Смыл? – жена грозно сдвинула брови.

Фурзякин молчал. Он робко попытался выйти, но тут же был оттиснут мощной грудью супруги обратно.

– Смывай при мне!

– Нет! – сказал он треснувшим голосом.

– Что!??

– Это мой гриб, – сказал он твердо.

– Что-что? – повторила жена тоном оскорбленного евреем офицера Вермахта.

Фурзякин с ужасом увидел, как громадная, шпалоподобная рука супруги медленно поднялась в высь и уже через секунду в глазах его вспыхнули молнии, а в ушах заложило ватой. Гиндесбург увидел, что теперь он полулежит в совершенно неестественной позе, зажатый между унитазом и стеной, а его жена с улыбкой дьяволицы победоносно держит перед собой банку с грибом. Пока Гиндесбург пытался освободиться, жена его успела-таки вылить несчастный гриб в унитаз. Беспомощный, он лежал теперь на приступке толчка, склизкий и жалкий. Края его слабо вибрировали предчувствием неминуемой гибели.

– Вот сука! – сказал он вдруг отчетливо и громко.

Лариса Фурзякина, тянувшая в этот момент руку к рычажку слива, окаменела. Взгляд ее метнулся на супруга.

– Это кто сказал? Ты?! – спросила она сипло.

– Он, – ответил Фурзякин, кивнув на гриб.

Жена, не веря своим глазам, наклонилась над очком отхожего места. Гриб молчал. Тогда она вооружилась стоящим возле унитаза вантузом и хотела было ударить им гриб, как тот вдруг легко и неожиданно выпрыгнул из унитаза и налип на ее раскрасневшееся после косметической маски лицо. Фурзякин услышал дикий, заглушенный телом гриба рык. Жена, пытаясь содрать атаковавшую ее нечисть, сучила по лицу когтями. Но все было тщетно. Гриб словно прирос к ней. Края его сомкнулись на затылке намертво. Несчастливая, вертясь юлой, в агонии выскочила в коридор, на-

летела на рогатину вешалки и упала на пол. Спустя минуту она затихла, и Фурзякин понял, что произошло страшное.

– Не волнуйся, – услышал он вдруг, – я только усыпил ее. Правда, надолго. Пусть проспит как следует. И потом она нам только мешать будет.

– Мешать нам? – удивился Фурзякин.

Он увидел, что гриб, совершая странные телодвижения, сполз с лица его жены и проворно движется обратно в туалет.

– Застрял? – посочувствовал гриб, забравшись на край унитаза. – Ну давай я тебе помогу.

И гриб, проскользнув по керамическому бортику, оставил после себя текучий маслянистый след. Слизь эта, словно смазка, стекла по бортам, и Гиндесбург с легкостью выскользнул из своей ловушки.

– Ты мне новую банку поищи, – сказал гриб, горестно созерцая осколки прежней своей обители, разбитой мечашейся в агонии женой Фурзякина.

– Ага.

– А теперь, – сказал гриб, потирая свои края друг о друга, – пойдём чай пить!

* * *

Гиндесбург и гриб сидели друг напротив друга за кухонным столом. Тут же стояла вскрытая банка с гречкой, в которой были обнаружены спрятанные женой деньги, остывший недопитый чай в фарфоровых кружках, литровая бутылка водки – опустевшая наполовину, маринованные помидоры на блюде, нарезанная колбаса и сахар рафинад, которым гриб закусывал водку. Делал он это так. Всосав очередную рюмку, гриб наполнил на кирпичик сахара и с урчанием растворял его в себе. Гиндесбург наблюдал эту картину с неописуемым умилением, словно гриб был ему родным годовалым сынишкой, выучившимся самостоятельно ходить.

– ...И когда я взобрался на гору Фудзи, – вещал гриб заплетающимися краями своей кожистой мантии, – в душу мою снизошел небесный свет. И все стало прозрачно и чисто. Я понял – дух и плоть лишь временно объединены меж собой. Но дух неизмеримо выше, а потому любой, кто достиг просветления, способен воплотиться к новой жизни в любом живом объекте. Мой срок пришел сейчас.

– Поразительно! – восторгался Фурзякин. Он тоже сильно опьянел. Голова его покачивалась, а нос стал распухшим и красным. – Но почему ты не стал снова человеком? Разве удобно тебе быть чайным грибом?

– Не все так просто. Мое истинное перерождение должно было бы состояться еще только через сто лет. НО МНЕ НЕОБХОДИМО СЕЙЧАС ПРИСУТСТВОВАТЬ В МИРЕ! Ибо грядут события, послед-

ствия которых могут изменить все! – сказал он, посерьезнев.

– Какие события?

– Ты обо всем узнаешь в свое время. Судьба соединила нас, и теперь тебе суждено стать моим проводником и помощником. Готов ли ты послужить свету?

– Готов, – пламенно ответил Фурзякин.

– Я знал, что ты чист душой. Знай – твое имя останется в веках и судьба твоя будет не напрасной.

– Я всегда мечтал сделать что-нибудь великое, – признался Гиндесбург, горестно вздохнув, – но как тут развернешься? – он огляделся по сторонам.

Крохотная кухонька, с пожелтевшими обоями и старой, облупившейся местами мебелью, производила впечатление тяжкое. На подоконнике тоскливо вяли заброшенные хозяйкой фикусы. Нездорово гудел маленький старый холодильник. В углу у помойного ведра на пыльной паутине покачивался жирный паук.

– Горизонты необъятны, а стены не есть препятствие. Лишь твой разум ставит преграды, но, в сущности, нет ничего недостижимого и ты, как и всякий, кто служит свету, способен и достоин великой судьбы!

– Спасибо! – с чувством ответил Фурзякин, блеснув слезой.

– Наливай, – ответил гриб, подталкивая рюмку поближе.

Выпив, приятели закусили. Фурзякин звучно проглотил сплюснутый маринованный помидор. Гриб блаженно всосал свою рафинадину.

– Завтра мы отправимся в подвал соседнего дома, – заявил гриб.

– Зачем?

– Ты все поймешь, когда увидишь своими глазами, – гриб качнулся и чуть не соскользнул с края стола, но Фурзякин успел его поймать.

– Спасибо! – поблагодарил тот, икнув. – Вообще-то перемещаться по городу мне будет проблематично, задумался он, – поэтому надеюсь меня вместо кепки.

– Но... Это как-то...

– Ну не в банке же тебе меня носить? И потом так мне будет комфортнее.

– Понял, – согласился Фурзякин.

– И еще, – предупредил деловито гриб. – Ты должен делать все, что я тебе говорю. Ты должен верить мне, даже если мои указания покажутся тебе странными. Понятно? Все-таки я как-никак – император!

Фурзякин покорно кивнул. Они выпили еще на сон грядущий, и Гиндесбург, уложив гриб в новую банку, отправился спать. Бездыханную супругу он оттащил на тахту, а сам улегся в кровать, раскинувшись на ней свободно, как беззаботный оболдуй на цветочной поляне.

Но хотя и выпил он довольно много, сон все никак не шел. В голове вертелись странные мыс-

ли о мире и перерождении человеческой души и грибах. За окном горела прожектором полная луна. Призрачные облака в медленном движении обрамляли ее, зыбкие, как утренняя дымка. На подоконнике сидел, свернувшись холмом, кот.

«Странное дело, – думал Гиндесбург, – гриб рос у меня почти год. Почему же он раньше молчал? И вообще чудеса это, честное слово. Гриб – и вдруг император! Однако вписаться в историю, стать личностью, которую запомнят в веках... Эта игра стоит свеч!»

С этой приятной мыслью Гиндесбург мягко провалился в сон, и его унесло на волнах фантазий в мир грез, словно щепку в океан.

Утром Фурзякин по приказу гриба сходил в магазин и купил сорок упаковок черного индийского чая и десять килограммов сахарного песка. Все это они взяли собой. По дороге к подвалу соседнего дома Фурзякин встретил знакомого. Это был его приятель Гриша Шишковец. Гриша слыл во дворе фигурой любознательной, а потому сразу же его взгляд упал на странный головной убор Гиндесбурга.

– Промокла кепка, – пояснил Фурзякин, стараясь как можно быстрее ретироваться. Взгляд приятеля так и вперился в гриб, лежащий бесформенной мокрой плесенью на его макушке.

– Да? – удивился Гриша и, запрокинув вверх нос, взглянул в чистейшие, без единого облачка небеса.

– Дурак какой-то окатил из окна, – наврал Фурзякин.

Приятель оценивающе приблизился носом к кепке.

– Кисленьким пахнет, – сказал он воодушевленно.

– Мне идти нужно, – скривился в вынужденной улыбке Гиндесбург.

– Иди. Только кепку свою выбрось. Какая-то она неправильная у тебя...

Фурзякин стусевался, не зная, что и сказать.

– А она знаешь, на что похожа... да нет, постой. Это же так и есть, – глаза Шишковца округлились, – это же...

Но договорить он не успел. Фурзякин, сам того не понимая, как это произошло, схватил Гришу за горло и принялся душить. Делал он это против своей воли и сам ужасался тому, что видел. А видел он задыхающегося приятеля, жадно пытающегося схватить распахнутым ртом воздух. Вдруг Гиндесбург почувствовал какое-то движение на голове и увидел, как с его макушки, отделившись от гриба, слетела тонкая кожистая пленка. Она надела на лицо Шишковца, точно облепив его контуры, и спустя долю секунды всосалась в его сипящий рот. Как только это произошло, Шишковец замер,

прекратив попытки освободиться, зрачки его расширились, и он отчетливо, голосом совершенно невозможным для человека, произнес:

– Отпусти.

Гиндесбург понял вдруг, что вновь обрел над собой контроль и разжал пальцы.

– Теперь это наш человек, – сказал Шишковец.

– Кто? – не понял Фурзякин.

– Он, – ответил Шишковец, указав пальцем себе в лоб, – я отдал часть своей мантии и теперь могу манипулировать его сознанием.

Фурзякина прошиб пот. Это было так чудовищно. Перед ним стоял все тот же Шишковец. Но было понятно, что это уже не он. И человеческого в нем теперь было мало. Глаза остекленели. В теле чувствовалась мрачная мраморная неподвижность. Движения стали механическими и неестественными, словно у куклы в руках кукловода.

– Боже! Зачем ты так с ним?

– Он мог помешать нам, – назидательно ответил гриб ртом Шишковца. – Пойдем.

И, развернувшись, Шишковец зашагал деревянной походкой к подвалу соседнего дома. Фурзякин двинулся за ним. Войдя в подвал, они остановились в тускло освещенном, пропахшем сыростью и нечистотами помещении. Повсюду тянулись проржавевшие трубы, в которых журчала и булькала вода. Блестели зеленой краской круглые штурвалы кранов. А на полу, тут и там, валялся всякий хлам. Шишковец-гриб осмотрелся и, уставившись в даль подвала, указал пальцем в пыльное пространство.

– Нам туда, – сказал он голосом без какой бы то ни было эмоции; так мог бы говорить дуб или чугунный фонарный столб.

У Фурзякина от этого голоса онемели конечности, ему стало страшно. Он представил вдруг, что и с ним может случиться такое же, что гриб так же овладеет и им. Импульсивно он потянулся рукой к голове, желая сорвать с макушки гриб, но тут услышал.

– Ты что? У тебя возникли сомнения? – это вещал уже не Шишковец, а сам гриб, облепивший его череп. При этом рука Фурзякина замерла в воздухе сама собой, и он понял, что уже не владеет своим телом.

– Вчера ты клялся мне в верности, а сейчас испугался такой ерунды? – продолжал наглый гриб. – Да, конечно, я мог бы сделать куклу и из тебя. Но, заметь, я этого не сделал! Ты мой друг! Сопратник, компаньон. Ты должен доверять мне и за это получишь награду такую, какой никто тебе не предложит.

– Прости, – дрожащим голосом проблеял Гиндесбург.

Тут к нему повернулся Шишковец.

– Я тебя прощаю. Но учти, если ты будешь пытаться помешать мне – а это с твоей стороны будет

ничем иным, как предательством и откровенной изменой, – я сначала сделаю тебе очень, очень больно, а потом завладею так же, как и им, – и снова Шишковец ткнул себя в висок скрюченным каменным пальцем.

– Я все понял, – задрожал Фурзякин. – Я больше никогда. Поверь, никогда не усомнюсь.

– Вот и хорошо, – кивнул кукольной головой Шишковец, – следуй за мной. И не забудь сумку.

Фурзякин поднял с пола сумку с чаем и сахаром, что сама собой выпала из его рук от испуга, и двинулся по коридору вслед за своим провожатым. В центре подвала Шишковец-гриб остановился возле помещения с табличкой «ЦК – не входить!».

– Что это? – спросил Фурзякин.

– Центральный коллектор, – пояснил гриб, – отсюда идет распределение воды по всему вашему району.

– Откуда ты знаешь? – удивился Гиндесбург.

– О, я знаю много чего, – хихикнул гриб на его макушке, склизко хлюпнув. – Вышибай дверь! – приказал он.

И в этот же миг Шишковец отпрянув метра на два от двери, со всего маху ударился в нее всем телом. Выглядело это жутко. Казалось, тряпичную куклу с ненавистью швырнули о стену. Дверь с грохотом провалилась в комнату, и Шишковец упал вслед за ней. Из уха у него потекла тонкая струйка крови. Фурзякин испуганно вскрикнул, но тут увидел, что Шишковец поднимается. Лицо его также оказалось разбитым, а нос сломанным. Выглядел он точно зомби из кинофильма. Одна рука его неестественно вывернулась и болталась теперь, словно оборванный шланг.

– Иди за мной, – сказал он, и изо рта у него вылетел выбитый окровавленный зуб.

«Господи, – подумал Фурзякин, – это сон. Жуткий сон!»

Однако тут же он подчинился и последовал за страшным искалеченным приятелем. Они подошли к огромному металлическому баку, высотой около двух метров, стоявшему в центре помещения. Сверху бак закрывала объемная крышка с кольцом вентиля, похожая на люк подводной лодки, и к крышке этой вела решетчатая металлическая лестница.

– Тебе придется открыть, – пояснил гриб. – Это чучело руку сломало, похоже. Лезь!

– Но зачем? – непонимающе спросил Гиндесбург.

– Сейчас узнаешь.

Забравшись наверх, Фурзякин с большим трудом открыл вентиль и, откинув крышку, увидел, что бак полон воды.

– Сыпь сюда всю заварку и сахар, – приказал гриб.

Гиндесбург подчинился. Когда работа была сделана, он по приказу гриба размешал черенком

старой швабры воду и, наклонившись над баком, почувствовал, как с его головы посыпались тонкие лепестки мантии гриба. Его вдруг поразило открытие коварного плана.

– Все верно, – будто прочитав его мысли, сообщил склизкий император. – Сейчас я размножу свои споры и попаду в каждый водопроводный кран. Таким образом, мы расширим наше влияние многократно. Ну а дальше – дальше действовать нам станет намного легче.

* * *

Вечером этого дня в городе наблюдалась странная и дикая картина. Почти все окна в домах горели электрическим светом. По пустынным улицам то и дело с криками ужаса проносились редкие граждане. По городу распространился кислый, тошнотворный запах, какой часто встречается в вокзальных сортирах.

Гиндесбург сидел на кухне и угрюмо пил водку. В комнате, погруженная в кому, лежала его жена. Гриб же, присосавшись к оконному стеклу, торжествующе наблюдал за окнами соседних домов. Фурзякин видел, как то и дело в этих окнах появлялись человеческие силуэты и рапортовали грибу жестом, похожим на нацистское приветствие. Он отвечал лишь слабой вибрацией тела, от которой противно и уныло скрежетало оконное стекло.

«Боже, во что я влип?» – с ужасом думал Гиндесбург, напиваясь.

На миг в его голове возникла мысль кинуться к грибу и располосовать того ножом. Он покраснел, покрывшись испариной, и украдкой взглянул на кухонный нож, лежавший возле блюда с закуской.

– Вот что, – сказал вдруг гриб, – когда первая фаза будет закончена, – я посвящу тебя в дальнейшие планы и в самую суть того, что ты сейчас наблюдаешь. Понимаю, это может казаться тебе бесчеловечным и неправильным, но, уверяю тебя, друг мой, ты ошибаешься!

Гриб ловко соскользнул со стекла на подоконник и проворно перелез с него на стол.

– Истинно великие вещи у непосвященного могут вызвать ужас и животный страх. Поэтому я беру своим долгом посвятить тебя во все, но только после того, как ты будешь к этому готов.

Гиндесбург послушно кивнул и слабо улыбнулся. Он понял, что ничего уже не в силах изменить...

* * *

– Подлей мне сладенького чайку, – донеслось из ванной, когда Фурзякин кропотливо мыл на кухне посуду.

– Сейчас, – ответил он.

Наполнив кастрюлю остывшим переслащенным чаем, он медленно понес ее в ванную комнату. Тапки, предательски шлепая, прилипали к залитому сладким чаем линолеуму.

– Поскорей! Что ты там еле волочишься? – недовольно гаркнул гриб.

– Иду, иду, – и Гиндесбург ускорил шаг.

Гриб, разросшийся до размеров огромного пляжного зонтика, возлегал в чаше ванны. Возле него стоял телефонный аппарат, весь в слизи и луже мутновато-коричневой жижи. То и дело кто-то звонил грибу, и тот, голосом властным и спокойным, отдавал распоряжения:

– Владикавказ? Даю вам еще три дня. Все, и слушать не буду. Выполняйте! Да? Чартерным рейсом... И Сидней. Ах, уже? Отлично... Поставки чая из Китайской долины Чжу... Да можно и индийский.. Как пропал вагон? Десять тонн сахара? Уничтожу!..

Фурзякин нерешительно встал в проеме двери, боясь прервать бранные диалоги своего повелителя. Гриб, заметив Гиндесбурга, вяло кивнул ему, позволяя войти. Фурзякин аккуратно вылил в ванную содержимое кастрюли. Гриб блаженно заурчал. Мантия его завибрировала, и из-под нее вырвались громадные зловонные пузыри. Фурзякин инстинктивно задержал дыхание. Глаза его заслезились.

– Ты вот что, – сказал гриб, – принеси-ка мне сюда телевизор. Сегодня в новостях будет кое-что интересненькое, – и он гулко булькнул, что означало крайнюю степень блаженства.

– Хорошо, – ответил Фурзякин тихо.

За прошедший месяц гриб не только вырос в размерах, он научился самостоятельно передвигаться по квартире. Тело его стало походить на человеческий силуэт, как если бы кто-то здоровенный, словно медведь, вставший на задние лапы, ходил бы в приросшем к его телу навеки мокром дождевике. У него выросли глаза, точно как у кальмара, и даже обозначились черты лица, настолько жуткие, что Фурзякину порою казалось, будто он смотрит на человека, изуродованного серной кислотой.

Однако гриб был очень доволен своей новой внешностью. Часто он любил задерживаться возле зеркала и подолгу смотреть на себя. При этом он оживленно декламировал речи, словно стоял на трибуне перед толпой, и Гиндесбург с ужасом находил в нем сходство с одним диктатором, уже пытавшимся более полувека назад покорить весь мир. Самое жуткое было то, что грибу это удавалось куда быстрее и проще. Фурзякин знал, что его споры распространены теперь по всем континентам. Что на всем свете не осталось ни одного крупного города, где бы ни было его омерзительных отпрысков, захвативших людей.

И все это произошло молниеносно. Казалось бы – огромная планета, тысячи городов, миллионы людей, технологии, позволяющие человеку почувствовать себя венцом творения, спутниковые

коммуникации, интернет, космические корабли, невероятные научные открытия, военнотехническая мощь высокоразвитых стран – и все это в одночасье попало в лапы немыслимой субстанции без каких-либо громадных усилий. Человечество ожидало всего, чего угодно – нашествия инопланетян, ядерной войны, смертельных вирусов, а его в один миг захватил какой-то паршивый чайный гриб, выросший в его, Фурзякина, квартире, в обыкновенной трехлитровой банке.

От этой мысли Гиндесбургу становилось невыносимо. Он хотел выброситься из окна, облить себя бензином и поджечь, отравиться, наконец. Но он понимал, что это ничего не изменит. Он должен был что-то предпринять. Ведь он был самым приближенным к грибу человеком. Но что?

* * *

Вечером в телевизионном выпуске новостей на главном федеральном канале известный ведущий Вениамин Шлознер, обращаясь с экрана лично к грибу, отрапортовал, что на данный момент в мире 89 процентов населения имеют в себе чип-спору великого императора и совсем скоро эта цифра приблизится к отметке сто процентов, а, следовательно, и к абсолютной победе.

Однако, заявил Шлознер, в некоторых странах, в том числе и в России, оказались малочисленные группировки людей, не зараженных чип-спорами. Произошло это из-за генной мутации в ряде поколений данной ветви особей.

На эту информацию гриб отреагировал бурным выплеском зловония, от которого Гиндесбург чуть не потерял сознание. Тут же набрав на телефоне какой-то загадочный номер, гриб отдал приказ уничтожить всех, кого невозможно подчинить его воле. И тут Гиндесбург понял, что вот оно – началось.

До этого, насколько он знал, захват планеты обошелся малой кровью. Число погибших было столь незначительным, что это вполне вписывалось в обычную криминальную статистику убийств. А ведь с тех пор, как гриб начал распространять свои споры, криминальные волны полностью схлынули. И это Гиндесбург признавал, убеждая себя порой, что действия гриба гуманны и ведут человечество к светлому будущему. Но в тот же миг он понимал, что это не так. Гриб просто превращал людей в послушных роботов, в зомби без собственной воли и чувств. Человеку свойственно насилие как одна из ключевых особенностей эволюционного развития вида. Но теперь, понял Фурзякин, начнется настоящий геноцид. Тех, кто не угоден, кто не поддается зомбированию, просто уничтожат. И это было ужасно.

– Гиндесбург, – сказал вдруг гриб торжественно, – настало время посвятить тебя в мой план.

Он близок к завершению. Нам осталось только провести зачистку. Но я уверен, победа уже за нами! – Он странно посмотрел в глаза Фурзякину: – Ведь так?

– Да, да, конечно, – встревоженно ответил тот и посмотрел на своего повелителя.

– Хорошо. Я рад, что в этот звездный час ты со мной, мой верный друг и соратник. Так вот, я расскажу тебе одну историю. Когда-то давно на земле родился один человек, не похожий на других людей. Отличался он тем, что был мудр и справедлив и вместе с тем бескорыстен и честен. Он был беден и не мог одарить таких же, как он, теплом и едой, но слова его заставляли многих забыть, что они голодны, что одежды их рваны и потрепанны, что мысли и чувства их темны и жалки. Он возводил истину превыше всех человеческих благ и говорил о том, что все равны и никто не черен в душе своей, как ночь, а подобен свету солнца, но у некоторых свет этот потускнел из-за невежества и мрака душ таких же потерянных людей вокруг. И что главное зло этого мира – равнодушие и страх. Ты, верно, слышал о нем так или иначе. Все древние книги говорили о его присутствии на земле, но каждая по-своему.

– Да, – кивнул удивленный Фурзякин, – я понимаю, о ком ты.

– Так вот, – сказал гриб печально, – это все ложь!

– Как?

– Ложь не в том, что его не было на земле, а в том, что каждый человек светел. Это совсем не так. Разве не замечал ты сам, как порой жестоки, к примеру, дети? С каким удовольствием и радостью совершают они дурные поступки, унижают ближних своих и не уважают родителей? А ведь дети только прибыли в этот мир, но души их уже темны. Не у всех, конечно, и все же. И разве не видел ты убийц и воров, для которых не существует ничего святого на этой земле? Где же их свет? Его нет! А нет его потому, что свет этот на самом деле лишь та часть энергии так называемого Большого Взрыва, из которой и состоит все в этой Вселенной. Атомы изначальной энергии. Фотоны. Но что есть сам по себе один фотон? Один атом? Один квант? Ничто! Они становятся материальны лишь в совокупности. Превращаясь в молекулы, затем в вещество, из вещества – в организмы. Так же формируются планеты и звезды. И венец всему – черные дыры! А что такое черные дыры? Это сжатые в критически малый объем солнца с массой, большей, чем наше Солнце, они настолько мощны, настолько велика их масса, что даже фотоны не могут вырваться из их гравитации. И все больше и больше втягивают они в себя все вокруг. Создавая воронку. А что есть эта воронка? – пузырясь, провозгласил гриб.

– Что? – распахнул глаза Фурзякин.

– Галактика! В центре каждой галактики пульсирует черная дыра. А сколько всего галактик в

нашей Вселенной? Миллиарды! Миллиарды галактик. И все это произошло из крохотной точки пространства, размером меньшей, чем атом, но массой большей, чем все вещество всей Вселенной. Ты понял, к чему я веду?

– Нет, – честно признался Гиндесбург.

Гриб приподнялся из чайного сиропа, и по телу его пробежали едва видимые струйки электрических разрядов.

– Я хочу стать той самой точкой пространства, из которой родилась вся жизнь!

– Я не понимаю – как? Как это возможно?!

– Видишь ли, как ни странно, но в нашей Вселенной из миллиардов миров, из сотен миллионов вариантов лишь одна планета дала разумную жизнь. И как бы ни заблуждались ученые, как бы ни надеялись они найти еще кого-то разумного во Вселенной, попытки их обречены. Никого, кроме нас, тут нет. И это не случайно! Ведь сознание – это самый высший и самый парадоксальный вид энергии. Сознание настолько всеобъемлюще, что в нем может сконцентрироваться все, что только можно вообразить. Когда я подключу к себе сознания всех людей на планете, я стану центром всей энергии, самым мощным и массивным гравитационным объектом Вселенной. Самой массивной черной дырой!

– И что же случится?

– Вселенная схлопнется в единую точку. В меня!

– Но зачем?

– Затем, чтобы я создал новую Вселенную!

– Но.. но ведь Вселенная уже существует. Зачем нужна новая?

– А разве эта Вселенная хороша? Разве жизнь и люди в ней добры и справедливы?

– Не все, согласен, но нельзя же всех вот так убивать? – изумился Гиндесбург.

– Я никого не убиваю, – рассудительно ответил гриб, – это трансформация. Смотри. Те люди, что настолько втянули в себя свой свет и стали черны, как черные дыры космоса, чья гравитация настолько велика, что и свет не может вырваться из этого мрака, все те, кого ты называешь злом, могут опередить меня, и тогда родится другая Вселенная, еще более черная и ужасная, чем эта. Ведь зло – это только понятие, категория разума. Никто не делает осознанного зла, просто в его субъективном понимании то, что он творит, является благом, ибо он настолько сконцентрирован на себе, что все общественные категории добра и света тесно связаны в нем с собственным эго. А эго требует одного – поглощения. Но таких людей много, и каждый из них все-таки слишком мал и слаб, чтобы вобрать в себя весь свет, всю энергию. Поэтому неудовлетворенное эго способно лишь причинять боль другим, пытаться насытить себя.

Я же сконцентрирую все в одной точке и создам из нее идеальный мир. Идеальную Вселенную Счастья.

– Все это как-то запутанно и сложно, – сказал изумленный Фурзякин. – Как можно сделать счастливыми людей, уничтожив их?

– Это не уничтожение, но – трансформация. И потом... Ну, к примеру, чего хотел ты от жизни? К чему ты стремился? Какова твоя цель?

– Ну, я не знаю, – опешил Фурзякин. – Жить достойно, семья, дети... Домик за городом, машина, пара квартир в центре, и чтобы войны не было.

– Все это мелко и глупо. Ты потому еще и излучаешь свет, что гравитация твоя слаба. Свет должен быть в тебе. Внутри. Вот высшее состояние материи! Но я и не ждал, что ты поймешь меня сразу. Для простого человека это алогично. Ведь ты мыслишь категориями добра и зла, не осознавая, что категории эти есть одно и то же в своей сути. Это просто два демона, вымышленные тобой, две половинки сознания, ведущие бессмысленную войну ради лишь одной цели – заполнить пустоту событиями и смыслом.

– Возможно, это и так. Но мне все равно не понятно, как можно сделать счастливыми всех людей, поглотив их души насильственно?

– Только так и можно сделать их счастливыми, – ответил гриб, – ведь у каждого человека своя правда. Те, что еще излучают свет, – глупцы, а те, что этот свет научились поглощать, – дилетанты, ибо не знают, что такое есть высшее счастье!

– И что же это?

– Высшее счастье – это непрерывность бесконечности эго в окружении миров непрерывности бесконечных эго, где каждый, в свою очередь, счастлив осознанием бесконечности непрерывности эго всего вокруг!

Глаза у Гиндесбурга округлились. Он молча вышел из ванной и медленно прошествовал в комнату. Жена его, погруженная грибом в летаргический сон, лежала неподвижной массой на кровати в углу. В темноте мерцал экран телевизора, и что-то вяло рассказывал диктор новостей. Но Фурзякин его не слышал. В голове его вертелись галактикой мысли, сталкиваясь и разбиваясь друг о друга, рождая новые, не похожие на предыдущие.

«Если все это правда, – думал он, – то ничто не значимо в этой жизни, все мои, да что там мои, все цели человечества пусты. Они и так пусты, ведь известно, что мир не вечен, мы смертны, и дети наши смертны, и планета, и солнце, да что там солнце – сама галактика, все поглотят черные дыры, или она остынет и, в конце концов, улетучится в небытие, как зола погасшего костра. Но ведь материя и энергия вечны? И огонь сгоревшего костра, по сути, ве-

щества, перешедшего в энергию, лишь трансформировался, раздал свои фотоны и тепло другим, то есть продолжил жить и не исчез. А может, так все и надо? И гриб прав? Сотни цивилизаций на этой земле занимались, в конечном счете, лишь тем, что уничтожали друг друга! А ради чего? Ради власти и превосходства своих идей и религий. Но что есть религия? И есть ли вообще Бог? Справедливый и мудрый? Нет, конечно, его нет! Ведь он должен быть справедлив и мудр – априори. Но если это так и, предположим, что Бог все же есть, то выходит, что истина именно во зле. Лишь тираны и негодяи блаженствуют на этой планете. Лишь те, кто врет и манипулирует массами. Негодяи жируют в то время, как честные, порядочные люди влачат жалкое существование. Впрочем, какого черта! Ведь все равно все сотрет время, и ничего не останется – ни зла, ни добра, ни песчинки от этого мира! Так есть ли смысл в добре или зле? Но, погодите-ка, что, если он преступник? Лжец и мутант, выродившийся из плесени чая в новый организм, заморочивший мне голову дурацкими мыслями? Что, если все, что он говорил, – чушь? Бред и бессмыслица! И цель его поработить нас, всех людей. Сделать своими куклами. Он и есть тот самый могущественный тиран всех времен? Что, если бог светел и правы те, кто верит в высшую справедливость. Жизнь бесконечна, и душа бессмертна. И человек... Но ведь... Материя? Разум... Атомы... Все состоит из микрочастиц, одних и тех же. Так? А они, частицы, в свою очередь – из чего? В одной песчинке более миллиарда атомов... Но и атом делим. Что там в нем? Кванты и кварки? А они? Зачем? Где... Но я? Я же сам не вечен. И зачем мне вечность? Быть в вечности Гиндесбургом Фурзякиным? На кой черт! Или быть во Вселенной гриба вечно счастливым в своем эго. Зачем? Кому это нужно – мне? А я кто? Зачем я все это думаю, надо пойти и сжечь его, разбудить жену, и все станет, как прежде. Жена... Но жена! Вот ведь... Да я сам же хотел ее отравить! Эту жирную тварь! Дура. Пусть лучше спит. Нет, нет! Все не то. Надо соглашаться. Гриб прав! Абсолютно прав. Я буду править вместе с ним. Мы сделаем всех счастливыми. Весь мир в моих руках. Какая, к черту, жена! Я могу выбрать любую с таким покровителем! Фотомодель длинноногую, ах, из той рекламы! В новой Вселенной мы построим идеальное общество. Кластеры и буйки! Никто не заплывет выше дозволенного. Сделаю свои месяца года. К черту, к примеру, зиму. У меня всегда будет лето. Июнабрь, Февраль, Декагуст! Буду лежать на берегу океана, и чтоб светило два солнца – одно, как это, а второе хризантемовое, и ... Атомы чтоб все по порядку! Сказал: раз! И построились мне, как надо. А то, понимаешь, как хотят. Математи-

ку – к черту. Буду волшебником, и летать чтоб можно было, как захочу! А захочу на другую планету – в один миг, или буду великим ученым, открою суть мироздания. И тапки чтоб разбрасывать, где хочу, и носки! Можно будет пароходы на инфузориевой тяге, или, скажем, арбуз, а внутри помидорчик и колбаска с хлебом! Вот... А террористов всех на каторгу сразу. Нечего мне тут воевать! И этого, суку, в пиджаке – прям в тюрьму! А то сел в телевизоре: Я – царь, царь! Мы таких царей в сибирские избы! Да мы горы свернем. Теслу оживлю, построит везде свои башни, чтоб не хапали нефть, говнососы! И, вообще, посреди планеты построю себе пирамиду, как ступень в вечность!..»

Долго и непрерывно Гиндесбург бормотал себе под нос планы великого и светлого будущего. Вдруг в дверь квартиры позвонили. Послышался двойной щелчок открываемого замка. В комнату вошли. Зажегся свет, и несколько мутных белесых силуэтов встали напротив Гиндесбурга. Но он, погруженный в свои мысли, просто закрыл глаза.

– Рассказывайте, что с ним?

– Да вот уже второй день бормочет себе в нос белиберду всякую, – ответила Ларочка, встав над мужем в позе атакующего борца сумо. В одной руке у нее была зажата мокрая грязная тряпка, которой она только что мыла пол.

Два санитары, стоявшие позади доктора, устало переглянулись. Доктор же задумчиво поправил очки.

– На внешние раздражители не реагирует, надо полагать?

– Хоть бы что ему, черту проклятому, – с ненавистью ответила жена Фурзякина, – сидит, кобелюка, и бубнит. И ночью бубнит, и днем. Житья от него нет. У-у, тварь! – и она угрожающе замахнулась на мужа тряпкой.

– Ну-ну, будет вам, успокойтесь. Вы не припомните, как это началось?

Ларочка, сместив в задумчивости брови к переносице, ответила:

– Да вот пришел в понедельник с работы, жрать ему дала, собаке, все проглотил, чертяра, и гриба своего напился, как обычно. Сел – и понеслась галиматья, думала, очухается, свинорожа, а он все сидит да бормочет, и глаза стеклянные, как у рыбы мороженой!

– Так, так, интересно, а позвольте, какого гриба? Этого самого, разрешите.. – доктор приблизился к банке с чайным грибом, что стояла возле Фурзякина на столе.

– Его, собаку, дрянь эту, болотную, пьет вечно. Полезно, говорит, – изобразила она издевательски интонацию мужа. – Идиотина! Сколько раз велела: вылей в унитаз жижу поганую свою. А он граблями-то машет, кудахчет, петушья жопа – печень очищает! Что там ему очищать-то? Гнилуха!

Пистон стреляный! Тьфу! – и плюнула на вымытый ей же самой пол.

– Так-с, ну гриб-то давно испорченный у вас. Плесень, видите, пошла, – доктор указал на небольшие островки зеленоватой плесени на поверхности гриба. – Очень опасное, знаете ли, дело!

– Да и я ему сколько раз! Кто ж дрянью-то такой печень чистит? А ему хоть что. Хоть чеши, хоть пляши! Мозги ж все стухли давно! Вы посмотрите на эту рожу! – возмутилась жена.

Фурзякин сидел на диване с лицом человека, только что узнавшего, что его дальний, забытый давно родственник только что скончался, оставив в ему в наследство десять миллиардов долларов. Но тут же оно сменилось выражением угрюмой горечи и печали, а еще через секунду стыдом и позором. Метаморфозы происходили молниеносно.

– Ну что ж, придется забирать. Галлюциаторное помешательство на почве отравления. Возможно, лизергиновая кислота.

– А? – не поняла жена.

– Амбулаторное лечение сразу исключаем. В стационар его, ребятки. А гриб этот от греха и в самом деле слейте в канализацию.

Санитары подхватили Гиндесбурга под руки и без сопротивления повели к двери. Доктор, распрощавшись с женой несчастного, оставил контактный телефон и удалился, и Ларочка первым делом с чувством душевного спокойствия и внутренней победы над каким-то, как ей казалось, мировым злом надменно со шлепком вылила чайный гриб в унитаз.

* * *

Где-то в районе малой речки из сточной трубы ранним летним утром выплыл темно-коричневый объект. Блестя на солнце глянцевой кожицей, он поплыл, влекомый слабым течением, в направлении поселка Касранцы. Мальчик Иван в это время удил с дедушкой рыбу на берегу.

– Дед, дед, смотри! – закричал пацан. – Чего это за рыба такая?

– Где?

– Вон, смотри, какая странная, как скат, прям.

– Да откуда ж здесь скаты?

– Гляди, дед, смотрит прям на нас! – завизжал счастливый малец, пытаясь достать рыбину концом удочки.

– Ишь ты! И впрямь... Эх, всю страну загадили, демократы сраные! – и дед с ненавистью плюнул в мутную воду.

Диковинная рыбина приостановилась, моргнула два раза и, испустив из странного своего тела рыжеватые пузыри, ушла под воду...

Владимир КОЛОСОВ
 Фото Павла ГОРБУНОВА

Аран Джучи-хана

*«Нет памяти о прежнем;
 да и о том, что будет, не останется
 в памяти у тех, которые будут после».*
 (Экклезиаст, 1:11)

Моим землякам – народам Казахстана...

Араны известны уже 30 лет. Они открыты при аэрофотосъемке Арало-Каспийского междуморья на плато Устюрт. Исторические события и социальные потрясения конца XX века предали забвению эти факты на долгие годы. Сейчас мало кто помнит об этом открытии, лишь узкому кругу специалистов

известно об их существовании, мало кто знает само слово «аран», а тем более его смысл, его значение. Во всяком случае, в научно-популярной литературе, кроме сообщений в журнале «Вокруг света» (№3, 1982; №6-7, 1990), нам об этом читать не приходилось.

Владимир Иванович Колосов закончил Томский Государственный Университет по специальности «зоолог». Профессия: военный зоолог, противочумник. В настоящее время майор в отставке. Его первая статья – об уральских казаках-раскольниках – опубликована в «Уральском следопыте» в 1994 г.

Араны по своей таинственности, грандиозности, масштабности могут соперничать с известными рисунками в пустыне Наска в Перу. Это свидетели какой-то хозяйственной деятельности неизвестного народа. Загадочные и прекрасные сооружения древности поражают своими размерами (до 800 м между стреловидными концами) и количеством (на Устюрте я нашел их более 120!) и ставят перед учеными вопросы: какой народ, когда и с какой целью построил их? Вопросы эти до сих пор не имеют ясного ответа.

ЗАЧЕМ?

Археологи почти единодушны во мнении, что это ловушки для массовых загонных охот. Но в пе-

реводе с древнетюркского «аран» означает «скотный двор», «конюшня» (Э.М.Мурзаев. Словарь народно-географических терминов. М., «Мысль», 1984.). Так что есть место для дискуссий.

Для постройки этих загонов было необходимо участие большой массы сплоченных и организованных людей, четкая организация труда – ведь все они выстроены как по шаблону: нам известны только две их разновидности. Строительство заняло много времени; возможно, несколько поколений на огромных пространствах возвели из плит ракушечника и рвов цепочки аранов в несколько полос (см. схему). Полоса из 80 аранов двумя плотными заставами от мыса Дуана, от западного берега Аральского моря, проходит к огромному солончаку

Асмантай-Матай, далее по северному берегу этого солончака охватывает его подковой с запада. Вторая полоса аранов в 30 штук проходит по северным чинкам плато Устюрт. Южная группа составлена из наиболее простых, возможно, самых древних аранов в виде черепахи.

Древние охотники – строители аранов – хорошо знали местность на многие сотни километров окрест, ее ландшафтные особенности, места обитания охотничьих животных (а нужно было добывать и мясо, и пушнину) и пути их миграций.

Возможно, что отдельные араны и их группы принадлежали отдельным родам, поэтому на плитках необходимо искать тамги родов, построивших их или владевших ими. Возможно, что в этом случае существовала древняя специализация: одни строили, а другие принимали араны в эксплуатацию.

Служили они долго, некоторые еще в древности были заброшены, разобраны, другие неоднократно восстанавливались и перестраивались, м.б. и до недавнего времени.

Упорство и трудолюбие, с которым древние насельники этих мест строили араны, заслуживают восхищения и уважения.

КОГДА?

Некоторые исследователи считают, что «строительство аранов начали кочевые племена еще в XIV-XII веках до нашей эры, т.е. в эпоху бронзы. Традиция строить араны просуществовала до XIX века» (Вокруг света. №6-7. 1990. А.Глазунов. Костры на Устюрте). Другие «ученые» пришли к выводу, что они были созданы в VII-

VIII веках нашей эры» (А.Сейдимбеков. Поющие купола. Алма-Ата, Жалын, 1985).

На наш взгляд, столь масштабное строительство могло произойти в длительную эпоху спокойной жизни, созидания и благоденствия. Поэтому утверждение, что араны строились вплоть до XIX века, мы считаем ошибочным. Когда идет война, не до строительства. Мужчины или убиты, или на войне, или в бегах, и некому собирать камни.

С началом эпохи великого переселения народов и вытеснения одних этносов другими начали приходить в забвение и араны. Великая засуха X века, бесконечные войны с XIII века, великая засуха XVI века принесли народам большие страдания. «И каждый раз степь пустела, а люди либо рассеивались, либо погибали» (Л.Н.Гумилев. Тысячелетие вокруг Каспия. Москва, АСТ, 2002). Численность добываемых здесь животных: сайгаков, куланов, муфлонов, джейранов, тарпанов уже не была столь высокой, и охота на аранах стала экономически нецелесообразна. А может, и некому было уже здесь охотиться? Была нарушена система владения аранами, поддержание аранов в рабочем состоянии, охрана, своевременный ремонт, обновление ориентиров. Араны пришли в запустение и были забыты до конца XX века.

КТО?

Кто же жил в этих местах, кому принадлежат эти уникальные памятники древности? На этот вопрос могут ответить только тщательные полевые исследования.

Достоверно известно, что с VI века до нашей эры эти степи занимали саки, которых во II веке до

нашей эры сменили сарматы. Во II веке нашей эры их выселили хунны, а в X веке нашей эры здесь проживали два народа: гузы и печенег. Все эти народы имели сходные формы бытия – они были кочевниками. Население было очень редким, и приписывать им создание аранов было бы проблематично.

К моменту создания карт Устюрта картографические отряды не зафиксировали здесь топонимов со словом «аран». Жившие здесь люди уже не знали этих сооружений, не помнили их назначения, они просто не видели их.

Так что вопрос пока не имеет ответа.

НОВЫЕ НАХОДКИ

С развитием космической съемки и появлением Интернета поиск древних сооружений на земной поверхности стал доступен широкой аудитории людей вдумчивых и неравнодушных. В книге А. Сейдимбекова «Поющие купола» указывается, что араны продолжают далеко в глубь Казахстана. И это действительно так: 550 км от крайнего арана на мысе Дуана, через Арал на восток, близ песков Арыскум в ноябре 2009 года нами найден прекрасно видимый аран. Его местоположение: 122,5 км; азимут географический – 3460 от города Кызыл-Орда; координаты: 45057'49? 59" с.ш.; 65010'16,32" в.д., близ восточного края ул. Каройсор. Ранее араны здесь не отмечались.

Перспективными местами для поисков аранов на территории Республики Казахстан следу-

ет считать обширные пространства Тургайского плато, Урало-Эмбенского междуречья, равнины Бетпак-Далы; предгорные равнины Каратау, Тянь-Шаня, Саур-Тарбагатай. Если араны будут найдены в этих местах, это значит, что когда-то они были обычным элементом хозяйственной деятельности тогдашних насельников Казахстана: либо охотничьими ловушками, либо загонами для скота. В литературе упоминается лишь топоним «Аранды» – урочище в Казалинском районе Кызыл-Ординской области от казахского аран «барьер» к афр. обладание – ды «барьерное (место)» в значении «труднопроходимое, непроходимое место» (Е. Койчубаев. Краткий толковый словарь топонимов Казахстана. Алма-Ата, «Наука», 1974.).

Так что есть место для поисков и находок.

АРАН ДЖУЧИ-ХАНА

Существует мнение, что охоты на аранах постепенно пошли на убыль в эпоху Золотой орды. Найденный нами аран находится в центре улуса Джучи-хана. Где-то поблизости, в горах Улы-тау, находилась его резиденция. Здесь он жил и охотился в последние годы. Здесь же, на р. Каракенгир, находится (согласно преданиям) его усыпальница, мавзолей с небесно-голубым куполом. Поблизости похоронены его жены, дочери и многие соратники.

Наиболее тонким и умным надо признать описание улуса Джучиева Аль-Омари: «В древности

это государство было страной кыпчаков, но когда им завладели татары, то кыпчаки сделались их подданными. Потом они смешались и породнились с кыпчаками, и земля одержала верх над природными и расовыми качествами их, и все они стали точно кыпчаки, как будто одного с ними рода» (Л.Н.Гумилев. Черная легенда. Друзья и недруги великой степи. Москва. Айрис Пресс. 2003).

Только безвременная смерть помешала Джучи-хану обосноваться в кипчакских землях. Так, Жузжани писал: «Когда Жошы увидел земли и воды, воздух кипчаков, он понял, что во всем мире нет лучше земель, прозрачной воды, чистого воздуха, как у кипчаков. Он настолько полюбил кипчаков, что обязался, оставшись на этой земле, спасти (освободить) этот народ от разорения; он сказал своим единомышленникам, что Чингисхан, видимо, сошел с ума, потому что разрушил столько земель, истребил столько народа, поэтому, когда выйдем на охоту, я его убью. Чагатай, почуяв эту мысль брата, доносит отцу, и отец повелел убить Жошы...» (Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой орды. Извлечения из персидских источников. М. -Л., 1941.).

Джучи, старший сын Чингисхана, был предательски убит во время охоты в 1227 году. Немного позднее в походе умер сам Чингисхан.

Монголы, как и все кочевники, очень любили охоту; особенно массовой и зрелищной была охота на аранах. В этой суматохе можно было совершить любое злодеяние и остаться ненаказанным. Найденная невдалеке группа из четырех

аранов была либо недостроенной, либо тщательно «стертой» с лица земли. От них остались лишь стреловидные концы. Все араны, обнаруженные в этом районе, тяготеют к северному берегу котловины Каройсор.

При недостатке камня сложности его добычи и доставки стены арана можно было соорудить из вкопанных в землю камышовых фашин. Подобные загоны мы встречали в нашу бытность близ реки Тургай. При первом же степном пожаре они исчезали до основания, в том смысле, что основание, т.е. следы вкапывания, оставались. Восстановить такой аран было довольно просто, если неподалеку есть озеро или река с камышовыми зарослями. В отсутствие пожаров камышовая стена могла простоять несколько лет. В веках она, конечно же, не сохранилась, кроме стреловидных концов, которые обустраивались более тщательно и основательно, ведь здесь происходила заключительная, ответственная и самая напряженная фаза охоты.

Тайна гибели Джучи хана сокрыта во мгле веков, но, может быть, этот аран стал последним ристалищем этого степного рыцаря, и мы слегка приоткрыли завесу этой тайны. Власть перешла к сыну Джучи Бату, и уже в 1229 году монгольские отряды появились на реке Яик, где и потерпели поражение от волжских болгар. Началась эпоха Батыева нашествия.

Так что здесь есть место для самых дерзновенных гипотез и поисков истины.

Найденный нами аран с указанными координатами мы назвали араном Джучи-хана.

Борис КАРТАШОВ

Возвращение в детство

*По несчастью или к счастью,
Истина проста –
Никогда не возвращайся
В прежние места.
Даже если пепелище
Выглядит вполне,
Не найти того, что ищем, –
Ни тебе, ни мне.
Путешествие в обратно
Я бы запретил.
И прошу тебя, как брата,
Душу не мути...*

Геннадий Шпаликов

Борис Карташов родился в семье репрессированных – «кулаков». Деды и бабушки были расстреляны. Родители высланы из Крыма на Северный Урал. Работали в Верхотурском и Серовском районах, в поселке лесозаготовителей «220-й квартал». Окончил лесотехнический техникум и факультет журналистики Высшей партийной школы. Работал в леспромхозах Урала и Западной Сибири, на строительстве газопроводов в Ханты-Мансийском автономном округе, корреспондентом районной газеты, директором типографии.

...Прошло более 30 лет. Разговоры о том, что обязательно надо побывать на «Двадцатом», между мной и сестрами ходили давно. Но, как это бывает в реальной жизни, всегда что-то мешало. Но права пословица: «Не было бы счастья, да несчастье помогло...». В конце июля 2004 года собрались в Андриановичах помянуть брата Николая, который скоропостижно скончался полгода назад (кстати, он очень хотел побывать на малой Родине, но не судьба...), сходили на кладбище, посидели за поминальным столом. И тут же решили – завтра едем на «Двадцатый».

Выехали рано утром в Серов, там заправили топливом свой «жигуленок» и двинулись в путь. Нам предстояло преодолеть 45 километров по асфальту до поселка Красноглинного (железнодорожная станция Сотрино), затем 15 километров по грунтовке до Первомайского и пять верст по лесной дороге, которая является единственной «артерией», связывающей поселок с «большой землей».

На душе беспокойно – как же, 31 год не был в поселке, хотя всегда интересовался судьбой его жителей. Периодически доходили слухи: бараки снесли, разбирают дома на дачи и перевозят в ДОК или Серов. Многие семьи уезжают в более перспективные места и т. д. И чем ближе мы подъезжали к месту назначения, тем больше волновались. Вот мелькнули знакомые с детства названия деревень – Морозково, Пospelково, Семеново, Магино... Впереди замаячило селение – Красноглинный (в народе просто ДОК, т. к. там был деревообрабатывающий комбинат). Навстречу нам проехала машина. Показалось, что в ней сидит кто-то из старых знакомых.

– Митька Бухорский, что ли? – обратился я к сестре. И тут же осекся: ведь столько лет прошло, как не обознаться.

В ДОКе поинтересовались, как проехать на Первомайский и есть ли дорога на «Двадцатый». Получив пояснения, окрыленные, ринулись дальше в путь навстречу детству. Перебивая друг друга, спорили о том, где мы едем, правильно ли. То узнавали, то не узнавали наши уральские ландшафты. Вот тут должна быть железная дорога – остановились. Выйдя из машины, долго искал ее или хотя бы щебеночную насыпь. С трудом нашел: все заросло молодыми деревцами (Позже узнал, что в далекие времена чубайсовской приватизации «новые русские» даже щебенку вывезли для своих нужд, не говоря о шпалах, рельсах и т. д.).

Дорога становилась все хуже и хуже. Но вот и Первомайский. Впервые по телу прошел озноб. Я совершенно не узнавал места, где провел детство. На Первомайске (так мы звали этот поселок) жила сестра, и я часто бывал у нее. Здесь находилась школа-десятилетка и головная контора Сотринского леспромхоза, так что он был самым цивилизованным из трех лесопунктов.

Варвара Пашкевич – героиня рассказа

Перед нами же были старые полуразрушенные дома, заброшенный клуб, контора леспромхоза. Решили еще раз (чтоб не ошибиться) поинтересоваться, в нужном ли направлении едем. Спросили женщину: «Дорога на Печеневку эта?» И услышали офигительный ответ: «На Печеневку не знаю, а на «Двадцатый» эта». Мы покатались со смеху. Ведь любой местный житель должен был знать, что это одно и то же. Последние пять километров, хотя была яма на яме, колдобина на колдобине, проехали быстро (спасибо засушливой погоде).

Первое, что увидели, – знаменитые горы опилок (отходы производства лесо- и шпалозаводов) на «Двадцатом». Правда, оказалось их не так уже много, как раньше. Проскочили до конца дороги, встретив на пути магазин и два двухквартирных дома. Остановились, потому что никак не могли сообразить – где мы. Вокруг все заросло травой, кое-где уже полуметровые сосенки, березки. Во дворе одного дома чистила картошку женщина. Вышли из машины.

– Послушайте, – обратился я к ней. Это – «Двадцатый»? Наша семья жила здесь лет тридцать назад...

– Валя, это же Валентина Вишницкая, я с ней в одном классе училась, – завопила за моей спиной сестра Галина.

Пошли охи, ахи, расспросы...

– Где дома, дороги, наконец, – поинтересовался я.

– Их вывезли отсюда, люди разъехались. Ведь лесопункт-то закрыли, – Валентина печально улыбается. – Вот только козловой кран для погрузки леса в вагоны МПС остался. Еще не растащили. Да полусгнившая водокачка, – добавила она.

– А где дом, в котором я жила? – подключается к разговору Алевтина, вторая моя сестра. – Никак не соображу.

– Вот, напротив, – показывает рукой Вишницкая. – Там сейчас мой брат Володя живет.

– Это Вовка что ли, где он? – я устремляюсь к дому.

Аля охает: в памяти добротный двухквартирный дом, а наяву покосившийся забор, истлевшее от старости крыльцо, скособоленная крыша.

– Мужик, ты меня узнаешь? – я буром пошел на вышедшего к нам пожилого мужчину, в котором сразу узнал 15-летнего пацана, с которым учился вместе в школе.

– Не-а, – Володя внимательно рассматривает нас. – Вроде бы... нет, не узнаю.

– Да Борька Карташов я! Узнал?

Вишницкий с недоверием еще раз оглядывает нас: – Здравствуйте, может, кофе зайдете выпить?

Мы наперебой расспрашиваем его о жизни поселка, о нашем родительском доме.

– Ну, ты даешь, – Володя смеется, – вон крыша видна.

Пристально смотрю в сторону, где одиноко стоят два домика. В одном я родился, в другом прожил свои первые 15 лет. Вокруг заросли кустарников, трава.

– Где же улицы, дороги? – недоумеваю.

– Исчезли, – Вовка от досады машет рукой, – исчезли вместе с домами, бараками, клубом, конторой, детскими садами, людьми. В начале 90-х приехал Васька Бобровников, он тогда был директором Сотринского ДОКа и леспромхоза. Сказал, что вывезет нас «в светлое будущее». Мол, нечего здесь прозябать на «Двадцатом». И вывез, все вывез, вплоть до рельс, шпал, даже щебенки. А люди: часть переехала в Серов, часть в ДОК, остались вот такие, как я, человек 60–70 пенсионеров. Доживаем свой век здесь, – в глазах рассказчика появился сухой блеск. – Кому мы нужны? Никому.

От монолога запершило в горле. В это время появилась еще одна жительница поселка. Узнали ее сразу. Варя Пашкевич была в школе своего рода знаменитость. Неумной энергии, участница во всех мальчишеских играх. Ее серьезно побаивались парни – могла и поколотить. Казалось, жизнь бьет у нее через край, выплескивая непосредственность, порядочность, честность.

Опять охи, вздохи, слова «а помнишь». Все это по пути к нашему дому. Я сразу узнал ворота и щеколду, которую мастерил вместе с отцом лет 45 назад. Боже мой, каким он стал! Некогда казавшийся мне огромным (да и действительно в нем

постоянно проживало до 10 человек) с большим, добротным хоздвором, сенокосными угодьями, где накашивали более двух тонн сена, двумя водоемами, баней – все это казалось сказкой. Передо мной стояло покосившееся набок строение с вросшим в землю крыльцом. Под ним был штаб. Мы, пацаны, прятали там «оружие»: деревянные пистолеты, гранаты, шашки, автоматы и т. д. Попытались войти, но ворота оказались закрыты изнутри. Пришлось перелезть через забор, как в старые добрые времена, когда поздно возвращался домой и уже все спали. В это время из соседнего дома (кстати, я родился-то в нем) к нам вышел пожилой мужчина с женщиной. И опять память меня не подвела – это были Иван и Светлана Шлык – наши дальние родственники.

– Ты куда лезешь? – строго спросил Иван.

– Я – домой, – съязвил в ответ.

– Это не твой дом.

– Нет, мой, – все это проходило в момент нашего сближения друг с другом.

– Борька, ты?! – мы обнялись.

– Да, вот что время с людьми делает, – Иван улыбается, – встретил бы, не узнал. А Шишко (ему отец продал дом) бросил все и уехал. Вот сейчас приглядываю. Баней, правда, пользуюсь.

Мы с волнением входим в отчий дом. Все знакомо до боли и... пугающе незнакомо. Вот здесь стоял умывальник, вот лаз в подвал, где хранили картошку, вот мамина комната, вот наша, мальчишечья: здесь стояли топчаны, на которых мы спали. Кухня: плита переделана, а стол тот же и лавки (стульев да табуреток трудно было купить в то время), на которые дети рассаживались на обед. Ба, шкаф – наш. В нем я прятался, играя в прятки с сестрой. Чувствую, как из глаз текут слезы, у сестер тоже.

Заходим в стайки. Все узнаю: в этом углу жили козы, дальше корова с теленком, наверху сеновал (сколько раз я прятался в нем, то от обиды на кого-нибудь, то просто помечтать).

Огород зарос сорняком. Видно, что много лет нет хозяйской руки. Ходим по траве, заглядываем в закоулки усадьбы, узнаем что-то, а что-то нет.

Возбужденные, идем к Ивану Шлыку: в дом, где родились Галина и я. Снова сердце захолонулось. В потолке вбитый крюк, на котором висела моя колыбель (так рассказывала мама). Осторожно осматриваемся. Кажется, каждый из нас хочет впитать все в себя и оставить в памяти каждый гвоздь, каждую трещинку в стене. Ведь отсюда начиналась наша жизнь.

Спонтанно собираем всякую снедь, что захватили с собой, садимся за импровизированный стол. Первый тост за малую родину, за отчий дом. Грустно молчим, думая каждый о своем. Душа печальна и покойна – мы дома. После второй рюмки Варвара вдруг начинает петь песню...

– Когда выпьет, всегда поет о сыне, – шепчет мне Иван, – он служил в Афганистане, там пристрастился к наркотикам. Одиннадцать лет боролась она с этим недугом. Не спасла – умер три года назад.

Я с удивлением вслушиваюсь в слова.

*Теперь облака между нами.
С тобою не поговорить,
Ты знаешь, сыночек милый,
Как трудно одной мне жить.
А боль с каждым днем подступает,
И нету предела ей,
И если ты слышишь, сыночек,
Скажи, как мне справиться с ней.
А знали б вы, он был какой?
Он не такой, как все,
Он не такой – другой,
Возил подарки нам домой,
Сыночек мой, ты мой родной.
А я была как за стеной,
Но хоть во сне побудь еще со мной,
Сыночек мой.
Служил ты в далеком Афгане,
Не жаловался нам никогда,
Ты только писал братьям,
Какая там жизнь твоя.
Там пули вокруг свистели,
Попить не хватало воды.
Зато там вдоволь было
Одной только наркоты.
Последний раз уезжал ты,
Сказал мне: «Мама, не плачь.*

*Я скоро, скоро приеду,
Приеду к тебе опять».
И вот ты приехал, сыночек,
Приехал ко мне домой.
Теперь твои глазки милы
Закрывают сырой землей.*

Варвара, уронив голову на руки, затихла. В комнате повисла гнетущая тишина.

– Я вас на кладбище свожу, покажу его могилку.

Мы с трудом переключаемся на другие темы. Время летит незаметно. Вечереет. Пора собираться в обратный путь. Прощаемся со всеми с твердой уверенностью, что обязательно вернемся сюда.

Заезжаем на кладбище: оно делится как бы на два: старое и новое. Старое – это то, где хоронили лет 30–50 назад. Деревянные оградки, упавшие кресты. Все это заросло густым ельником. Мрачно и тоскливо вокруг. Новое – рядом, отличается только тем, что здесь еще можно прочесть, кто захоронен, и вместо крестов скромные памятники (дань времени).

Подходим к могиле сына Вари. С фотографии смотрит на нас молодой парень в солдатской форме. Смотрит и молчит. Молчим и мы. Помянув всех, кто здесь захоронен, едем в Серов. Разговор не клеится. Каждый думает о своем, а может, об одном и том же.

«Двадцатый», какой же ты стал не похожий на себя! Время и современные политиканы затолкали тебя в небытие, вычеркнули из общественной жизни, наплевали на людей, живущих там. В общем, поступили вполне «демократично», в духе нашего времени.

Служащие, мастера, рабочие Петербургского оружейного завода.

Юний ГОРБУНОВ

«На оружейный с улицы не брали»

Продолжаем публикацию очерков по истории завода им. Калинина.

Так написал в своих воспоминаниях будущий начальник ОТК завода №8 им. М.И.Калинина Тихон Романович Соловьев.

К началу 1880-х годов «мастерская по отделке орудий, заряжавшихся с казенной части», пребывая в постоянной реконструкции и расширении жизненного пространства, повысила свой производственный статус – стала именоваться Санкт-Петербургским оружейным заводом. Официально это произошло 3 июня 1882 года.

И то сказать, завод располагал уже четырьмя отделениями-мастерскими. В первой работали орудия средних и больших калибров – вплоть до 112-линейных пушек и 11-дюймовых мортир. Вторая доводила до испытательного рубежа орудия полевой артиллерии, изготовляла затворы и прочие оружейные атрибуты, а также ладила различный инструмент. В третьей царил особая атмосфера – ее отвели для самых разных технических и конструкторских экспериментов;

здесь же располагались кузнечный и столярный участки, производились различные ремонтные работы. В кузнице, кстати сказать, действовал уникальный паровой молот мощностью в полтонны и 11 кузнечных горнов. Наконец, четвертая отдана была новому веянию времени – ведь в эту пору в промышленное производство и быт стремительно вторгалось электричество. Это была электрическая мастерская, при которой одновременно открылись курсы электротехников.

Даже такая вот виртуальная «пробежка» по заводской территории выдает уникальность и своеобразие производства. А между тем новоиспеченный завод был сосредоточен буквально на пятчке двора бывшего арсенала, располагал все теми же старыми арсенальными постройками, которые могли увеличивать площадь только этажами. Но разве может оружейный завод расти вверх?

Здесь практически ничего уже не напоминало литейный двор петровских времен. Арсенал «переплыл»

на противоположный берег Невы, на Кронверк, бывшая Пушкарская улица стала Сергиевской. Там, где когда-то зародился арсенал, стояло новое здание окружного суда, где недавно прошел нашумевший на всю Россию судебный процесс, оправдавший народо-волку Веру Засулич, стрелявшую в градоначальника. Только четыре бронзовых мортиры и 16 пищалей тонкого арсенального литья по-прежнему стерегли парадный вход Главного артиллерийского управления – по десять пушек с каждой стороны.

Возникнув в традиционно пушкарском районе столицы, завод оказался окруженным и зажатым аристократическими кварталами нового Петербурга. Литейный проспект, как бы в пику нашему Орудийному, облюбовали теперь поэты, юристы, издатели, букинисты. Удары кузнечного молота, тяжелое дыхание горнов, вереницы повозок с орудийными заготовками и готовыми пушками, выползающие из заводских ворот, никак не вписывались в антураж проспекта, набережной Невы и близкой Фонтанки. И даже сам св. Сергей Радонежский, покровитель пушкаррей, и молитвенный звон колоколов Сергиевского «всего артиллерии» собора не могли изменить маргинальной участи Орудийного завода.

Новый начальник ГАУ генерал-лейтенант А.А.Маниковский накануне Первой мировой горько констатировал, что «только в силу какого-то недоразумения это «техническое заведение» артиллерийского ведомства получило громкое и совершенно незаслуженное название «орудийного завода». И нарисовал затем удручающую картину тесноты и дискомфорта, которая была видна ему из окон Главного артиллерийского управления.

А затем он тут же сообщает нам, что ГАУ и все военное ведомство, тем не менее, располагает одним только этим заводом и на него возложено изготовление для российской армии новых орудий шести разных очень сложных систем.

Так какое же все-таки место среди прочих пушечных заводов России занимал на стыке веков Петербургский орудийный?

Изготовлением артиллерийских орудий в эту пору занимались казенные заводы трех ведомств: военного, морского и горного. В полном распоряжении военного состояли «делатели» медно-бронзовых пушек, арсеналы – Петербургский, Брянский и Киевский, и наш Петербургский орудийный завод. К этому времени арсеналы перестали отливать пушки, а занялись исключительно изготовлением лафетов и артиллерийского обоза. У военных остался только один завод – тот самый, с «незаслуженным названием».

Морское ведомство снабжал пушками казенный же Обуховский сталелитейный завод (ныне «Завод «Большевик»), родившийся в Петербурге на три года раньше Орудийного. А в ведении горного состоял Мотовилихинский сталепушечный, возникший тогда же на окраине Перми. Занялся пушками, когда это стало ему выгодным, и крупнейший частный завод северной столицы – Путиловский (позд-

нее «Красный путиловец», теперь Петербургский Кировский завод).

Такая вот великолепная четверка. Были, конечно, и другие, но они в артиллерийском вооружении погоды, что называется, не делали.

Среди этих собратьев по пушкам Петербургский орудийный стоял наособицу. У него не было своего литья. Орудийный полуфабрикат и даже крупные поковки он получал «из рук других заводов» – Обуховского, Мотовилихи и других горных. И еще. Будучи единственным у «семи» военных «нянек», он неизбежно стал универсальным. Такая уникальность оборачивалась палкой о двух концах: постоянной зависимостью от поставщиков и необходимостью браться за все про все, в чем нуждается военное ведомство.

В своем капитальном труде «Боевое снабжение русской армии в мировую войну» (М., 1937) А.А.Маниковский со скрупулезностью несомненного знатока приводит далеко, видимо, не полный перечень того, что приходилось работать оружейникам накануне и в годы войны. Конечно же, пушечные затворы и запасные части к ним, а также прицельные приспособления и пулеметные станки. Появилась на свет артиллерийская буссоль, соединившая компас с угломерным кругом и оптическим прибором, – все ее составляющие стали делом рук заводских умельцев. Возникла надобность в приборах для снаряжения патронов, а также капсюльных втулках – кому, кроме Орудийного, поручить? Насосы для систем Шнейдера, телефонные станции, катушки для провода, бинокли и монокуляры, большие и малые стереотрубы, компасы... И все это отнюдь не пробные экземпляры или образцы, а валовые заказы для всей русской армии!

Но и это еще не все. На плечах мастерской, а потом и завода лежала обязанность восстановительного ремонта орудий всех тех шести систем, которые завершались в его стенах. А также ремонт прожекторов, дуговых ламп, локомотивов и других двигателей к крепостным электроаппаратам. Никогда не предсказуемый и нескончаемый ремонт был вечной головной болью заводчан.

Такое вот предприятие, пребывавшее в тесных объятиях аристократических кварталов Петербурга, занимало четвертую строчку в перечне ведущих заводов артиллерийской промышленности России на рубеже веков.

Попасть на завод и работать на заводе было не просто: с улицы сюда не брали.

Начать с того, что в первое десятилетие существования орудийной мастерской работа здесь была обязательной военной службой. Потом труд полувойсковых мастеровых был заменен вольнонаемным. Но вплоть до революции руководители всех рангов, начиная со старших мастеров, направлялись на завод по мобилизации, имели офицерское звание и значились в документах как «командный состав».

Мастера, помимо найма практиков «с воли», были, как правило, дипломированными, окончившими Техническое артиллерийское училище, которое давало

капитальное 8-летнее средне-техническое образование с правом поступления в технический вуз.

Пополнение мастеровыми шло через долгий и тернистый путь ученичества – читаем об этом в воспоминаниях ветерана М.Никифорова. Рабочий обращался к мастеру с просьбой принять в цех сына или родственника. Получив согласие мастера, он устраивал ему и его помощнику «угощение» – эта процедура была обязательной и неизменной. Угощение устраивалось, как правило, «на природе» и состояло из водки, селедки с луком и подливкой, соленых огурчиков, капуста, черного и белого хлеба и, конечно, самовара, который непременно должен был «петь песенку». Бывало даже, что самовар без «песенки» приводил к отказу.

Период ученичества длился порой годами. Сначала, скажем, ученик токаря только выполнял поручения мастера, которому его поручили, был мальчиком на побегушках и учился всему «вприглядку». Потом его допускали чистить станок и обучали простейшим правилам техники безопасности. Затем он пробовал затачивать и закалывать резцы, метчики, плашки, зубила, сверла; читать и понимать чертежи – детали обрабатывались непременно по чертежам.

Когда, по мнению мастера, кончался период ученичества, ученик прикреплялся к станку и обычно становился сменщиком обучавшего его рабочего. Этот этап снова отмечался «угощением».

Чтобы поступить на завод вольнонаемным рабочим с опытом, вспоминает Т.Р.Соловьев, требовалась рекомендация заводского ветерана. Затем предстояло пройти своеобразный экзамен. Например, изготовить без чертежа и эскиза достаточно сложный нарезной инструмент, то есть показать опыт или техническое образование.

Итак, мы в одной из мастерских Петербургского орудийного завода. В смену здесь трудятся более ста человек. Половина из них – старые кадровые рабочие, остальные – молодежь. В инструментальной кладовой выдается мерительный и режущий инструмент. «Старичкам» поручаются ответственные операции: нарезка поршней затвора, расточка и нарезка казенной части, изготовление кронштейнов прицелов и другие. За работой следят токарные мастера, контрольный мастер и браковщик. Изготовив партию деталей, рабочий сам проверяет их на годность и сдает контрольному мастеру, «головой» отвечая за качество. Все работают сдельно. Если детали идут в брак, то в лучшем случае снижается категория и поручается работа менее квалифицированная и нижеоплачиваемая. А в худшем случае рабочего увольняют.

На Орудийном трудилась «элита» рабочего класса. Местом дорожили. Квалифицированные рабочие и мастера хорошо зарабатывали.

В 1905 году на заводе побывала правительственная комиссия. Она изучала бытовые условия рабочих, что трудилось на предприятиях военного ведомства. На Петербургском орудийном числилось тогда 750 человек. Средняя месячная зарплата рабочего состав-

ляла 33 рубля. Но многие зарабатывали по 70-80 и более рублей и жили вполне безбедно. Достаточно напомнить, что килограмм ржаного хлеба стоил тогда 4 копейки, рыбы – 20 копеек, мяса – 25. Не заработать на «крупчатошный» хлеб (из пшеничной муки тонкого помола) на заводе считалось зазорным.

Зарплата позволяла вольнонаемным наладить и жилищные условия. Например, построить дом или купить готовый на отводимых земельных участках на окраинах Петербурга. Не имевшие своих домов (а таковых было большинство) могли снять частную квартиру. Ее стоимость зависела не только от площади и обустройства жилья, но и от расстояния от центра города. За хорошую комнату просили до 10 рублей в месяц. Это было по карману многим орудийцам, получавшим даже по 40-50 целковых.

Были, разумеется, и малоквалифицированные низкооплачиваемые рабочие, которые не могли снять комнату или «угол». Они жили в казармах, места в которых администрация завода предоставляла, как правило, бесплатно. Здесь можно было встретить какие угодно условия и какую угодно среду: спертый воздух, тесные нары, грязь и духоту. Воспоминания некоторых ветеранов пестрели такими картинками, но едва ли они были характерны для «элитного» орудийного завода.

Стопку любопытных документов удалось обнаружить в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА). Это постановления особого Присутствия Петербургского орудийного завода, рассматривавшего прошения рабочих о назначении или пересмотре пенсий в связи с нетрудоспособностью, наступившей в результате тяжелых условий труда.

Вот прошение кочегара механической мастерской завода, бывшего крестьянина Новгородской губернии Василия Павловича Павлова, поданное в августе 1912 года. Работая кочегаром с 1879 года, постоянно находясь на сквозняке, он обзавелся ревматизмом и хронической простудой и просит назначить ему пенсию.

Перед нами документ из пяти страниц убористого печатного шрифта. В нем нет эмоций, присущих многим мемуаристам, и тем более гротескового романического текста. Все предельно документально. Дан внешний портрет рабочего-кочегара, подробно описаны условия труда в заводской кочегарке, число и расположение печей, дверей, окон («если двери закрыты, то в помещении полумрак, поэтому двери почти постоянно открыты» и т.д.). В результате детального осмотра старшим врачом завода, описан характер болезней и недугов заявителя, где, когда и как он лечился с таким вот заключением: «У Павлова профессиональное заболевание – хронический ревматизм суставного аппарата и как последствие его – органический порок сердца. Болезнь эта находится в прямой и исключительной связи с условиями и родом работы...».

Далее заводской механик сообщает нам, как Василий Павлович исполнял свои обязанности кочегара

при паровых котлах. Мы узнаем о его возрасте (63 года), семейном положении (вдовец). Наконец, подробно зафиксирован его заработок – с 1 июня 1911-го по 1 июня 1912 года – 327, 83 рабочих дня, за которые заработано 478 рублей 25 копеек, а среднее годовое содержание равняется, таким образом, 379 рублям 60 копейкам.

После детальных расчетов следует заключение Особого Присутствия: «Признать у Павлова утрату трудоспособности от болезней, развившихся у него от неблагоприятных условий работы в заводе, равной 100%, и поэтому назначить ему от казны пенсию в размере 253 рубля 08 копеек в год /прибавлено 2 коп., чтобы в месячной пенсии не получалось дробей/ или 21 рубль 09 копеек в месяц, начиная с 10 сентября 1912 года и по день смерти...». Это как раз соответствует даже не средней, а минимальной оплате неквалифицированного труда.

В архивном «Деле» 1912 года таких прошений шесть. За исключением одного дворянина, фигурируют в основном бывшие крестьяне, ставшие на заводе кочегарами, кузнецами, молотобойцами, представлявшими и самый низкооплачиваемый, и квалифицированный труд как раз на тех участках завода (кузница, кочегарка), которые были наиболее узкими местами. Все шесть прошений подробно рассмотрены, по всем шести даны положительные заключения.

Перед нами не лубочные картинки, но и не гипертрофированные памфлеты, обусловленные подчас политической «погодой», а реальные картины труда и реальные судьбы. Условия тяжелые, зарплаты и пенсии – не ахти какие... Эти фрагменты заводской жизни, не искаженные ни вымыслом, ни эмоциями, свидетельствуют о том, какими житейскими драмами оборачивалось раскрестянивание российской деревни, каково приходилось вчерашнему пахарю на горячем железном деле, как копилась в молодом пролетариате зерно протеста; что не на пустом месте создавались заводские партийные ячейки, что было о чем рабочим

Питерские рабочие-орудийцы: отец и братья Сафроновы.

помитинговать на сходках. Словом, что не с чистого потолка упала на нас Февральская революция.

Да, на Орудийный с улицы не брали еще и потому, что опасались проникновения в рабочую среду революционного элемента. До эпохи революций на завод принимали, как правило, немолодых, многосемейных людей со стажем, трезвых и набожных. Они, конечно, держали сторону начальства. После 1905 года возник дефицит кадровых мастеров, стали принимать из молодых, но политически проверенных. Правда, иногда начальство ошибалось, пишет в воспоминаниях М.Никифоров, «попадались люди весьма развитые, далеко не благонамеренного образа мыслей, умеющие скрывать свои симпатии».

Так, уже в пору первой русской революции на заводе возник марксистский кружок. Его организатора-

ми были члены Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП) слесарь-лекальщик Константин Бедняков и Иван Сидоров. В этой первой подпольной организации участвовали слесари Григорий Емельянов, в будущем мастер ОТК, награжденный медалью «За трудовое отличие», и В.Н.Игошин, в дальнейшем тоже орденоносец, слесарь экспериментального цеха, токари Сергей Ульянов, ставший потом старшим мастером и отмеченный орденом Трудового Красного Знамени, Харлампий Купцов, Михаил Чистяков, братья Медведевы; медник Василий Зимин и другие.

По воспоминаниям Харлампия Семеновича Купцова, первая маевка оружейников прошла в 1903-м на опушке леса за Охтинским кладбищем. На Охте печатала листовки и прокламации подпольная типография. Их надо было доставлять

Михаил Калинин ведет пропаганду среди рабочих завода.

на заводы. Для молодых рабочих это было приобщением к опасному, но серьезному делу взрослых.

В начале 1911 года в мастерской объявился новый рабочий – Михаил Калинин, по рабочей профессии токарь. Уже не молодой, ходил, как все, в косоворотке и в потертом пиджаке. Железная дужка очков была у него сломана и скреплена проволокой. Был скромен, улыбчив и держался просто. Это уже из воспоминаний дочери Михаила Ивановича – Юлии (Ю.М.Калинина. Отец. Рассказ дочери. – М., 1978).

В таком коллективе, как Орудийный, не просто было обрести доверие. Каждого нового человека оценят десятки глаз и много чего выскажут за его спиной, прежде чем он будет признан своим.

Видимо, кто-то из членов кружка и одновременно бывших на хорошем счету у начальства (Г.Емельянов, Х.Хилькевич, Л.Шамшуринов или М.Медведев) стал рекомендателем. Свободных токарных мест на заводе тогда не было, а было место на шлифовальном станке. Мастер предложил новичку прошлифовать короткую деталь с тупым концом, результатом остался доволен, и Михаил Калинин стал работать шлифовщиком в смене с Сергеем Ульяновым.

Особенностью новичка была ненавязчивая деликатная общительность. Был начитан, осведомлен, но этим не бравировал.

В цехах Орудийного бытовал давний обряд чаевничать – во время часового обеденного перерыва. На деревянном столике между стан-

ками появлялся большой общий чайник, кружки, немудреная снедь, и велись разговоры на самые злободневные темы. Со своей кружкой и свертком непременно присаживался и Михаил Иванович. Или в трактире после получки. Поставит, бывало, перед собой рюмочку, а сам и не притронется к ней за все время разговоров. А в день святого Сергия Радонежского заводские ворота вообще открывались настежь и, как на гулянье, собирались мастеровые со всей округи. Калинин никогда не пропускал такие сборища. Слушал или что-то рассказывал. Знал побольше многих: в начале 1912 года VI Пражская конференция большевиков заочно выбрала его кандидатом в члены ЦК и ввела в состав Русского бюро ЦК, созданного для практического руководства революционной работой в России.

На Орудийном, конечно, не было легковоспламеняемой обстановки, но тем важнее и труднее было посеять в эту образованную рабочую среду зерна революции.

Юлия Михайловна приводит такой эпизод. Как-то один из рабочих в порыве признательности полусушью предложил:

– Знаешь, Михаил Иванович, если твоя революция победит, мы тебя выберем церемониймейстером наших праздников.

Тот рассмеялся:

– Какой же я церемониймейстер, если дальше как через дорогу ничего не вижу.

А тот рабочий, похоже, далеко смотрел, предсказав токарю и шлифовщику его судьбу «всероссийского старосты»!

Долго Калинину на заводе поработать не пришлось. Охранка бдительно следила за вездесущим пропагандистом. Последовал очередной арест и высылка на родину, в Тверь.

Но, выждав какое-то время, он снова приехал в столицу. И опять стараниями друзей удалось ему устроиться на Орудийный завод. Но и теперь ненадолго.

В ноябре 1912 года на предприятиях Петербурга и в том числе на Орудийном заводе состоялась однодневная политическая заба-

ставка. Жандармы кинулись искать Калинина. Околоточный явился на завод, но рабочие успели предупредить Михаила Ивановича. Однако через десять дней одного из «главных подстрекателей и организаторов» забастовки все-таки арестовали. Об этих событиях писала газета «Правда» в хронике «На фабриках и заводах». По требованию депутации рабочих Калинина и других арестованных освободили, но с завода в 1913 году он был уволен, и ему было предписано покинуть Петербург.

Таково краткое, смотрящееся историческим эпизодом, пребывание Михаила Ивановича Калинина в мастерской Петербургского оружейного завода. Были потом другие, тоже эпизодические, посещения. Но судьба распорядилась так, что это пребывание, фигурально выражаясь, длится и по сей день. Память о нем на заводе не затухала никогда и зижделась, прежде всего, на том чисто человеческом обаянии большого государственного деятеля ни в какие, даже самые драматические, моменты жизни не омраченного каким-либо безнравственным поступком и предательством вечных народных идеалов.

В заводском музее одной из главных реликвий бережется кругло-шлифовальный станок (инв. №516) французского производства, на котором работал Калинин.

Но мы с вами ушли от главного – от профессионально-пушкарской деятельности завода. От орудий тех шести систем, которые с обретением арсенальной мастерской более высокого статуса и до начала Первой мировой творились, доводясь до испытаний, в четырех мастерских Петербургского оружейного завода.

Они, эти орудия, являют собой этапы истории артиллерии на рубеже веков.

Скажем, история артиллерии скорострельной – головной боли всех армий мира в это время. После гибели Владимира Барановского Россия в одночасье потеряла приоритет в этой области. Словно бы и не существовало на свете его беспрецедентной 2,5-дюймовой пушки – противооткатного устройства, унитарного снаряда и прочих атрибутов скорострельности. ГАУ даже слышать о них не желало. Артиллерийский генералитет горой стоял за сохранение допотопных картузов – шерстяных мешков с зарядом пороха для пушки, и жестких лафетов. Только на флоте каким-то чудом держались пушки Барановского.

Но не дремали зарубежные фирмы. В адрес ГАУ и военного министерства то и дело поступали проекты скорострельных орудий, и генералам от артиллерии ничего не оставалось, как начать в середине 1885-го их испытание. В числе таких «подарков» оказалось 57-мм (2,24 дюйма) орудие системы Торстена Норденфельта, шведского конструктора пулеметов и скорострельных пушек. Предназначалось для обороны крепостей и вооружения капониров. Эта пушка делала до 37 выстрелов в минуту и выпускала за это время до 7400 картежных пуль. Путем чего достигалась такая «пулеметность»? А достигалась за счет... применения

унитарного патрона и уменьшения длины отката ствола. То есть методами, изобретенными Барановским! Но внесены были и новинки: упрощено действие запирающего механизма, усилено выбрасывание стреляной гильзы.

Испытание капонирной пушки Норденфельта удовлетворило специалистов ГАУ. Заказ на ее производство из отечественного стального литья получил Петербургский оружейный завод.

Здесь обязательно следует сказать, что эпоха отечественных медных и бронзовых пушек в России канула в Лету. Их по инерции еще продолжали выплавлять в арсенальных печах, но стальные пушки уже решительно брали артиллерию в свои руки. Уже оружейная мастерская в 1878-1880 годах обрабатывала от 250 до 350 стальных стволов в год. А в 1881-м полевая отечественная артиллерия в составе своего вооружения насчитывала 2056 новых стальных орудий, т.е. 72,5% от общего их числа. Тихая «стальная революция» и связанная с ней реконструкция мастерской и стали предтечей нового статуса предприятия.

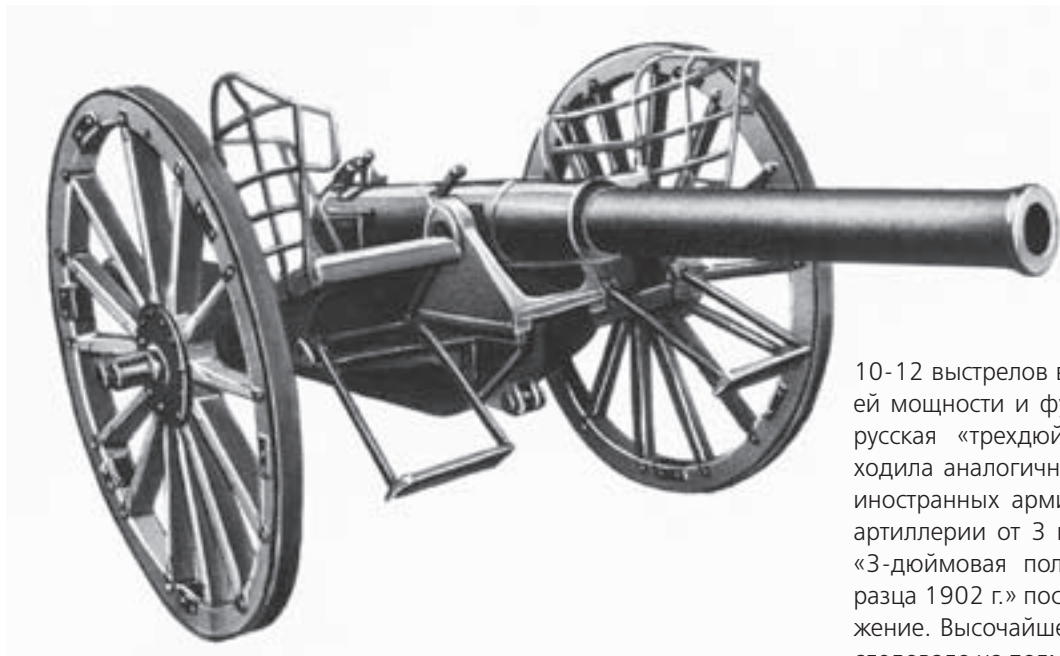
К 1891-му году, т.е. почти за 25 лет своего бытования, Оружейный завод отправил на испытательный полигон 6700 бронзовых, 2837 стальных и 1750 чугунных орудий.

Однако вернемся к проблеме скорострельности. Оборонительная пушка Норденфельта и другие паллиативы, конечно, не решали эту глобальную задачу, и военное ведомство, наконец, повернулось к ней лицом. Предстояло создать отечественную «скорострелку» и поставить ее на вооружение русской армии.

Решено было рассмотреть все имеющиеся в мире варианты. Но тактико-технические условия ГАУ непременно требовали единого калибра (3 дюйма или 76 мм), унитарного патрона и упругого лафета. Вот когда, наконец, вспомнили Барановского!

В 1899 году был объявлен конкурс проектов скорострельной пушки. Отечественные и зарубежные фирмы представили одиннадцать образцов 76-мм полевой пушки. На Волковом поле загрели выстрелы интернациональных орудий. Испытывали пушки и на выносливость в полевых условиях, отправляя каждую в 600-километровый путь. Для окончательного выбора оставили четыре образца: крупновский, французского военнопromышленного концерна «Шнейдер-Крезо», французских же заводов из городка Сен-Шамона и конструкторов Путиловского завода. Лучшим, на взгляд ГАУ, оказался путиловский вариант. Однако крупнейшие мировые фабриканты оружия Крупп и Шнейдер не захотели мириться с поражением. Пришлось экзаменовать повторно, но и на этот раз путиловскому образцу не было равных.

Итак, первая отечественная 76-мм (по вновь принятой классификации) полевая пушка, которую в просторечии называли «трехдюймовкой», была разработана инженерами Путиловского завода, опираясь на труды основоположника скорострельной артиллерии В.С.Барановского.

3-дюймовая (76-мм) скорострельная полевая пушка образца 1900 г., Россия. Калибр – 76 мм., длина ствола – 31 калибр, масса орудия в боевом положении – 996 кг, дальность стрельбы шрапнелью (260) – до 5100 – 5500 м, гранатой – до 8500 м.

В том же 1899-м в пяти военных округах начались войсковые испытания восьми батарей пушек (6 пеших и 2 конных). Результаты испытаний удовлетворили ГАУ, и в феврале 1900 года Высочайшим повелением «3-дюймовая полевая пушка обр. 1900 г.» была принята на вооружение русской армии. Ее основным финишным производителем стал Петербургский оружейный завод.

Скорострельная новинка тут же была испытана и в боевых условиях. Одну батарею пушек отправили в Северный Китай – на подавление восстания крестьян и городской бедноты («боксерское восстание»). Батарея участвовала в 11 боях, прошла около четырех тысяч километров, сделав при этом около 400 выстрелов. Эта война, наверно, и потребовала усовершенствовать пушку.

В доработке путиловского образца активно участвовал замечательный русский баллистик, ученик и продолжатель дела Маиевского генерал-лейтенант Николай Александрович Забудский. Одинаково талантливый теоретик и экспериментатор, он впервые вывел кривые нарастания скорости в канале ору-

дия и кривые изменения давления газов. Создал одночленные формулы веса заряда, толщины пороха, объема каморы, длины ствола, и эти формулы до сих пор применяются в испытательной практике.

Усовершенствовать лафет «трехдюймовки» взялся другой ученый-артиллерист Александр Петрович Энгельгардт, много и плодотворно работавший над проблемой лафета и в предыдущие годы. Разработанный им лафет был изменен кардинально. Впервые в русских сухопутных орудиях откат ствола происходил по оси канала.

Так появился новый отечественный образец «трехдюймовки», спроектированный и рассчитанный Н.А.Забудским. Ствол пушки при откате двигался по направляющим, расположенным сверху цилиндрической люльки, а казенник жестко соединялся с цилиндром гидравлического тормоза отката веретенного типа, расположенным внутри люльки. Пушка могла стрелять унитарным патроном с фугасной и зажигательной гранатами в стальном корпусе, а также шрапнелью. Поршневой затвор с двумя гладкими и нарезными секторами позволял расчету производить до

10-12 выстрелов в минуту. По своей мощности и функциональности русская «трехдюймовка» превосходила аналогичные образцы всех иностранных армий. Приказом по артиллерии от 3 марта 1903 года «3-дюймовая полевая пушка образца 1902 г.» поступила на вооружение. Высочайшее повеление последовало на полмесяца позднее.

Только безвременная смерть остановила полезнейшую для военной науки деятельность Забудского. Он погиб от шальной пули в первый день Февральской революции.

А его «трехдюймовка» стала одной из шести артиллерийских систем, которые работали на Петербургском оружейном. С 1901 по 1907 годы с завода на полигон были отправлены и прошли испытания 3 тысячи «трехдюймовок». А статистика последующих лет такова: в 1908-м с завода вышли 502 3-дюймовые пушки, в 1909-м – 382, в 1910-м – 42 и в 1911-м – 20 пушек. В иные годы заводчане могли снаряжать и больше «трехдюймовок», но их производство зависело от поставок заготовок Мотовилихинского сталепушечного завода, который в 1902-м, например, задолжал петербуржцам 300 оружейных стволов и столько же кожухов.

Кроме Петербургского оружейного, целиком всю пушку выпускали Путиловский, Обуховский и Мотовилиха. А лафеты ладились в трех российских арсеналах – в Петербурге, Киеве и Брянске.

Русские артиллеристы, и в первую голову солдаты и фейерверкеры, называли «трехдюймовку» своей спасительницей, а вражеские солдаты – «косой смерти». Еще бы! Шрапнельным огнем одна 8-орудийная русская батарея в счи-

тантные минуты могла уничтожить пехотный батальон и даже полк кавалерии. Баллистические данные орудия использовались в качестве основы при создании отечественных пушек советского времени. А «трехдюймовку» практически без изменений выпускали до 1930 года, когда ее значительно модернизировали под руководством инженера В.Н.Сидоренко.

И все-таки этот триумф «решительницы побед» – так называл свою артиллерию Петр Великий, снова охладила война как самый жестокий ее ревьюзор. ГАУ считало, что «единство калибра и единство снаряда» решит все проблемы артиллерии. Знакомый уже нам генерал М.И.Драгомиров изрек: «Мы считаем нашу артиллерию нашей хранительницей – стыдно располагать ее дальше 2500 метров. Отныне всякий командир, ставший на маневрах на большую дистанцию, будет отрешен от командования». Но уже Русско-Японская война эту доктрину тотчас опровергла.

Универсальный (по мысли ГАУ) шрапнельный снаряд был губителен при стрельбе по открытым живым целям, но оказался бессилён не только против закрытых полевых укреплений японцев, а даже против глинобитных стен маньчжурских деревень. А на вооружении полевой пушки тогда не было даже гранаты. За рубежом срочно были заказаны 3-дюймовые фугасные гранаты, началась разработка и отечественной мелинитовой, а в 1908 году на вооружение поступила фугасная граната, снаряженная тротилом, которая до самых 30-х годов была основной для 76-мм пушек.

Война обнаружила «дыры» в неповоротливой доктрине русской артиллерии. Для полевой войны не доставало тяжелых гаубиц, а для горного театра войны – горных пушек.

Уже в ходе боевых действий их пришлось срочно заказывать Круппу и отечественным заводам. А уже после войны Петербургский оружейный начал массовое снаряжение 122-мм гаубиц Круппа образца 1909 года, 76-мм горных пушек, а также шнейдеровских же 107-мм скорострельных.

И тут будет самое время сказать об Оружейном заводе как единственной в распоряжении военного ведомства экспериментальной мастерской, куда, как мы знаем, «с улицы не брали».

76-мм горные пушки Шнейдера образца 1909 года были поручены двум заводам – Путиловскому (частному) и Петербургскому оружейному. Путиловский, владея патентами Круппа и Шнейдера и будучи монополистом производства их систем, получил валовый заказ раньше. Для Оружейного наряд оказался сложным. Целый год ушел на выработку чертежей горной пушки. Потому что пришлось изучать совершенно новую для русских техников систему воздушных накатников. Время уходило на опытные стрельбы, в чертежи системы постоянно вносились изменения. Разработка и выделка люлек и салазок требовала скрупулезных расчетов и труда мастеровых. Но зато привела к

отличным техническим результатам. Из отчетов главного артиллерийского полигона узнаем, что горные пушки Петербургского оружейного много прочнее и совершеннее пушек Путиловского частного завода.

Не менее ответственным и трудоемким оказался и заказ заводу 192-х гаубиц системы Круппа. В чертежах содержалось много неточностей, которые обнаруживались постепенно, при испытании опытных экземпляров. Заводским техникам приходилось дорабатывать систему в процессе производства. Да еще при этом нарушались сроки поставки и качество болванок, поковок и отливок, которые приходили на завод из других предприятий.

И совсем не случайно, что именно Петербургский оружейный при его-то тесноте и непригодности помещений в 1896 году выделил экспериментальную площадку петербургскому технолог-изобретателю отпрыску княжеского древа Андрею Григорьевичу Гагарину (1855-1920). Он работал на заводе с 1895 по 1900 год. Сконструировал и построил крешерный пресс оригинальной системы для механического испытания металлов, «пресс Гагарина», который на многие десятилетия стал необходимой принадлежностью любой механической лаборатории.

Заводская экспериментальная мастерская, кроме прочего, была нацелена на обеспечение точности артиллерийского огня и поиск средств управления артиллерией в бою. Использовалась сила новейшей энергии – электричества, а также оптики. Мы уже знаем, что завод, помимо орудий, готовил самые разные артиллерийские принадлежности: оптические прицелы, бинокли, угломеры-трансформаторы, буссоли, дальномеры, полевые телефоны и многое другое.

В 1902 году была капитально переоборудована заводская электростанция, которая находилась теперь под одной крышей с механической лабораторией. Паровые машины были заменены тремя двигателями системы Дизеля, соединенными общим валом с генератором тока. Мощность электростанции составила 280 КВт или 360 л.с. Она не только приводила в действие заводское оборудование, но освещала мастерские, здание ГАУ, два его жилых дома, Сергиевский «всей артиллерии» собор и, наконец, свою электрическую лабораторию.

Одновременно с возникновением на заводе электростанции появилась необходимость обучать офицеров и мастеровых правилам пользования и обращения с электрическими приборами, а также с применением оптических дальнометров, гелиографов и других новейших аппаратов. С этой целью на Петербургском оружейном был организован специальный учебный центр с курсами электротехников с 8-месячным сроком обучения. Они готовили квалифицированных электромехаников до 1918 года.

А впереди снова была война...

Наталья ЗАПОРОЖЦЕВА
Фотографии предоставлены автором.

Сарапульские фиалки

Представим себе Россию 150 лет назад. 60-е годы XIX века. Вопрос «как учить?» обсуждался на страницах всех педагогических журналов. Не было ни учебников, ни подготовленных умелых учителей, подчас за опытом обращались к немцам. Первыми учителями в Вятской губернии были священники.

Священник, писатель, педагог, этнограф, общественный деятель Николай Николаевич Блинов (1839-1917) широко известен в Вятском крае. Как создатель первой светской удмуртской азбуки «Лыдзон», учебника «Грамота», наставлений учителям, хрестоматий для школьников, популяризатор книг для детей и юношества, народный учитель с полувековым стажем, организатор начальных школ в отдаленных селах Глазовского и Елабужского уездов Вятской губернии. Имя Блинова-педагога стоит в одном ряду с К.Д.Ушинским, Н.И.Ильминским. Подобно педагогу Н.Ф.Бунакову, Блинов в Вятке поистине стал «учителем учителей», его статьи на протяжении 40 лет публиковались в периодических изданиях, он стал организатором первых съездов учителей, ввел новые методы в педагогику, с помощью земства размножил и распространил «Грамоту» и наставления педагогам в каждую школу. Вместе с издателем Ф. Павленковым он работал над «Вятской незабудкой», просветительским первоцветом озарившей николаевскую Россию и породившей «Незабудки» в других городах. Он скандально «прогремел» в Мултанском деле о языческих жертвоприношениях и не побоялся вступить в полемику с любимцем читающей России В.Г. Короленко, отстаивая свои убеждения. И научную правоту этнографа подтверждают все больше исследователей последних лет.

Почетный гражданин города Сарапула, Блинов «открыл» читающей публике сарапульскую кавалеристку Надежду Дурову, описал историю земства за полвека, историю народного образования, подарил земскому музею при открытии свою библиотеку. Он создавал благотворительные столовые в Сарапуле, убежище для сирот, в котором и окончил свою многотрудную жизнь в ночь на 1918 год. Литературное на-

следие Блинова за полвека – 91 произведение (книги, статьи, очерки), о нем написано более 60 книг.

Сарапульцам повезло: Блинов прожил здесь 26 плодотворных лет.

Как и другие выпускники, приехавшие сюда по распределению, мы работали и не думали, что останемся здесь навсегда. Как служили и не думали об этом, наверное, священник Н.Н.Блинов, писатель С.Н.Миловский и другие приезжие люди, которых занесла сюда судьба. Но город «зацепил», увлек своим гордым и мятежным нравом, древней историей, которая окружает, пропитывает и пронзает каждого, кто хоть раз попадает в Сарапул. Древняя прекрасная и поучительная история о расцвете, взлетах и падениях одного прикамского города, напоминающая историю самой страны... Об этом вдохновенно писал священник Блинов, прославивший Сарапул в 13 книгах и очерках.

«Старые люди, предпрудки наши, умели выбирать для себя лучшие места для поселения... Сарапул – удачно расположенный город на подошве Старцевой горы – правого берега реки Камы. Вид с реки на город замечательный... О Сарапуле известно из переписной книги 7104, т.е. 1596 года... Положение города между Пермью и Казанью – между Сибирью и Россией, на грани трех губерний весьма выгодное. Благодаря положению, город значительно вырастает численностью, расширяется, обогащается. Он мог бы стоять, по культурным условиям, много выше других городов, если бы тому благоприятствовали развитие самоуправления и общественная инициатива». Так писал Н.Н.Блинов в 1910 году, когда город далеко превзошел Елабугу, Каракулино и другие прибрежные поселения, когда Сарапул, стоявший окраинно на юге Вятской губернии в полутьсяче верст от губернского города, стал так стремительно развиваться, что земство вознамерилось пустить трамвай по сферически расширявшимся от набережной кварталам. Благодаря мягкому климату и плодородным землям, Сарапульский уезд давал приют крестьянскому люду с соседних губерний, а город концентрировал капитал, ассимилировал разноликих жителей-татар, марийцев,

Наталья Семеновна Запорожцева – медик, краевед, педагог-психолог, журналистка. Окончила Казанский медицинский институт. Попав по распределению в Сарапул, сотрудничала в одноименной независимой газете. Активно занимается поисковой работой, ведет большую историко-краеведческую переписку. Является организатором и руководителем школьного музея «Сарапульская старина». Добивается того, чтобы сделать музеем-усадьбой дом писателя-просветителя Н.Н.Блинова.

евреев, строил солидные окружные учреждения в тайной задумке стать центром новой губернии. К 100-летию Сарапула думцы попросили приезжего писателя-священника написать новую книжку о Сарапуле, да так, чтобы слава о нем пошла по всему Прикамью. Блинов охотно взялся за работу: изучил архивы, статистику. Сорокалетний священник был членом уже двух – Вятского и Нижегородского – статистических комитетов, и знал толк в цифрах. Каждой цифре дал объяснение, каждому явлению – оценку. Купцов не пощадил, нарисовал заманчивую перспективу развития города, обосновал и развил идею о Прикамской губернии, будоражившую сарапульцев до 1922 года.

Современный историк-сарапулец Алексей Шепталин написал даже больше: «Сарапул, будучи практически равноудаленным от таких центров, как Вятка, Пермь, Казань и Уфа, на протяжении своей истории входил в состав самых разных административно-территориальных единиц: Казанской и Вятской губерний, Нижегородского края, Уральской и Пермской областей, Удмуртской АССР, Удмуртской Республики. Очевидно, что нигде он так и не стал чем-то неотъемлемым, «плотью от плоти», и даже сегодня нередко возникает впечатление, что в составе Удмуртской Республики он живет несколько обособленной жизнью. Еще менее ста лет назад это был второй по значению и развитию город Вятской губернии, во многом даже конкурировавший с губернским центром».

Итак, город, в который супруги Блиновы привезли в 1879 году восьмерых своих детей, пришлось по нутру опальному священнику и его детям. Хотя здесь, в архиерейском доме на Соборной площади, где они остановились, их ожидал обыск. К этому времени священник уже был под надзором полиции с подачи вятского губернатора Чарыкова как человек «неблагонадежного и вредного образа действия». «Вредными» для самодержавия были в ту пору большинство прогрессивных писателей и общественных деятелей. Лишь в 1917 году в очерке «Что было ис-

Н. Н. Блинов. Рисунок Н. Горбуновой

кони на Руси: самодержавие или народоправие» о. Николай впервые высказал все, что он думал о самодержавии «с продажными министрами, жандармами и всякого рода царскими холопами, сидящими на народной шее». А тогда в Сарапуле матушке для спасения семьи пришлось спешно жечь в печке стопки свеженапечатанного блиновского евангелия – запрещенную книгу «Страданий Великого Учителя...». Она то и дело выбегала на Соборную площадь посмотреть, не слишком ли черен дым, идущий из трубы.

Как же и откуда появился писатель и священник в Сарапуле? Жизнь этого незаурядного человека, описанная подробно вятскими краеведами, казалась достаточно известной. Но чем больше мы углублялись в биографию Николая Николаевича,

тем больше появлялось вопросов. При проверке общеизвестных фактов его биографии выяснились несоответствия, разночтения. Так наметился маршрут поисков – по тем городам и селам, где служил Н.Н. Блинов: Карсавай, Бахта, Нолинск, Орлов. Прежде всего – в вятский архив. Обращение к архивным фондам ГАКО внесло ясность в многолетнюю путаницу.

Помню, как я нерешительно в первый раз попросила расшить в архиве туго сброшюрованную метрическую книгу, скрывавшую в корешке имя родителей Николая Блинова. Архивариус внимательно посмотрела мне в лицо и, видимо, прочтя на нем неукротимую решимость докопаться до истины, молча разрешила суровые нитки. Только брат-краевед поймет наслаждение первого прочтения имен родителей Николая.

Священник Николай Николаевич Блинов.

Я узнала, что наш священник родился 8 октября (а не 7-го, как пишут иногда исследователи) 1839 года в селе Зашижемье Орловского уезда Вятского губернии первым сыном у 18-летнего Николая Виссарионовича Блинова, окончившего низшие классы Вятской духовной семинарии, с 1836 г. дьячка, а позже псаломщика Успенской церкви Яранской окружной слободы Кукарки, и законной его жены 19-летней Агриппины Митрофановны. Тут я нашла и деда писателя, диакона Богородицкой церкви села Васильковского Котель-

нической округи Виссариона Тимофеевича Блинова, 1797 г. рождения, сына диакона. Дед Виссарион был в 1810 г. переведен в Ижевский собор причетником. Интересно, что с 1810 по 1817 г. служил он в церкви села Колесниково Сарапульского уезда, потом уже переведен по личному прошению в Вятку, принял сан диакона и затем поселился в село Васильково и построил свой дом за 400 рублей. Семейство у него было большое: жена (бабушка писателя), Александра Александровна, дочь крестьянина, и шестеро детей (двое

приемных и четверо своих). Слобода Кукарка, где служил отец, находилась в 25 верстах от Зашижемья, а Васильковское – в восьми. Через год отца Николая перевели псаломщиком в кафедральный собор, и семья переехала в Вятку. Жили в соборных домах на берегу Вятки. Мальчиком Николай часто бывал у своих многочисленных родственников в селах Васильковском, Мокино, Арбаж. Деревенская жизнь и заботы селян ему были хорошо известны, поэтому он посвятил им множество книг и брошюр по сельскому самоуправлению.

После визита в ГАКО начала складываться родословная писателя, но для ее полноты не хватало потомков. В Сарапульском городском музее нашлись письма, которые четверть века назад правнучка Блинова Наталья Киприянова писала сотрудникам нашего городского музея. Елена, последняя из 11 детей Блиновых, умерла в 1964 году, но ведь осталось 39 внуков, и, думаю, не меньше правнуков! Где же они, внуки – дети Бехтеревых, Васильевых, Анисимовых, Сушковых, Василевичей и Золотовых? Е.Петряев в 80-х годах нашел следы трех потомков Блиновых в Москве, Екатеринбурге, Перми. С тех пор его родные не подавали никаких сведений о себе, куда бы мы ни обращались.

Но чудо произошло. Юбилейные мероприятия к 175-летию педагога и писателя Н.Н.Блинова в Сарапуле вызвали волну общественного признания. Мы получили письма из Москвы, Екатеринбурга и... даже Китая. Откликнулась праправнучка отца Николая, живущая в Китае: «Спасибо за память». Ольга Городецкая – успешный синолог, кандидат исторических наук, руководитель докторантов Факультета Истории Университета им. Сунь Ятсена на Тайване, куда приехала по программе приглашения «100 выдающихся ученых». Занимается, как и прапрадед, древними верованиями. Так началась моя переписка с Ольгой Михайловной, затем телефонные переговоры с ее матерью-москвичкой Светланой Львовной Блиновой-Лазаревской, правнучкой Н.Н.Блинова.

Под гудение компьютера ночь прессовала столетия, письма обгоняли друг друга, и безмолвные участницы этой истории стояли перед нами: и прародитель духовного рода Виссарион Блинов, и молоденькая сноха Агриппина Митрофановна с первенцем Николаенькой, и озябшие ребятишки, которых вез в Сарапул отец Николай, и очаровательная Аделаида в женевском кафе с Луначарским, и брат и сестра Адя и Коко Блиновы при встрече через 46 лет, и казненный в 1937 востоковед Анатолий Канторович. Потрясающие, трагические изломы судеб... Эти рассказы – драгоценные мгновенья для краеведа, вознагражденье за годы рудокопного архивного поиска.

Полгода назад состоялась первая моя встреча в Москве со Светланой Львовной Блиновой, правнучкой Блинова от его сына Леонида. Летом – вторая встреча, затем постоянные звонки, письма. Вместе с другом семьи, москвичом В.Поляковым, мы объединили имеющиеся в семье и в Сарапуле фотографии, выпросили в Перми и Екатеринбурге фотокопии имеющихся там фото и документов. И вот наш школьный музей стал обладателем очень солидной коллекции Блиновых. В ней сотни фотографий, книг, писем, документов, экспонатов из семьи Блиновых, полтонны каминных изразцов из блиновского дома.

Священник Н.Н.Блинов с матушкой Еленой Васильевной вырастили 11 детей: 3 сыновей и 8 дочерей. Светлана Львовна – правнучка Блинова от его сына – Леонида Николаевича Блинова, родившегося в Бахте в 1870 году.

83-летняя москвичка Светлана Львовна Блинова-Лазаревская, давно прикованная к кровати, оказалась необычайно деятельным и творческим человеком. Кандидат биологических наук, работавшая с Н.Н. Ладыгиной-Котс, академиком К.И.Скрябиным, неутомимая исследовательница и путешественница, объездила всю страну, изучая нематод насекомых вредителей леса. Воронежский заповедник, Байкал и Закарпатье, Карелия, Бузулукский бор,

Николай и Ада.

Скрипач Николай Леонидович Блинов.

Литва, Крым и Кавказ. Девочкой она побывала с матерью в Женеве, позже в Германии, Франции, Польше. Первые слова она пролепетала по-немецки. Мама, знавшая несколько языков, научила ее французскому. В этой семье способность к языкам, кажется, передается по наследству. Михаил Рапопорт, изучавший финно-угорские верования, был полиглот. Ольга легко овладела китайским. Когда Светлана Львовна вышла на пенсию, она так же легко влилась в веселый Турпсихстихзвод – самодеятельную туристическую команду энтузиастов-путешественников по окрестностям Московской области. И даже сейчас, в лежачем положении, проявляет чудеса изобретательности: завела перископ, чтобы с постели видеть посетителей. Лежа на спине, третий год пишет воспоминания, предназначенные детям и внукам. «Рассказ аборигена XX века», вышедший недавно на Уральском генеалогическом форуме, искрится юмором, оптимизмом, жизнелюбием. У Светланы Львовны в Москве двое внуков – Игорь и Евгения. Она жадно расспрашивала меня о Сарапуле, а я ее – о матери и дяде Коле.

И вот ее рассказ:

«О моем деду Леониде Николаевиче, сыне Николая Николаевича, я знаю только, что он получил высшее образование в Германии, там женился на немецкой девушке Каролине Карловне Ульбрих. Семья Ульбрихов имела давние связи с Россией. Отец Каролины, Карл Ульбрих, был музыкантом, играл в Большом Театре при Александре II, принц Антон Ульбрих упоминался в 1761 г. Мой дед с женой вернулся в Россию, жил в Москве, потом в Сарапуле, где работал в земстве.

Было у них двое детей: сын Коля (в честь деда) и дочка Адя – Аделаида (имя немецкой католической святой) – моя мама. В Сарапуле мама окончила гимназию. Коля серьезно увлекался скрипкой, но тут война и революция разбросали всю семью. Леонид Николаевич скоропостижно умер в 1908 году от тифа. Коля, мечтавший стать скрипачом, из-за угрозы мобилизации в Белую Армию бежал вместе со своим учителем музыки через Сибирь в Китай. О его злоключениях мы

Аделаида с дочерью Светланой.

узнали через 40 лет. В Китае ему пришлось наняться матросом на какой-то корабль, идущий в Португалию. Там капитан обещал отпустить их, оплатив как за оба конца. Но, подходя к Европе, он спровоцировал «соляной бунт» (кормил только солониной и урезал воду), а когда матросы взбунтовались, он сдал их в полиции, не уплатив и гроша! Постепенно все нашли знакомых, которые выручили их, а Коля сидел еще долго, и власти не знали, что с ним делать. Наконец, какой-то проезжий француз, узнав о необычном узнике, вытащил его из тюрьмы и помог добраться до Парижа.

Там Коля зарабатывал игрой на скрипке, окончил консерваторию, познакомился с Мартой, которая кончала славянское отделение Сорбонны, и они прожили всю жизнь рука об руку. Детей не было. Похоронены они на знаменитом кладбище Сент-Женевьев-де-Буа.

А мамина жизнь? В 17 лет она попала в раскардаш Гражданской войны, служила машинисткой в штабе Красной Армии, затем, забрав больную мать, добралась со штабом до Кавказа, служила в посольстве Грузии, похоронила маму в Тифлисе. Затем служба в консульстве Турции, замужество, работа в Наркоминделе в Москве и за границей, крушение семьи – и единственная радость – дочка (это я!). Вторая любовь и снова беда – арест мужа Анатолия Канторовича в 1937, выселение из квартиры на улицу, арест, полгода в тюрьме, переполненной «женами врагов народа», ссылка, этапирование под конвоем с собаками в незнакомую далекую Оренбургскую область, где нужно с нуля обустроить новую жизнь. Затем борьба за возвращение дочери, война, голод, непосильная работа в колхозе, учителем в школе, мой отъезд в Москву и ее одиночество в далекой деревне. Отчаянное нелегальное возвращение в Москву, когда я заболела. Нелегальное проживание в Москве с неоднократными «визитами» милиционеров с требованием покинуть Москву в течение 24 часов. Нелегальное учительство в далекой подмосковной деревне, работа переводчиком в лагере военнопленных в Калуге, снова Подмосковье и Москва. В 47 лет, наряду с работой, заочное обучение в Педагогическом институте, наконец – диплом с отличием, работа в школе, техникуме, комната в бараке, потом коммуналка с удобствами, наконец,

квартира – все с боем! Обращение о реабилитации с тревогой (вдруг спросят: «А почему Вы оказались в Москве до реабилитации?»), болезни и больницы, тяжелая онкологическая операция, облучение, цирроз печени, водянка...

И при всем этом – сила духа, стойкость, доброжелательное отношение к окружающим, активное желание поддержать, помочь, не терять чувство юмора и достоинства. Надеюсь, что я в какой-то мере унаследовала и переняла эти качества. Под самым новым 1975-м годом мы все втроем (мама, я и дочь Оля) заболели тяжелым гриппом. Температура у всех была под 40 градусов со всеми последствиями, мы с Олей уцелели, у мамы развился отек легких, и она умерла.

Дочка была светом в окошке – приходишь усталая, как выжатый лимон, – увидишь счастливую мордашку и бурную радость, с которой она встречает – такой допинг! Над Олиной кроватью по мамини инициативе были прикреплены два лозунга: «НЕ ПИЩАТЬ!» и «УЛЫБКА – ЭТО ФЛАГ КОРАБЛЯ!». В 5 лет она читала на память «Сон Татьяны». В школу пошла в 7 лет, уже умея читать. После школы Оля поступила в Ленинградскую Академию художеств на заочное отделение. Дипломную работу на тему об искусстве портрета в одну из эпох Древнего Китая она защитила на «отлично» и попала в заочную аспирантуру в Институте Востоковедения, потом в Китай.

Дадим слово дочери Светланы Львовны, Ольге Городецкой:

«Мой отец, Михаил Яковлевич Рапопорт, если бы жил в 19 веке, – имел бы судьбу Николая Блиннова. А Николай, если бы жил в 20 веке, – имел бы судьбу моего отца. Отец прошел войну, а потом стал ученым-лингвистом, знал порядка 40 языков и вздумал в Союзе заняться в 50-60 годы «лженаукой» – структурной лингвистикой. Работы

Марта Блинова. Преподаватель, переводчик.

были уничтожены, с кафедры выгнали, и все, на что могли использовать человека с таким количеством языков и аналитическими способностями, – это работать в Moscow News корректором. Он умер от рака мозга, когда мне было 2 года. Рапопорты и Городецкие – с 19 века были специалистами, и жили вне черты оседлости.

Эмигрантов первой волны все время тянуло назад и что-то щемило. У них было что-то очень благодное в детских воспоминаниях, как у моей бабушки Аделаиды был Сарапул. Видя мелкие фиалки, она почти блаженствовала – Сарапульские фиалки! В Сарапуле я никогда не была. Я сама не живу больше в России. У нас уже не было милого березово-фиалочного Сарапула, в котором благодно. В Пекине я училась. Уехала из СССР, а вернулась в Россию. Последний поток по обмену. Я просто оказалась «многообещающей китаисткой», и за меня оплатил учебу Музей Востока. На Тайване с 2003 г. Но, как оказалось, – это мой Остров.

Не хотелось бы, чтобы память о деду не была бы замарана в истории. Надо переиздать его книгу «Языческий культ вотяков». Жертвоприношения были – и ничего в этом нет дурного. Такова вера. Ведь жертва – это посредник в небесных сферах. В той системе верований стать жертвой – почетно. Когда читаю гениального Проппа, мне грустно, что он работает на материале немецких, английских этнографов, так плохо зная работы деду. В Китае вот знают, как важна связь поколений и как драгоценны старики. Поэтому и проблемы тут такие, с которыми можно жить и выживать, и возрождаться. Могила бабушки в Рублево давно под катком. Могила Блинова нет. Для меня своего рода учителем стал китайский ученый 1-2 в., его могила из поколения в поколение сохраняется уже почти 2000 лет. Высшая цивилизация – та, что способна беречь могилы тысячелетиями».

Да, судьба потомков Н.Н.Блинова оказалась не легче, чем у их прародителя – гонимого священника и подвижника Н.Н.Блинова. Родина таким колесом прошла по блиновскому роду, что оставила много ссадин. Но все потомки Блиновых, о которых нам стало известно, люди настолько нестандартные, талантливые, разносторонние, что не вписываются в обывательские трафареты.

Наша задача – достойно хранить память выдающегося земляка книгами, памятником, музеем его имени. Вдумайтесь: потомки Блинова, как и потомки сарапульского город-

ничего Андрея Дурова, нашли свой приют на французском кладбище Сент-Женевьев-де-Буа. Когда же мы в Сарапуле научимся увековечивать имена великих наших земляков памятниками, музеями? Но дело создания литературного музея Блинова не встретило оптимизма у администрации города. Одно здание, где жили Блиновы, приватизировано тремя сарапульскими семьями, которые не способны содержать этот исторический памятник. Другой дом – убежище, где умер Блинов, находится под угрозой сноса.

Тем не менее, прикосновение к имени просветителя Н.Н.Блинова, мне кажется, всколыхнуло ту нерастраченную общественную энергию, которую взрастили в этом земце реформы 60-х годов XIX века, и время в полной мере не позволило ее реализовать. Иной большой человек, даже давно ушедший, как сжатая пружина, как аккумулятор позитивной энергии. Тронь его имя – и загорится оно добрым светом, и как факел осветит путь и поможет нам, теперешним, в поисках добра и зла. Мощная энергетика Блинова, помноженная на последний всплеск общественной активности уходивших шестидесятников XX века, вызвала широкий резонанс и волну общественного признания. Все поняли, что мало знали и недооценивали Блинова, что отец Николай далеко не исчерпал себя в роли педагога и общественного деятеля. Доходит до курьезов: в интернете встретилась мне статья директора филиала гуманитарного университета в Кирове С.В.Мудролюбовой о педагоге

Н.И.Ильминском с портретом Н.Н.Блинова и подписью «Ильминский»! Так Вятка знает своего героя.

История все расставляет на свои места. За прошедшие годы блиновский образ не только не потерял значения, он стал рельефнее, приобрел новые черты.

Е.Д.Петряев в свое время описал семью педагогов Комаровых в Екатеринбурге – потомков дочери Веры. Мы нашли потомков Блинова и от старшей дочери – Любви, породнившейся со славным родом Бехтеревых. Бехтерева-Парахони тоже живут в Москве и преподают в техническом университете.

Более 15 детей, внуков и правнуков Блиновых стали учителями, кандидатами наук и профессорами. 150 лет насчитывает сегодня династия педагогов Блиновых. Дело Н.Н.Блинова успешно продолжают его потомки.

Светлана.

Сергей КУЛИКОВ
Фото Ю. Сентябрева

Весенние сказки Первущина

Когда отдыхающие здравницы «Карагайский бор» возвращаются из экскурсии в старинный казачий город Верхнеуральск, их автобус обязательно завернет в поселок Карагайский, тоже бывшую станицу яицкого казачества. И тормознет у сказочно расписанного дома и окружающих его построек. Сразу видно – незаурядный здесь живет человек.

Сын красного партизана Петр Алексеевич Первущин в молодости был учеником художника в парке металлургов Магнитогорского металлургического комбината. Потом работал художником в газете «Металл», а в рядах военно-морского флота участвовал в ансамбле танца и пляски Петропавловск-Камчатской флотилии. А уже в конце пятидесятых был художественным руководителем и директором Дома культуры поселка Карагайского. В течение 18 лет возглавлял он Ка-

рагайский рабочком, потом строительный участок резьбы по дереву.

Такой вот у Петра Алексеевича жизненный путь – все время бок о бок с искусством.

Дом, где он живет с супругой, построен в начале XX-го века. Вся сказочно-фантастическая отделка – его рук дело. Долгими зимними вечерами Петр Алексеевич, напевая, пилит, точит, рисует, готовит фигурки, а весной выставляет свои творения на показ односельчанам. В поселке за мелодичный голос его зовут «певунчиком», любят слушать и любоваться сказочными сюжетами.

А сюжеты его не просто сказочные, но сказочно узнаваемые. Богатыри, например, написаны на фоне Карагайского озера, видны гора Ельшанская и Голая сопка. Лось – неперменный обитатель Карагайского бора. Все фигуры сде-

ланы со смыслом и олицетворяют собой народные приметы: аист – символ детства и чистоты, скворец – вестник весны, подкова и котята – это значит рады в доме гостям, голубки приносят радостные вести, а петушок на флюгере озна-

чает, что хозяин дома не промах – держит, как говорят, нос по ветру. Волк и заяц на скамейке приглашают: садись и слабых не обижай.

Каждую весну ждут односельчане от Петра Алексеевича его новых деревянных символов.

Нижнетури́нский якорь в Севастополе

Александр ШЛЕМОВ
Иллюстрации предоставлены автором

Тропой поиска

Нижнетури́нские якоря

В конце 1970 – начале 1980-х гг. в старой части Нижней Туры стараниями бывшего директора Нижнетури́нского электроаппаратного завода Леонида Васильевича Предеина был открыт музей, в котором собран большой материал по истории Нижнетури́нского завода (почти до 1940-х гг. это было официальное название Нижней Туры). Были представлены планы заводского поселка, действующие макеты оборудования производственных цехов железоделательного завода. Детально описана вся старая технология доменного, железоковательного и листового производства

– та, по которой готовилась и выпускалась продукция завода и благодаря которой Нижняя Тура жила и развивалась на протяжении почти двухсот лет.

Тогда впервые Л.В.Предеиным было отмечено, что в Нижней Туре ковались якоря, причем одни из лучших в мире. Закрались сомнения. Невероятно, чтобы якоря весом до тонны и более ковались вручную.

А какие ковались якоря? Как ковались? Сколько? Куда и как их везли? Когда ковались? Кем? На какие корабли устанавливались?

Александр Васильевич Шлемов родился в 1966 г. в г. Нижняя Тура. В 1988 г. закончил УПИ им. С.М. Кирова. Специальность – инженер-механик. В 1988-91 гг. работал в Ижевске в ПО «Ижсталь» мастером по ремонту оборудования в мартеновском цехе.

С 1992 г. и по настоящее время живет в Н.Туре, работает ст. механиком одного из частных предприятий по ремонту магистральных газопроводов. Интересы: генеалогия, краеведение, бонистика.

РЕКА ВРЕМЕНИ

Были опрошены тогда еще бывшие в живых старые нижнетуринцы-металлурги, работавшие на заводе до революции. Никто ничего сказать не мог. Казалось бы, кому, как не Л.В.Предеину, последнему директору Нижнетуринского металлургического завода, знать об этом. Но даже такой знаток промышленности старой Н.Туры, как Леонид Васильевич, и тот не смог ответить на эти вопросы, сделав ссылку на книгу ленинградского историка Л.Н.Скрягина «Книга о якорях».

Итак, вопросы остались открытыми. Все знания о нижнетуринских якорях свелись к одной строчке из книги Скрягина: «В середине прошлого века самыми надежными якорями в мире считались те, которые ковали на Урале, на Воткинском, Серебрянском и Нижнетуринском заводах». В подтверждение этого приводятся похвальные слова, якобы сказанные самим П.С.Нахимовым, в отношении нижнетуринских якорей.

Эта строчка из книги стала за много лет в Нижней Туре почти крылатой, и только поистине глухой о ней не слышал. Наконец, к 1999 г. местный краевед-металлург, более специализировавшийся на боевом пути и биографиях большевиков-нижнетуринцев, уточняет, что в Нижней Туре «для отливки якорей на морские и речные суда на заводе имелась специальная сталеплавильная печь».

И вот полуполюгендарный, «литой» почти с виртуального пьедестала, якорь поднялся на геральдический щит города. Правда, с оговоркой, что является он символом спасения в бурях, надежности и постоянства. С точки зрения геральдики это совершенно справедливо, но какие же они, реальные нижнетуринские якоря?

Попробуем разобраться.

Со второй половины XVIII-го века якоря на Урале ковались лишь на заводах, имеющих специально оборудованную, так называемую «якорную фабрику», т.е. якорный цех. Но и наличие «якорной фабрики» не всегда предполагало выпуск якорей. Просто там были установлены и находились наиболее крупные

молоты и большие горны, позволяющие изготавливать крупногабаритные детали для собственного производства – новые молоты, валки и т.п., а также производить ремонт старого оборудования. Ковкой якорей занимались большие казенные заводы. Их было шесть:

1. Камские: Ижевский (с 1760 г.) и Воткинский (с 1759 г.);
2. Екатеринбургский (с 1725г.);
3. Гороблагодатские: Верхнетуринский (с 1739 г.), Серебрянский (с 1755 г.), Нижнетуринский (с 1766 г.)

Нижнетуринский завод по планируемой мощности оборудования как 20-молотовый, согласно замыслам руководителей Берг-коллегии,

полную мощность (с 20 молотами и всеми вспомогательными цехами) лишь в самом начале 1800-х гг. То есть почти за сороклетие Нижнетуринский завод, несомненно, отстал в своем развитии, сравнительно с Камскими заводами, построенными на 15 лет ранее, на частные средства графа Шувалова с привлечением капиталов первых российских банков. К тому же Камские заводы находились рядом с доходной Камой – транспортной артерией, соединяющей Урал с центральной Россией и южной Россией. Все это, как будет видно далее, имеет прямое отношение к вопросу о производстве якорей.

Вид Нижнетуринского завода, 1905 год.

должен был в то время мало чем уступать перечисленным заводам. Он строился большим железодельным и, вероятно, вполне подходил для производства якорей. Не случайно уже сразу после пуска первого молотового цеха была готова и якорная фабрика с одним молотом и двумя горнами, а к 1807 г. введено в действие еще два якорных горна.

Но нельзя забывать, что завод строился «на казенный кошт», построился фактически «за одно лето» 1765 г., был пущен далеко не полностью достроенным (с 4 молотами) и смог заработать на

Итак, обратимся к статистике, взяв за основу «Генеральное описание о монетных дворах, литейных и всех горных заводах, в ведении Государственной Берг-коллегии состоящих..» за 1795 г. и рассмотрим сравнительный выпуск якорей, по указанным выше заводам, за период с 1783 по 1796 гг.

Отчеты показывают, что за тринадцать лет якорный цех Нижнетуринского завода произвел 4354 пуда в якорях, будучи загруженным заказами Адмиралтейства лишь в 1784, 1786 – май 1790, 1793-94 гг. Доля выпуска нижнетуринских якорей по трем Гороблагодатским

Якорь-кошка

заводам составляла 26%. А в целом по уральским якорям равнялась лишь 4%, растворяясь в продукции гигантских якорных производителей – Ижевского и, главным образом, Воткинского заводов.

Вес нижнетуринских якорей за указанный период составлял от 2,76 до 9,5 пудов, серебрянских – от 4,5 до 51 пуда, ижевских и воткинских – от 11 до 150 пудов.

Не случайно еще в 1779 г. указом Екатерины II Воткинскому заводу было разрешено ковать тяжеловесные якоря весом более 50 пудов. К середине XIX в. воткинские якоря достигли веса до 5 тонн и, действительно, заслуживали названия «царь-якорь». Устанавливались они на самые крупные линейные корабли Черноморского флота.

Что касается Нижней Туры, то видно, что в XVIII веке Адмиралтейство загружало якорный цех завода только в годы значительной потребности в якорях:

– 1783 г. – зарождение нового Черноморского флота. Руководитель строительства флота Ф.Ф.Ушаков планирует спустить к 1784 г. уже первый крупный боевой корабль. Определен штатный состав флота, включающий несколько десятков мелких кораблей парусно-гребной флотилии, предназначенной для будущих боевых действий против турок на Дунае и на Днепровско-Бугском лимане.

- 1786 г. – в преддверии войны с Турцией спешно достраивается флот.

- 1787-91 гг. – русско-турецкая война, причем с активнейшим использованием парусно-гребных судов. Достаточно вспомнить боевые действия флотилии О.М.Де Рибаса.

Абсолютно понятно, что производство якорей в Нижней Туре и вообще в Гороблагодатском округе отличалось неравномерностью объемов годового выпуска, носило вспомогательный характер и суще-

ствовало лишь в качестве необходимой поддержки для Камских заводов.

Внутренняя и внешняя политика России в начале XIX в. определила дальнейшее развитие уральских якорных заводов.

С 1807 г. прекращено якорное производство в Ижевском заводе – налаживался выпуск оружия. В 1811-м Верхнетуринский завод начинает выпускать пушки. Прекращено производство якорей и в Екатеринбурге. Зато с 1816 г. приступил к изготовлению тяжеловесных якорей Серебрянский завод, получив такое же право, как и Воткинский.

На всем Урале остаются только три завода, выпускающие якоря.

Воткинский и Серебрянский заводы выпускают весь весовой ряд якорей, специализируясь, главным образом, на производстве тяжеловесных. Увеличение выпуска таких якорей диктуется развитием флота, появлением судов водоизмещением несколько тысяч тонн, которые вытесняют малотоннажные корабли. Нижнетуринский завод производит по-прежнему только легко-весные якоря. Такое распределение по заводам учитывало необычайную сложность доставки тяжелых якорей из Нижней Туры до пристани на Каме, на расстояние около 100 верст. Кроме этого, Нижнетуринский завод был тесно интегрирован в систему пяти заводов Гороблагодатского округа как передельное предприятие для производства сортового металла, листа различной толщины. Якорное производство в Нижней Туре было ответственнейшим, но никогда не главным, а скорее вспомогательным и даже обременительным для завода.

Обратимся к «Горному журналу» за 1836 г. Как видно, Воткинский и Серебрянский заводы в 1830-х гг. выпускают почти одинаковое количество тяжелых якорей, увеличив выпуск: Воткинский – в 1,5 раза, Серебрянский – почти в 9 раз. Нижнетуринский завод увеличил производство легко-весных якорей более чем в 5 раз. К сожалению, нет четкой картины изготовления якорей в штучном исчислении. И,

конечно, следует понимать, что изготовить один якорь в 100 пудов при наличии необходимой грузоподъемной оснастки вряд ли намного тяжелее, чем изготовить 10 якорей по 10 пудов при тех же технологических операциях, с теми же жесткими требованиями «петровского Регламента», при меньшей механизации – т.е. при увеличении доли ручного труда.

В 1843 г. в Гороблагодатских заводах выпущено уже всего лишь 13 шт. якорей (не установлено, чье производство) на 437 пудов. В 1845 г. заказано только 4 якоря на Серебрянский завод, на 954 пуда. Сведения позже 1843 г. о производстве якорей в Нижнетурином заводе не обнаружено.

Следует сделать вывод, что в Нижней Туре производство якорей прекращено к середине 1840-50 гг. окончательно. Вызвано это уменьшением потребностей экономики государства в легких якорях. Зато с развитием строительства пароходов необычайно возросла потребность в «кубовом», «котельном» железе. Развитие городов обуславливало необходимость увеличения выпуска плющильного железа, тонкого листа. По этим видам продукции Нижняя Тура в указанный период была несомненным лидером среди Гороблагодатских заводов, опережая по валовому выпуску всего многообразного сортамента металла (включая и якоря), например, тот же Серебрянский завод. Превышение выпуска составляло от 3000 до 16000 пудов.

Куда же и как отправлялись якоря, на какие суда ставились?

Балтийский флот ко второй половине XVIII в. был обеспечен вполне якорями старых Олонецких заводов, а впоследствии Ижорских, для которых поставлял во второй половине XVIII в. кричную заготовку именно Нижнетуриномский завод.

Крупные же корабли той эпохи имели по 3-5 якорей. «По назначению якоря делятся на становые (на носу) – для удерживания судна на стоянке, и вспомогательные (на корме) – для разворота судна, стоящего на становой якорю, удержания судна лагом к ветру (стоп-анкеры, верпы). Самый большой якорь парусного корабля – правый становой – называется плехт. В парусном флоте плехт являлся эталоном для расчета массы остальных якорей данного корабля, каждый из которых был легче плехта на определенную часть.

Стол-анкер был обычно значительно легче становой якоря и размещался в кормовой части корабля. Корабли водоизмещением 800 тонн и менее снабжались верп-анкером. Этот якорь используется в качестве становой якоря в случае его потери или в аварийных ситуациях, например, для снятия судна с мели, перемещения его на другое место при отсутствии хода и так далее. В этих случаях верп завозился на шлюпках с кормы судна и сбрасывался в нужном месте. На правом борту парусного судна располагается запасной якорь той (той-анкер). Той помещался позади правого становой якоря и принадлежал к судовым якорям малого размера. Левый становой якорь корабля называется дагликс. Он относился к якорям средних размеров. Кроме того,

в трюме грот-люка находился большой запасной якорь – шварт».

Существует много способов определения для корабля потребного веса якорей. Возьмем простейший из них. Вес плехта, выраженный в фунтах, должен превышать в цифровом выражении водоизмещение корабля, выраженное в тоннах. Согласно этому правилу, не трудно подсчитать, что в 1784 г. 110 якорей весом в 2,76 пуда, выпущенных на Нижнетуриномском заводе, могли быть установлены на судах водоизмещением не более 100 тонн, а выпущенные в 1793 г. весом в 9,2 пуда – на судах 368 тонн.

Таким образом, можно с уверенностью сказать, что нижнетуриномские якоря мог носить любой военный, разведывательный, грузовой и почтовый корабль: шлюп, бриг, бригантина, легкая шхуна, пакетбот. Могли использоваться нижнетуриномские якоря и в качестве вспомогательных (дагликсов, той-анкеров) для фрегатов. Военные и транспортные суда речных флотилий – прамы, шнявы, боты и т. п., безусловно, также носили нижнетуриномские якоря. В связи с русско-турецкими войнами, во второй половине XVIII в. именно в легких якорях и была наибольшая потребность. Штатное расписание Черноморского флота Ф.Ф.Ушакова на 1787 г. включало лишь 12 линейных кораблей и 20 фрегатов, а военных легких парусных и парусно-гребных судов – несколько десятков.

Из Нижней Туры готовые якоря везли конной тягой до Кушвинского завода, а потом еще 60 верст до Ослянской пристани, близ Серебрянского завода. Академик Безобразов писал: «... считаю долгом моим упомянуть о полном расстройстве этой дороги, вовсе не исправляемой. Ныне провоз от Кушвы до Ослянской пристани на 60-ти верстах расстояния обходится иногда до 15 и 18 копеек с пуда, а осенью провоз невозможен ни за какие деньги». Правда, писал он это в середине XIX-го века, но маловероятно, что и 50-70 годами ранее эта дорога была намного лучше.

На Ослянской пристани формировался так называемый «железный караван» Гороблагодатских заводов. Барки, грузоподъемностью 8 – 10 тонн, изготовленные на Илимской пристани, к моменту отправки каравана перегонялись на Ослянскую пристань для погрузки. Якоря под присмотром караванных смотрителей грузили и «сплавляли вниз по реке Каме, а потом по Волге до села Переволоки. Там якоря перегружали с барок на мелкосидящие баржи, и бурлаки тащили их по притоку Волги – реке Камышинке и до истоков реки Иловли, впадающей в Дон. Тут наступала зима, и по первопутку на огромных снях везли якоря целых пятьдесят верст. Весной, когда реки вскрывались, якоря попадали в бассейн Дона, а уже потом в Азовское и Черное моря. В Севастополе или Николаеве к ним приделывали дубовые штоки» (См. Дыгало В.А. «Российский флот. Три века на службе отечеству», 2007).

При рассмотрении вопроса доставки нижнетуриномских якорей обнаружили интересные факты, неизвестные ранее.

Нижнетуринский завод – единственный из предприятий Гороблагодатского округа, расположенный на восточном склоне Уральского хребта, стоял ближе всех к судоходному участку реки Туры. При определенных затратах со стороны казны он, вероятно, мог бы иметь транспортный выход в бассейн сибирских рек Тобольской губернии. И, как выяснилось, этот выход действительно был.

На реке Туре находилась Нижнетуринская пристань. Весной ширина реки достигала 15–100 саженей, а глубина – 2–7 аршин. Во время разлива река становилась судоходной до устья реки Салды. На Нижнетуринском заводе строили суда, на которых до Тобольска отправляли железо. Эти суда поднимали груз в 1000–1800 пудов. Но если везли железо, везли и якоря. Какими якорями была оснащена Тобольская речная флотилия?

Из полутора десятков бухгалтерских отчетов Нижнетуринского завода был наугад просмотрен один – за 1813 г. И вот доказательство. Из трех якорей по 2,69 пуда, откованных в Нижней Туре в 1813 г., два якоря «отпущены на Меркушинскую пристань». Учитывая, что на Меркушинской пристани в основном и строились транспортные, торговые речные суда, можно сделать вывод, что Туринский речной флот, вероятно, полностью был оснащен нижнетуринскими якорями. Кроме Нижнетуринского завода, другого поставщика якорей в Тобольскую губернию просто не было.

Чтобы понять всю сложность и трудоемкость процесса изготовления якоря, необходимо сказать несколько слов о технологии производства, взяв за основу описания горных инженеров Леонтьева, Носкова и Ковалевского.

В Нижней Туре производство якорей происходило по «русскому» способу.

Части якоря изготавливались из брускового железа, проходившего пробы на удар об острую наковальню.

При сборке основы якоря – веретена, брался пакет брускового железа. В зависимости от веса якоря, бруски размещались по несколько штук в ряду. Швы каждого ряда перекрывались брусками следующего ряда, т.е. поперечное сечение пакета брусков представляло из себя квадраты, расположенные в шахматном порядке – для лучшей проварки.

Собранный таким образом пакет брусков тем концом, который обделывался в шейму (верхняя часть якоря) – место, где устанавливается кольцо якорной цепи, закладывался в печь. «Ему дается вар в такой степени сильный, чтобы можно было нагретую часть пакета сжать до тесного соединения между собой брусков, составляющих сборку. Этим порядком продолжается проварка и обжимка пакета до середины, после чего пакет оборачивают и закладывают в печь другим концом, и от него также ведут обжимку к середине.

Таким образом, для обжимки всего пакета нужно девять-десять раз закладывать его в печь для нагрева и столько же раз подносить под молот для обжимки».

«Обжимные вары дают самые высокие, или, как говорят мастера, жестокие, для того чтобы на первых же порах тщательнее проварить внутренность сборки. Если же не давать сильных варов и тем самым не действовать, по возможности, тесному соединению полос в одно целое, то впоследствии, при проковке веретена, оно непременно расколется, треснет по длине, и тогда ничего не остается, как только закрепить трещины планками, а это средство годится разве для вида...

За обжимом следует проковка; она начинается от середины и идет к концам. Вары даются высокие. Само собой, кузнец наблюдает, чтобы проковка веретена совершалась в указанные размеры по длине и толщине». Далее идет подгонка веретена под размер и вес – снова нагревы в печи и обрубка излишнего металла или, наоборот, подварка.

Заготовка для двух рогов якоря готовится аналогично.

Для изготовления лап (наконечников рогов якоря) используются кричные куски металла, сваренные в одну пласть. «Работа лапы совершается в продолжение восьми варов и более. Рог и лапу соединяют вместе посредством проварки в двух печах и проковки под молотом...». Далее «откованное вчерне под молотом веретено, рога поступают в якорные горны для отделки, которая заключается в доведении их до установленных размеров, в придании им условленной формы и в подготовке к прочному между собой соединению».

Далее у веретена прежде всего обделывают шейму. Для этого дают ей 15-20 варов, «смотря по тому, нужно ли накладывать на нее планки, когда она откована тоньше, или можно и без планок привести ее в надлежащие размеры и вид. Потом приваривают заплечики для деревянного штока. После этого «начинается выглаживание или лощение, для чего слегка нагревают веретено и сбивают с него окалину балдами (двуручные молоты весом от 7 до 10 фунтов), а потом проглаживают легкими молотками, причем также делается не менее десяти нагревов».

Затем начинается обделка рога с лапой, т.к. рог, взятый из-под молота, часто имеет неправильную форму, и лапа к рогу приварена неровно или получилась длинна, коротка и т. п. Для исправления дают еще до 8 варов, обрубая лишний металл или, наоборот, подваривая планки или набивая клинья. «Но в этом состоянии рог не может еще идти в сноску (т. е. свариваться) с веретеном, он имеет довольно грубую наружность, и ласка (клинообразная оттянутая толстая оконечность рога, которая и подваривается к веретену) его не пригнана по замку веретена». Делается еще до 20 нагревов, чтобы убрать плены и пузыри – те и другие вырубятся и завариваются планками. Пригонка ласки рога против шипа веретена делается на сварочных печах, у молота перед сноскою якоря. Когда веретено и оба рога готовы, приступают к сноске.

Сноска веретена с рогами совершается в один прием. Для этого оконечности обоих рогов и веретена,

Адмиральские якоря

долженствующие соединиться в одно целое и составить собою ворот якоря, закладываются в три сварочные печи. Когда все три части нагрелись до надлежащего вара, их выносят из печей под молот и кладут на наковальню сперва ласку одного рога, а на него шип веретена и потом ласку другого рога, стараясь при этом сколько можно точнее привести все три части во взаимное положение, соответствующее форме якоря, причем верхний рог наносится короче дюйма на два в том внимании, что молот, ударяя непосредственно по нему, удлиняет его более, чем нижний рог. После этого пускают молот на самый высокий подъем и спешат чаще наносить удары для того, чтобы, как выражаются кузнецы, «забить вар». Когда мастер увидит, что верхний рог хорошо сварился с шипом веретена, останавливают бой молота и, приподняв якорь, подкладывают под ласку нижнего рога железную прокладку и опять пускают молот, который ударами нажимает оконечность нижнего рога о прокладку и тем содействует надлежащей сварке.

Далее якорь поступает к горну.

«Поступивший в горн якорь находится в незавидном состоянии: место, где следовало соединение рогов с веретеном (ворот), представляет глубокие щели, впадины или ненужные возвышения металла; рога находятся не в одной плоскости с веретеном, и наружный обвод их не составляет той части окружности, какая должна образоваться при радиусе, равном 0,37 длины веретена. Кроме этих неизбежных недостатков, зачастую оказывается, что как веретено, так и рога в прилежащих к вороту местах сделались значительно тоньше вследствие данных им перед сноскою

якоря сильных варов – одним словом, они обгорели. Чтобы при таком, можно сказать, жалком состоянии поступившего на горн будущего символа надежды придать ему и крепость, и приличный вид, потребно много времени, труда и издержек; и в силу необходимости начинаются томительные работы.

Вначале выправляют рога и веретено, прогибают их, оттягивают, скручивают, закручивают и, когда, наконец, эти части по их ширине совместятся между собой в одной плоскости сечения и лишний обвод рогов, хотя только отчасти, будет введен в орбиту нормальной кривой, то, довольствуясь и этим, приступают к накладыванию планок, чем и достигается цель придать якорю благообразие...

Как бы тщательно ни накладывались планки, но все-таки после их нужно кое-где снять излишний металл; для этого также требуется не менее тридцати варов, причем, кстати, совершается и наклепывание. При наклепывании якорь нагревают докрасна, а молотки смачивают водой. Вода, испаряясь, отшибает, как выражаются якорные мастера, приваренные планки, вследствие чего и образуются плены; последние вырубает и вновь те места заваривают планками. Само собой, плены образуются в таких местах, где кромки планок не сваривались с якорем; через такие щели может проникнуть вода и там преобразиться в пар, и силою последнего тонкие части планок будут приподняты. При наклепывании число варов простирается до 20.

Наклепыванием оканчиваются продолжительные мучения якоря».

Затем в Нижнетуринском заводе якорь проходил следующие испытания на надежность. Он поднимался сначала на высоту веретена и бросался на чугунную плиту. Второй раз бросался с высоты в половину длины веретена. В третий раз с высоты – на длину рога. Выдержавший эту пробу, якорь бросался еще попеременно обеими сторонами веретена на острую чугунную наковальню. Чистота отделки проверялась нагревом до темно-вишневого цвета, когда проступают все недостатки поковки. Якорь подвешивали и били семифунтовыми молотами. При этом чистый, звонкий звук свидетельствовал, что поковка плотна и в ней нет раковин и трещин.

Если якорь выдерживал все испытания, на нем выбивали клеймо – имя мастера, имя управителя завода, имена двух свидетелей. После выбивалась литера «Р», что значит «пробован». «А которые пробы не устоят, но изломаются или расседины покажутца, таковых не принимать, но велеть исправлять в надлежащее, и по исправлении паки пробовать против вышеописанного и по пробе отдавать в казну. А за то время, что при исправлении пробудут, за работу ничего не давать, ибо они (т.е. кузнецы – работники) повинны оное исправно сделать с одного разу» (Геннин де В. Описание заводов Уральского хребта).

С 1833 г. на Воткинском заводе стал внедряться «английский» способ изготовления якорей по методу Перринга. Суть заключалась в замене брускового железа на полосовой металл. Понимая, что нагреть и проварить тонкие полосы намного легче, чем бруски, рациональный англичанин тем самым сводил к минимуму возможность брака якоря, по причине отсутствия опыта и мастерства у якорного мастера и варовщика. В «русском» же способе основным условием качества был именно высочайший класс мастеров якорного дела. И поскольку в России «заморское» всегда считалось лучше отечественного, с 1838 г. в Гороблагодатском округе перешли к выпуску якорей по «английскому» способу.

В 1838 г. инженер Ковалевский в работе «Якорное производство в Гороблагодатских заводах», фундаментально изучив производство якорей в Нижнетуринском и Серебрянском заводах, пришел к выводам, что местное производство якорей намного выгодней английского.

Можно с уверенностью сказать, что производство якорей являлось вершиной кузнечного мастерства. Однако было одним из самых тяжелых видов труда среди нижнетуринских мастеровых, особенно на первых порах возникновения Нижней Туры. Не зря еще горный начальник В.Н.Татищев в одном из документов сделал пометку: «Писать в Сенат, чтоб колодников вместо галер посылать к заводам Екатеринбургским» (читай: казенным).

Не легче было и горным инженерам. Ответственность и спрос за качество якорей лежала и на них. Документы донесли высказывание мичмана Горчакова, попробовавшего горной службы: «Лучше быть рядовым на Руси, чем здесь лейтенантом».

История сохранила имена якорных мастеров-нижнетуринцев, поставленных на дело якорей. В 1770-х годах – это якорный мастер Иван Баянов. С 1780-х гг. и в первое десятилетие XIX века якоря в заводе ковал мастер Алексей Трофимович Розуев, выходец из Новопышминской слободы, с подмастерьем Осипом Кропивиным и варовщиком Игнатием Бульгиным, а также кузнецами – Иваном Овчинниковым, Симоном Петуховым, Сергеем Деминым, Григорием Собениным.

В 1824 году, согласно «Формулярному списку мастеровых Нижнетуринского завода», у дела якорей стояли: ст. якорный мастер Василий Кропивин, мастера – братья Филипп, Макар и Осип Мурзины, мастера Афанасий Федоров и Степан Шарнин (Шарнин); варовщики: Петр Мокин, Козьма Черных, Сергей Меркушин, Демид Убругов, Петр Шарнин, Ермолай Дерябин, Матвей Ермаков, Матвей Кропивин.

В заключение хочется привести интересный факт. «В 1963 г. в Ильичевске подняли со дна моря старый якорь. Помимо заводского клейма, на нем сохранились надписи: Андрей Кротов, Иван Черкасов, Александр Москвин, Матвей Тюрин. По всей вероятности, первое имя – это имя якорного мастера, второе – управляющего кузницей, последние два – имена свидетелей, присутствовавших при испытании якоря на прочность» (ГАСО. Ф.24.Оп. 23. Д.7419).

Можно с очень большой долей уверенности сказать, что этот якорь откован в Нижней Туре, в период управления заводом Ивана Ивановича Черкасова с 1833 по 1841 гг., чье имя высечено вторым на якоря, т.е. на положенном месте. Фамилия мастеровых Москвиных упоминается по ревизии с 1834 г. Второй свидетель, Матвей Тюрин, был в 1824 г. кузнецом Нижнетуринского завода. Что касается Андрея Кротова, то в «Формулярных списках...» Нижней Туры в 1824 г. он не упоминается, зато присутствуют многие мастеровые кузнецы Кротовы. И, вероятно, в период 1830-х годов один из их сыновей и являлся кузнецом, подтвердившим качество якоря.

ОБРАЗОВАНИЕ ЮГРЫ
ВЫСТАВКА - ФОРУМ

Апрель 2011
г. Ханты-Мансийск

Выставка-форум "Образование Югры - 2010"
посвященная Году учителя в России

год
УЧИТЕЛЯ
2010

День здоровья

на базе отдыха «Хрустальная»!

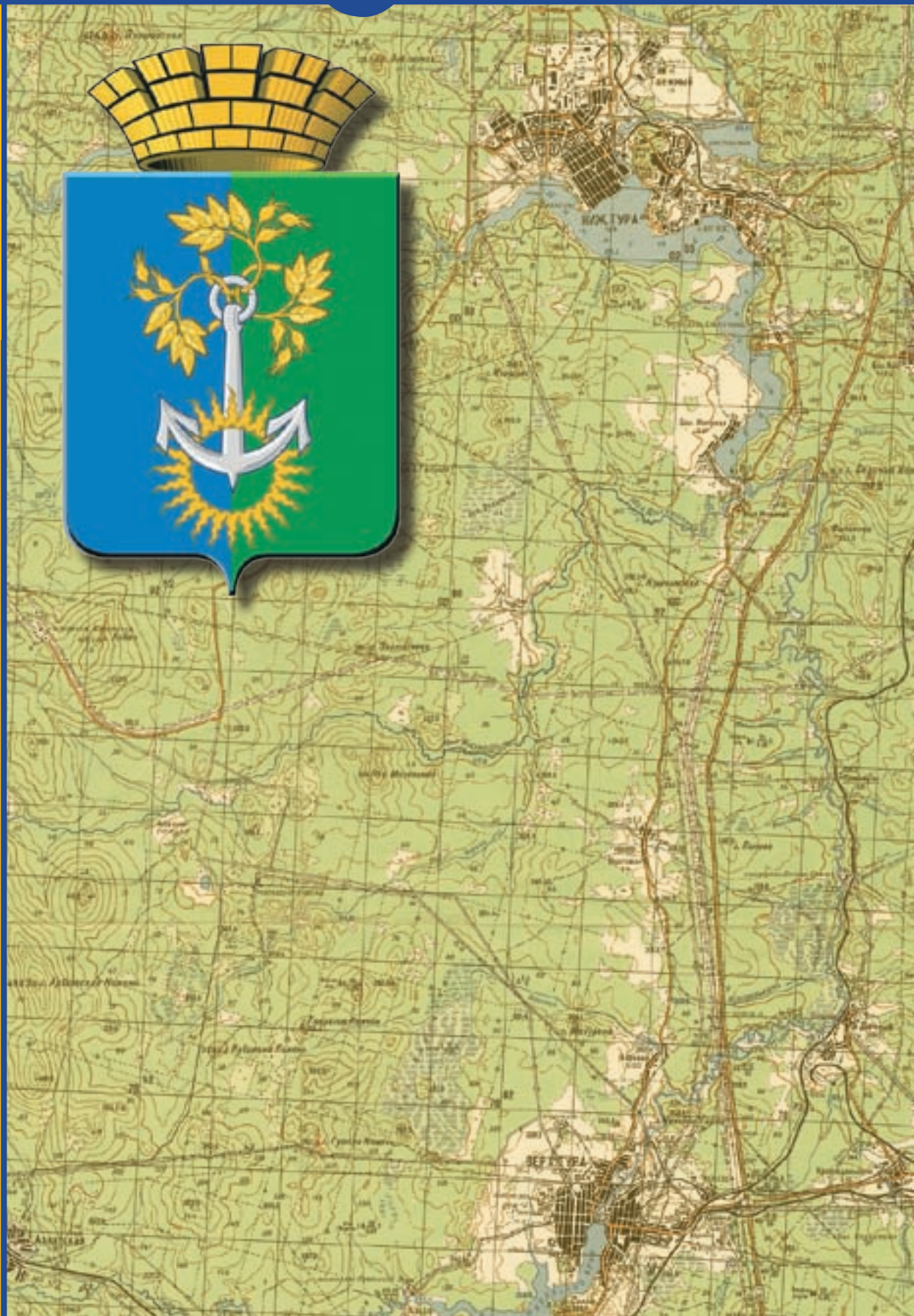

- Лыжная прогулка по зимнему лесу:
прокат лыж за 1,5 часа:
пластиковые – 150 руб.
деревянные – 120 руб.
Профессионально подготовленные
лыжные трассы 2 км, 3 км и 5 км;
- Посещение бассейна с артезианской водой (25 метров, 5 дорожек) и финской сауны;
- Занятия аквааэробикой, йогой, пилатесом;
- Массаж и косметологические процедуры по очень доступным ценам;
- Горячий глинтвейн и очень вкусная еда в баре.

Звоните по тел. (343) 213-76-16 и 213-76-26
Мы ответим на все Ваши вопросы.

Приезжайте! Мы работаем для Вас
без выходных! www.crystalbaze.ru

УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ

ДУХОВНЫЙ ЦЕНТР УРАЛА

ОТ ФАНТАЗИИ К ГИПОТЕЗЕ

КАКИЕ ОНИ, НИЖНЕТУРИНСКИЕ ЯКОРЯ?

февраль
2011 (№644)

Дарина ДАШКОВА
Фото В. И. ХОЛОСТЫХ

Ставим на хроющую лошадь?

Перспективы развития въездного туризма на Урале.

Дарина ДАШКОВА

Дарина Дашкова – внештатный корреспондент журнала «Уральский следопыт». Окончила факультет журналистики Уральского государственного университета им. Горького по специальности «Международная журналистика».

Однажды в Лондоне один англичанин спросил меня: «Катринбург? Там ведь расстреляли семью последнего русского царя?». Преодолев смущение, я неуверенно кивнула. Признаться, слегка неприятно осознавать, чем так знаменит наш край на весь мир. Может быть, пришло время что-то изменить и познакомить гостей из других стран и городов с более привлекательными сторонами жизни Уральской земли?

С 2011 года министерство культуры и туризма Свердловской области запускает в действие новую целевую программу развития туризма. Существует мнение, что проект способен кардинально изменить туристский имидж Свердловской области, вывести его на новый, конкурентоспособный уровень. На страницах «Уральского следопыта» эксперты разных областей туризма, а также авторы новой масштабной программы делятся своим мнением относительно туристического потенциала и будущего области.